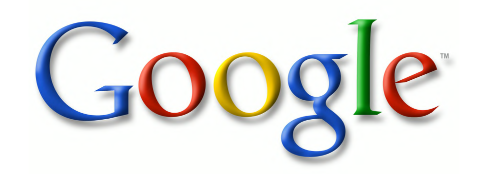

VE
RI
TAS

СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГРЕЧА.

Ахъ, сколько я въ мой вѣкъ бумагѣ исписалъ!
Дмитріевъ.

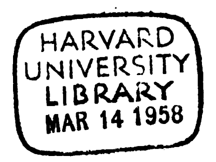
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА.

II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 15-го Апрѣля 1836 года.

Ценсоръ Петръ Корсаковъ.

В ъ типографiи Н. Греча.

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА.

РОМАНЪ

Николая Греча.

Любовь и дружба — вотъ чѣмъ должно
Себя подъ солнцемъ утѣшать!
Искать блаженства намъ не можно,
Но можно — менѣе страдать.
А кто любилъ, кто былъ любимымъ,
Былъ другомъ нѣжнымъ, свято чтимымъ,
Тотъ въ свѣтѣ семъ не даромъ жилъ,
Не даромъ землю бременилъ!

Карамзинъ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

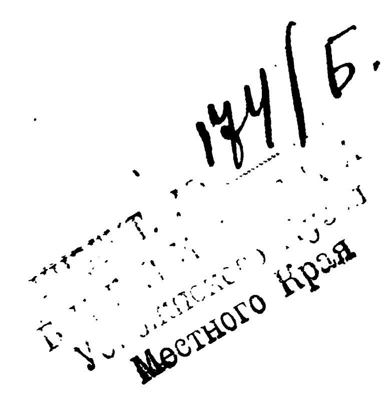
ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1838.

1

КНИГА ТРЕТІЯ.

XXXVI.

С. Петербургъ. 1816. Іюль.

Запыленная дорожная бричка остановилась у Московской Заставы. Съ козелъ соскочилъ безрукій денщикъ, и отправился въ караульню съ подорожнею. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ, вскочилъ опять на козлы, и унтеръ-офицеръ закричалъ часовому: подвысь! Бричка влетѣла въ Петербургъ и застучала по мостовой. У Обухова Моста поворотила она направо, по Фонтанкѣ, и, когда доѣхала до Аничкова Моста, сидѣвшій въ ней приказалъ остановиться. Денщикъ сошелъ съ козелъ, отперъ дверцы и помогъ выйти изъ брички человѣку лѣтъ подъ пятьдесятъ, въ мундирномъ сюртукѣ и фуражкѣ. На лицѣ его начертаны были страданія многихъ лѣтъ; глаза свѣтились томнымъ огнемъ безотрадной старости; лѣвая, израненая рука была подвязана; на лѣвую же ногу онъ прихрамывалъ. Вышедъ изъ

брички, онъ снялъ фуражку и перекрестился. Вѣтеръ поднималъ рѣдкіе черные съ просѣдью волосы на челѣ его

«Ступай съ экипажемъ въ трактиръ Лондонъ,» сказалъ онъ денщику: «а я прибреду туда кое-какъ пѣшкомъ.» — «Да не устанете ли, ваше сіятельство!» спросилъ денщикъ, съ участіемъ поглядывая на его хромую ногу. — «Такъ возьму извощика,» отвѣчалъ кротко Князь Кемскій. «Да здѣсь и не устанешь: посмотри, какую аллею насадили для меня, увѣчнаго, посереди проспекта.» — «Какъ изволите!» сказалъ Силантьевъ, взобрался на козлы, и закричалъ: «пошелъ прямо!»

Князь не послѣдовалъ за экипажемъ, а пошелъ по лѣвой сторонѣ проспекта, отъ моста къ Литейной Улицѣ, считая домы: первый — старый знакомецъ временъ Петра Великаго, второй, вотъ и третій. Но третій домъ былъ уже не тотъ, котораго искалъ нашъ странникъ. За двадцать лѣтъ предъ симъ стоялъ тутъ небольшой зеленый деревянный домикъ, принадлежавшій Рускому серебрянику; теперь, на мѣстѣ его, возвышались огромныя палаты. Князь вздохнулъ тяжело. «И слѣду не осталось тѣхъ мѣстъ, гдѣ я былъ такъ счастливъ!» сказалъ онъ про себя, и опять обратился къ мосту. Разнообразіе и новость предметовъ, казалось, развлекали и облегчали его тяжкія думы и горестныя воспоминанія. «Вотъ Аничковскій Дворецъ,» говорилъ онъ про себя: «какъ онъ теперь чистъ, красивъ, ве-

ликолѣпен : за семнадцать лѣтъ оставилъ я его почти въ шенномъ запустѣніи. А садъ! Какое это странное, широкое зданіе посреди двора? Это долженъ быть театръ! На полуразрушенной стѣнѣ уцѣлѣла еще колоннада, написанная Гонзагою, а вотъ и маленькій храмикъ Правосудія, съ греческою надписью!» — Гостиный Дворъ — старый знакомецъ, но исчезли низенькія, безобразныя шляпныя лавки, — теперь на ихъ мѣстѣ великолѣпный портикъ. На мѣстѣ Казанскаго Собора, зданія простаго и ветхаго, возвышается новый храмъ съ величественнымъ куполомъ и колоннадою. Но какимъ образомъ странникъ нашъ очутился у Казанскаго Собора, не переходивъ чрезъ Казанскій Мостъ, крутой, тѣсный, грязный? Мостъ исчезъ или, лучше, превратился въ широкій проѣздъ надъ Екатерининскимъ Каналомъ, едва примѣтною выпуклостію измѣняющій своду надъ водою. Прекрасный старинный домъ Графа Строганова на томъ же мѣстѣ, но за Полицейскимъ Мостомъ, — который изъ зеленаго деревяннаго превратился въ чугунный съ прекрасною балюстрадою, — между Большою и Малою Морскими, гдѣ были деревянные заборы, возвышаются великолѣпные домы въ пять этажей. А Адмиралтейство? Вотъ оно. Уцѣлѣлъ только прекрасный шпицъ его; главное же строеніе, низкое, небѣленое, похожее на фабрику, преобразилось въ зданіе величественное, оригинальное. Валы исчезли; рвы засыпаны, и на мѣстѣ ихъ красуются тѣнистыя аллеи.

Не однѣ улицы, не одни домы сдѣлались чужды бѣдному пришельцу! Ему казалось, что онъ перенесенъ на край свѣта: вездѣ раздаются звуки роднаго языка, но выраженіе встрѣчающихся ему лицъ иное, чуждое, незнакомое. Семнадцать лѣтъ — половина поколѣнія! Бывало, не могъ онъ пройти двадцати шаговъ, не встрѣтивъ знакомаго, пріятеля, сослуживца. Теперь онъ прошелъ вдоль всего проспекта, не видавъ привѣтнаго лица. Въ раздумьѣ воротился онъ опять на аллею за Полицейскимъ Мостомъ, и сѣлъ на скамью. Мимо его мелькали пѣшеходы. По улицѣ мчались экипажи. Шумъ оглушалъ непривычнаго къ городскому волненію. Онъ всталъ и хотѣлъ отправиться домой; вдругъ окружила его ватага, хорошо одѣтыхъ молодыхъ людей. «Забавенъ!» сказалъ одинъ изъ нихъ, смотря на него въ лорнетъ.— «Что за костюмъ!» вскричалъ другой: «позвольте спросить (оборотясь къ Кемскому), кто шьетъ на васъ? Буту, Люйлье, Фроммъ, Зеленковъ! Mais il est délicieux!» — «Оставьте меня въ покоѣ,» сказалъ Кемскій съ досадою.— «Сперва отвѣчайте на мой вопросъ!» закричалъ молодой человѣкъ. — «Отвѣты бываютъ различные,» сказалъ Кемскій равнодушно по-французски, поглядывая на свою трость съ костылькомъ. — Французская фраза, произнесенная чисто, правильно и рѣшительно, подѣйствовала на негодяевъ. Одинъ изъ нихъ, военный, какъ казалось, посовѣтовалъ прочимъ оставить угрюмаго старика въ покоѣ. Они засмѣялись, чтобъ скрыть

свое замѣшательство, и пошли. Кемскій поплелся вслѣдъ за ними, и вскорѣ потерялъ ихъ изъ виду. «Я, по крайней мѣрѣ, этого не заслужилъ,» думалъ онъ про себя: «въ молодости моей я всегда уважалъ старшихъ, а смѣяться надъ изувѣченнымъ воиномъ — это ужъ никакъ не простительно!»

При всходѣ на Полицейскій Мостъ, онъ, заглядѣвшись въ сторону, столкнулся было съ двумя молодыми генералами, шедшими къ нему навстрѣчу. Помня недавнее приключеніе, онъ спѣшилъ отойти въ сторону; но каково было его удивленіе, когда молодые люди, съ внимательнымъ и ласковымъ на него взглядомъ, посторонились сами, и, давъ ему пройти, на воинское его привѣтствіе отвѣчали учтиво, какъ будто старшему по службѣ. Кемскій замѣтилъ, что они пристально смотрѣли и на георгіевскій крестъ его, и на слѣды тяжелыхъ ранъ. Онъ остановился и глядѣлъ вслѣдъ за ними. Народъ предъ ними разступался; прохожіе останавливались и снимали шляпы. Кемскій догадался, съ кѣмъ встрѣтился случайно, и усладительное чувство проникло въ его осиротѣлую душу. — Волнуемый различными ощущеніями и помыслами, онъ добрелъ до трактира, гдѣ Силантьевъ, привычный къ дорожной жизни, уже нанялъ для него квартиру, и сдѣлалъ всѣ приготовленія къ его принятію.

XXXVII.

Послѣ обѣда Силантьевъ отправился развѣдать, гдѣ живетъ Алевтина Михайловна, и узнать, когда можно ее видѣть. Онъ воротился съ отвѣтомъ, что ея превосходительство, госпожа дѣйствительная статская совѣтница Баронесса фонъ-Дракъ изволитъ квартировать въ Большой Садовой Улицѣ, но нынѣ, по лѣтнему времени, имѣетъ пребываніе на дачѣ, на Аптекарскомъ Острову. Его же превосходительство, Баронъ Иванъ Егоровичъ, ежедневно по утрамъ, съ десяти до двѣнадцати часовъ, изволитъ пріѣзжать въ городской домъ, для пріема просителей. «Баронесса? баронъ?» думалъ про себя Кемскій: «откуда эти титла? Фонъ-Дракъ — непомнящій родства Нѣмецъ, и *фонъ* приклеенъ къ его прозвищу по ошибкѣ пьянаго полковаго писаря при опредѣленіи его въ службу. А теперь онъ и баронъ! Вѣроятно, какая нибудь ошибка. Славятся же нѣкоторыя книги однѣми опечатками: такъ почему же и словесной твари не почерпнуть славы изъ того же источника?»

На другой день Кемскій поплелся пѣшкомъ, въ сюртукѣ, къ новому барону. На вопросъ его, пріѣхалъ ли его превосходительство, швейцаръ отвѣчалъ грубо: «ступайте вверхъ.» — Первый признакъ худаго пріема! Привратникъ бываетъ обыкновенно представителемъ обхожденія и нрава господскаго: Кемскій замѣчалъ неоднократно, что швейцары вельможъ благородныхъ, кроткихъ

и учтивыхъ, отличаются вѣжливостью, предупредительностью; привратники надутыхъ, спѣсивыхъ и грубыхъ сатраповъ только барину своему уступаютъ въ дерзости и нахальствѣ. Онъ поднялся по великолѣпному крыльцу, и вошелъ въ большую пріемную залу. Человѣкъ пятьдесятъ просителей, въ томъ числѣ и нѣсколько женщинъ, ждали восхода яснаго солнышка. Одинъ сидѣлъ на стулѣ, устремивъ неподвижные глаза въ паркетъ; другой смотрѣлъ на потолокъ; третій разглядывалъ картинки на стѣнахъ, заимствованныя изъ басень Езоповыхъ: здѣсь волкъ душитъ овцу; тутъ лисица лакомится осиротѣвшими птенцами; тамъ оселъ лягаетъ больнаго льва. Иные зѣвали, расхаживая по залѣ, и переминая въ рукахъ прошенія и записки. Кемскій обратился было къ слугѣ съ просьбою доложить барину. — «Извольте подождать, сударь!» — отвѣчалъ холопъ съ сердцемъ: «у насъ и генералы въ звѣздахъ по часамъ дожидаются.» — «Что дѣлать!» подумалъ Кемскій: «подожду и я.» Онъ сѣлъ въ углу комнаты на порожній стулъ, и сдѣлался невольнымъ слушателемъ разговора двухъ просителей.

«Вотъ уже четыре недѣли,» сказалъ одинъ, вздыхая: «что я дежурю здѣсь по два раза въ недѣлю, а не могу добиться толку. Генералъ принимаетъ просьбы, обѣщается исполнить, и только передаетъ бумаги своему правителю дѣлъ, а у этого все пропадаетъ.» — Другой: «Нельзя понять, какъ господинъ баронъ могъ ввѣриться

такому негодяю, какъ этотъ гнусный Тряпицынъ. Невѣжда, безграмотный, взяточникъ, обманщикъ, а начальникъ этого не видитъ.» — Первый: «Эхъ, батюшка! видно, вы не знаете въ подробности здѣшнихъ обрядовъ. Тряпицынъ держится милостію генеральши. Грѣшно сказать, чтобъ Иванъ Егоровичъ самъ взялъ съ кого либо копѣйку, а между тѣмъ домъ его какъ полная чаша. Барыня его даетъ обѣды; одинъ сынокъ мѣтитъ въ каммеръ-юнкеры, другой офицеромъ въ гвардіи; дочкѣ приданое, сказываютъ, припасли изрядненькое. Тряпицынъ деретъ съ живаго и съ мертваго, и платитъ ея превосходительству кварту съ аренды. Съ нѣкотораго времени казалось было, что онъ пріугомонился. Слава Богу! заговорили всѣ: видно вдоволь насосался. Да не прошло полугода, какъ онъ опять началъ давить челобитчиковъ безъ милосердія. Причина тому, говорятъ, вотъ какая. У генеральши братъ, человѣкъ богатый, уже нѣсколько лѣтъ обрѣтается въ походахъ. Съ годъ мѣста тому назадъ, пришла вѣсть, что онъ взятъ въ плѣнъ и убитъ Черкесами на Кавказской Линіи. Сестрица и бухъ просьбу въ суды о введеніи ея во владѣніе. Съ кредитомъ Ивана Егоровича и умомъ Якова Лукича не трудно уладить и не такое дѣльцо. Справили и отказали за нею. Вдругъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, получили извѣстіе, что братецъ ея былъ въ плѣну, да освобожденъ. А между тѣмъ она, въ надеждѣ будущихъ благъ, начала было жить и кутить не въ свою голову, позадолжалась.

Что дѣлать! Вотъ и предписали Тряпицыну усугубить усердіе къ службѣ, а для поощренія представили къ наградѣ. Я было сладилъ съ нимъ одно дѣло и довольно сходно, а на другой день онъ заломилъ такую сумму, что мнѣ не въ моготу пришло, и я рѣшился прожить здѣсь долѣе, чтобъ обождать время; авось либо спуститъ. А вы, сударь, также за дѣломъ изволите сюда ходить?» — Другой: «За дѣломъ, но не за тяжебнымъ. Я служилъ подъ начальствомъ барона, въ Вятской Губерніи, вызванъ былъ сюда для перемѣщенія въ другую должность, и вдругъ нечаянно лишился мѣста.» — Первый: «Какъ же это, батюшка?» — Второй. «А вотъ какъ. Однажды прихожу я къ Тряпицыну въ канцелярію, и, не заставъ его, дожидаюсь. Въ это время собрался у барона какой-то комитетъ, въ которомъ онъ председателемъ. Прибѣгаетъ отъ него въ канцелярію дежурный за правителемъ дѣлъ. Отвѣчаютъ: нѣтъ его! — Прибѣгаетъ вторично, и спрашиваетъ, нѣтъ ли въ канцеляріи кого изъ чиновниковъ. Нѣтъ, кромѣ писцовъ и такого-то пріѣзжаго, то есть меня. Прибѣгаетъ въ третій разъ: пожалуйте, хоть вы; генералъ проситъ! Я пошелъ. Баронъ вертѣлся на председательскомъ мѣстѣ въ отчаяніи. «Сдѣлайте одолженіе,» сказалъ онъ мнѣ жалобнымъ голосомъ: «помогите намъ въ бѣдѣ. Мы сегодня же должны представить начальству донесеніе о важномъ дѣлѣ. Донесеніе и написано, но оно у правителя дѣлъ, а его отыскать не могутъ. Потрудитесь напи-

сать. Вотъ всѣ матеріялы.» Онъ вручилъ мнѣ кипу бумагъ. Члены посторонились за столомъ. Я посмотрѣлъ въ дѣло; оно было мнѣ знакомо. Я сѣлъ и набѣло написалъ требуемое донесеніе. Прочиталъ, и всѣ были довольны. Въ это время явился Тряпицынъ, держа въ рукѣ своей проектъ донесенія. «Ужъ не нужно,» сказалъ одинъ изъ членовъ. «Какъ не нужно?» спросилъ Тряпицынъ, грозно взглянувъ на барона. — «Въ самомъ дѣлѣ, господа,» сказалъ фонъ-Дракъ: «я думаю, лучше будетъ подписать донесеніе, сочиненное Яковомъ Лукичемъ: онъ и дѣло это знаетъ основательнѣе, и притомъ онъ отличный стилистъ.» — «Какъ изволите,» сказалъ членъ: «послушаемъ.» — Тряпицынъ началъ чтеніе. «Не то! не то!» закричали члены. «Выслушайте же до конца,» возразилъ баронъ. Выслушали, и громче прежняго возопили: «Не то! не то! это сущій вздоръ и безсмыслица. Подпишемъ прежнее: оно коротко и дѣльно.» — «Очень хорошо!» сказалъ фонъ-Дракъ, и наклоненіемъ головы далъ мнѣ знать, что я могу выйти. — Не знаю, что за этимъ происходило; только на третій день я получилъ увѣдомленіе, что уволенъ изъ подъ начальства барона съ самымъ сухимъ аттестатомъ. Я рѣшился искать правосудія, и во что бы то ни стало... »

Стъ! стъ! раздалось въ залѣ. Всѣ сидѣвшіе просители привстали, ходившіе остановились. Растворились двери изъ передней, и появился Тряпицынъ. Онъ прошелъ важно, пыхтя и крях-

тя, въ кабинетъ барона, и не отвѣчалъ на поклоны и умильные взгляды челобитчиковъ. Кемскій едва узналъ его: онъ растолстѣлъ до неимовѣрности; широкій подбородокъ покоился на узенькомъ галстухѣ; красный носъ свисъ на губы, безвласое чело лоснилось; ноги едва передвигались. Жадность, безсовѣстность, шампанское и подагра наложили на него тяжелую печать свою. Шествіе его по залѣ, подобно теченію грозной планеты, разстроило прежній порядокъ. Толпы разступились, разговаривавшіе умолкли: взоры всѣхъ устремились на таинственныя двери кабинета.

Ожиданіе было не слишкомъ продолжительно: вскорѣ двери распахнулись, и оттуда вышелъ размѣренными, важными шагами Баронъ Иванъ Егоровичъ фонъ-Дракъ, напудренный, во фракѣ со звѣздою. Кемскій съ трудомъ узналъ его: казалось, что онъ, въ теченіе семнадцати лѣтъ, выросъ; лобъ его лоснился, подбородокъ и нижняя губа высунулись впередъ; одинъ зубъ, оставшійся въ нижней челюсти, какъ Лотова жена въ пустынѣ, подпиралъ верхнюю губу; неопредѣленныя въ прежнее время черты лица преобразовались въ рѣшительныя морщины, видимо напечатлѣвавшія на лицѣ клеймо: дуракъ. Онъ важно поклонился собранію, и началъ принимать просьбы. Всякому безмолвному просителю онъ улыбался довольно привѣтливо, бралъ бумаги, развертывалъ; представлялся, будто читаетъ, хотя по большей части держалъ ихъ ни-

зомъ вверхъ, и потомъ отдавалъ провожавшему его дежурному. Не такъ милостиво поступалъ онъ съ тѣми челобитчиками, которые дерзали сопровождать поданіе бумаги словеснымъ объясненіемъ или являлись съ изустными просьбами. Подбородокъ его задрожитъ, уединенный зубъ забьетъ въ верхнюю губу, носъ покраснѣетъ, и нетерпѣніе изольется изъ устъ въ самыхъ неучтивыхъ выраженіяхъ. Проситель обыкновенно поклонится и замолчитъ; но не всѣ были такъ скромны: нѣкоторые непремѣнно домогались, чтобъ баронъ ихъ выслушалъ и понялъ. Въ такой крайней бѣдѣ фонъ-Дракъ останавливался, и обратясь къ дверямъ кабинета, жалобно вопилъ: «Тряпицынъ!» — Тряпицынъ, стоявшій дотолѣ въ дверяхъ, и разговаривавшій съ раболѣпными чиновниками и важнѣйшими просителями, иногда явно насмѣхаясь надъ своимъ начальникомъ, — подходилъ къ нему медленно и принималъ объясненіе на себя, а освобождённый баронъ подвигался далѣе.

Кемскій, боясь своимъ неожиданнымъ появленіемъ разстроить аудіенцію, и тѣмъ причинить неудовольствіе многимъ бѣднякамъ, дожидавшимся съ самаго ранняго утра, отступалъ далѣе и далѣе, и старался не слушать рѣчей своего зятя: но наконецъ невольно принужденъ былъ сдѣлаться зрителемъ и слушателемъ. Одна женщина, подавъ бумагу, присовокупила изустно, что она и семейство ея разорены пожаромъ, что мужъ ея боленъ, и пр. — «Пожарный случай?»

сказалъ фонъ-Дракъ: »Что жъ я могу для васъ сдѣлать? Все это произошло на основаніи законовъ и по распоряженію мѣстнаго начальства.» — «Да у насъ нѣтъ насущнаго хлѣба!» продолжала она жалобно. — «Я вамъ повторяю,» сказалъ онъ съ досадою: «что я не вижу въ семъ обстоятельствѣ ни какого нарушенія существующихъ постановленій, и помочь вамъ не могу. А вы что опять?» вскричалъ онъ, обратясь къ молодому человѣку: «чего вы еще хотите?» — «Прошу ваше превосходительство, возвратить мнѣ мое мѣсто, которое я съ честію занималъ пять лѣтъ.» — «Какое мѣсто?» — «Я былъ контролеромъ при департаментѣ, могу еще служить, и вдругъ меня перечислили въ архивъ. За что это?» — «За неповиновеніе начальству,» сказалъ фонъ-Дракъ важнымъ голосомъ: «вы явно противорѣчили коллежскому совѣтнику Тряпицыну. Я не терплю своевольства: повинуйтесь начальникамъ, или ступайте, куда угодно.» — «Генералъ правъ,» пробормоталъ второй изъ прежнихъ собесѣдниковъ. — «Да знаете ли, въ чемъ состояло неповиновеніе этого чиновника?» спросилъ шепотомъ первый: «онъ не хотѣлъ жениться на падчерицѣ Тряпицына, бывшей за три года предъ симъ у отца его прачкою.»

Фонъ-Дракъ мало по малу дошелъ до Кемскаго, и, взглянувъ на его подвязанную руку, на георгіевскій крестъ, закричалъ съ гнѣвомъ: «Оставьте меня въ покоѣ! У меня нѣтъ для васъ мѣста. На то учрежденъ Комитетъ 18-го Августа.»

— Кемскій, не ожидавшій такого родственнаго привѣтствія, нѣсколько времени не могъ опомниться, и когда зять его подошелъ уже къ другому просителю, сказалъ ему тихо: «Иванъ Егоровичъ! вы меня не узнаете?» Фонъ-Дракъ, послышавъ знакомый голосъ, остановился, какъ громомъ пораженный, пристально поглядѣлъ на князя, и, поблѣднѣвъ, закричалъ: «Тряпицынъ! Тряпицынъ! это онъ!» Тряпицынъ, услышавъ трепещущій голосъ своего покровителя и питомца, подбѣжалъ, и взглянувъ на Кемскаго, остолбенѣлъ.

«Я не къ Тряпицыну пришелъ,» возразилъ Кемскій: «Иванъ Егоровичъ! извольте кончить пріемъ, а потомъ, прошу васъ, свезите меня къ сестрѣ!» Тряпицынъ отретировался въ кабинетъ, а Иванъ Егоровичъ, ни живой, ни мертвый, продолжалъ начатое дѣло.

XXXVIII.

Ни какая кисть не изобразитъ того смѣшенія изумленія, испуга, злобы и лицемѣрія, которое мгновенно овладѣло Алевтиною, когда князь, въ сопровожденіи Фонъ-Драка, вступилъ въ гостиную ея загороднаго дома. Чтобы скрыть душевное волненіе, яркими чертами изразившееся на лицѣ ея, она кинулась обнимать и цѣловать его. «Братецъ, голубчикъ, ангелъ мой! Наконецъ услышалъ Богъ мои молитвы: ты живъ и не-

вредимъ, послѣ такихъ трудовъ и страданій!» кричала она рыдая; потомъ, воскликнувъ: «умираю!» бросилась навзничь въ кресла, и въ самомъ дѣлѣ поблѣднѣла, какъ мертвая. Явились прислужницы, стали спрыскивать, оттирать ее, и она чрезъ нѣсколько минутъ очнулась. Кемскій хотѣлъ быть равнодушнымъ, хладнокровнымъ, но искусные маневры Алевтины сбили его съ толку: онъ невольно принялъ участіе въ ея положеніи, и старался помочь ей, утишить ея волненіе. И она, замѣтивъ успѣхъ своей роли, мало по малу пришла въ обыкновенное положеніе, усадила брата на софу, стала распрашивать о его житьѣ-бытьѣ, разсказывать ему о своихъ дѣтяхъ, о кончинѣ незабвенной матери, и т. п. Слабый и чувствительный Кемскій разжалобился ея повѣстью, слушалъ ее внимательно и съ участіемъ, и почти забылъ, что сидитъ подлѣ злодѣйки всего своего рода и племени. — Иванъ Егоровичъ сидѣлъ въ той же комнатѣ, молчалъ, и удивлялся уму, ловкости и присутствію духа жены своей: «И Яковъ Лукичъ струсилъ,» думалъ онъ про себя: «а она — какъ ни въ чемъ не бывало — дока! дока!»

Алевтина не умолкала въ похвалахъ своимъ дѣтямъ, и только жалѣла, что не можетъ тотчасъ представить ихъ дражайшему дядюшкѣ: Гриша въ канцеляріи министра; Платоша на разводѣ. — «Позовите же Китти!» сказала она вошедшему въ комнату человѣку. «Я думаю, уроки уже кончились.» — «Что это за Китти!» по-

думалъ Кемскій.—«Не повѣрите, милый братецъ,» продолжала Алевтина: «какъ меня радуетъ моя Китти! Скромная, благородная, страстная къ занятіямъ науками, ненавидитъ шумныя общества. . . .» — Растворились двери, и вошла Китти, то есть Катерина Сергѣевна Элимова, въ загородномъ неглиже, на англійскій манеръ: талья низкая и плотная, юбки короткія; на ногахъ ботинки, на головѣ пуховая шляпа, въ правой рукѣ хлыстикъ. Вмѣстѣ съ нею вбѣжала, съ ужасным ъ лаемъ, англійская охотничья собака. — Алевтина встала и съ замѣшательствомъ пошла къ ней навстрѣчу: «Наконецъ дождались мы, милая Китти, дорогаго нашего друга, твоего дядюшки. Вотъ онъ! вотъ любимецъ моего сердца! И если ты любишь мать, то будешь любить и того, кто ей дороже всего въ жизни!» — Кемскій подошелъ къ племянницѣ, и дружески ее привѣтствовалъ. Она поморщилась и пробормотала что-то сквозь зубы по-англійски. — «Извини, милая Катерина Сергѣевна,» сказалъ онъ; »я не говорю и не понимаю по-англійски.» Она улыбнулась насмѣшливо, и сказала: «Я говорю, что имѣю большое удовольствіе видѣть почтеннаго дядюшку!» и небрежно кинулась на диванъ. Алевтина и Кемскій сѣли на прежнія мѣста, и тщетно искали предметовъ для разговора. Онъ между тѣмъ разсматривалъ племянницу: стройная, ловкая, слишкомъ ловкая, рѣзкая въ движеніяхъ, безъ всякой грацін; лице правильное, блѣдное, съ выраженіемъ гордости, суровости и

насмѣшки. Она повертывала хлыстикомъ, хлестала имъ слегка собаку, приговаривая по-англійски: «Oh, you pretty creature!»

Алевтина была въ крайнемъ смущеніи, и старалась какъ нибудь завести разговоръ. — «Гдѣ сиръ Горсъ?» — спросила она наконецъ. — «Вы меня выводите изъ терпѣнія,» закричала дочь съ гнѣвомъ: «тысячу разъ я говорила вамъ, что у *насъ* такъ не говорятъ: слово серъ, а не сиръ, присоединяется къ имени, а не къ фамиліи — серъ Уилліямъ, а не сиръ Горсъ.» — «На старости трудно привыкать къ новымъ языкамъ и манерамъ,» отвѣчала Алевтина, краснѣя отъ стыда и досады. Кемскому стало жаль сестры, но онъ вспомнилъ, какъ дерзко она сама, въ молодыя лѣта, насмѣхалась надъ своею матерью, которая не умѣла говорить по-французски. — «Правосудіе небесное!» думалъ онъ: «свѣтъ перемѣняетъ мундиръ, а въ существѣ остается тотъ же. Въ молодости мы чванились предъ стариками французскимъ болтовствомъ; теперь наши дѣти вымещаютъ это языкомъ англійскимъ, а ихъ чѣмъ накажутъ внуки? Пожалуй, еще персидскимъ или арабскимъ!» — Разговоръ томился. Всѣ глядѣли другъ на друга съ недоумѣніемъ и робостью. «Надѣюсь, вы будете сегодня у насъ обѣдать?» сказала Алевтина: «мнѣ хотѣлось бы представить вамъ сыновей моихъ.» — «Съ удовольствіемъ,» отвѣчалъ Кемскій: «а теперь позвольте мнѣ погулять у васъ за го-

родомъ. Я лѣтъ двадцать не видалъ здѣшнихъ мѣстъ.»

Хозяева его не удерживали. Онъ вышелъ изъ дому, тѣснимый тяжелымъ чувствомъ, и въ раздумьѣ шелъ, самъ не зная куда. «И вотъ тѣ люди, которымъ я долженъ оставить отцовское свое наслѣдіе!» думалъ онъ: «Алевтина не стоила моей дружбы. Она… (тутъ мелькнула въ умѣ его черная полоса). Но я надѣялся найти что нибудь въ ея дѣтяхъ; надѣялся, хоть на старости, увидѣть людей близкихъ мнѣ по родству, близкими и по сердцу. Посмотримъ, что будетъ далѣе. Но я не предвижу ничего хорошаго.....» — Стукъ каретный прервалъ его размышленія. Онъ поднялъ глаза, и увидѣлъ, что находится на большомъ Каменноостровскомъ Проспектѣ. Широкая, мощеная дорога пролегаетъ между великолѣпными дачами и миловидными сельскими домиками. Этого не было здѣсь въ его время. Но гдѣ та роща, березовая и сосновая, въ которой онъ иногда прогуливался съ пріятелями? Исчезла. Мѣсто ея, большая равнина, на которой изрѣдка поднимаются отдѣльныя деревья, обнесено красивымъ заборомъ. «И то было хорошо — въ свое время!» подумалъ онъ. Вышедъ на берегъ Невы, онъ очутился на прекраснѣйшемъ мосту, какой только случалось ему видѣть. Легкая филиграновая арка перегибается линіею красоты чрезъ быструю Неву. Онъ взошелъ на мостъ — предъ нимъ открылась очаровательная картина: съ одной стороны дачи по

обоимъ берегамъ Невы, и въ числѣ ихъ, старый знакомецъ, алый домъ Барона Колокольцова, съ рѣзнымъ бельведеромъ; вдали Крестовскій Островъ. Съ другой стороны влѣво, прекрасный Каменноостровскій Дворецъ, передъ нимъ двѣ яхты и фрегатъ; направо, чья-то прелестная дача на островку — бѣлый домъ, опушенный густою зеленью; прямо, садъ Строганова и знакомыя желтыя каменныя ворота. Наглядѣвшись на эту очаровательную панораму, Кемскій сошелъ съ мосту, и повернулъ направо, мимо дворца. — Вокругъ дома Государева господствовала тишина. Все дышало порядкомъ, чистотою, спокойствіемъ. Простота жилища усугубляла уваженіе къ хозяину. За воротами сада, идущими къ Невѣ, Кемскій увидѣлъ мостъ, перешелъ и очутился въ Строгановомъ Саду, гдѣ бывалъ *съ нею*. Поднялся вѣтерокъ. Листья деревъ зашумѣли: въ густомъ кустарникѣ что-то зашевелилось, и опять умолкло. Въ саду было тихо и уединенно. Домъ графскій запертъ, но все въ прежнемъ видѣ: Геркулесъ и Флора по сторонамъ крыльца, Нептунъ посреди пруда, ветхій мостикъ съ березовыми перилами, моховая пещера, Гомерова гробница. Вотъ и Черная Рѣчка. На другомъ берегу ея жизнь и движеніе. Рядомъ красуются чистенькіе домики. Группы гуляютъ по берегу. Дѣти рѣзвятся. . . .

XXXIX.

Въ часъ обѣда Кемскій воротился на дачу фонъ-Драка. Въ гостиной были Алевтина, мужъ ея, дочь, Тряпицынъ и нѣсколько человѣкъ ему неизвѣстныхъ. Алевтина, между тѣмъ, успѣла собраться съ духомъ, и приняла брата еще съ бо́льшею твердостью нежели утромъ. «Grégoire! Platon!» громко сказала она сыновьямъ своимъ: «présentez donc vos respects à votre oncle!» Два молодые человѣка, одинъ статскій, другой военный, отдѣлились отъ толпы, и подошли къ Кемскому. Онъ хотѣлъ пойти къ нимъ навстрѣчу, и вдругъ остановился, узнавъ въ нихъ тѣхъ самыхъ молодыхъ людей, которые вчера атаковали его на бульварѣ. И они его узнали. Старшій, Григорій, болѣе другаго виноватый, поблѣднѣлъ было, но скоро оправился, улыбнулся насмѣшливо, закусилъ губу, и небрежно поклонился. Младшій, Платонъ, тотъ самый, который удерживалъ своихъ товарищей отъ шалости, бросился на шею Кемскому, и съ жаромъ обнялъ его. «Наконецъ дождались мы счастія васъ видѣть!» вскричалъ онъ и залился слезами. «Добрая душа!» подумалъ Кемскій: «онъ одинъ мнѣ обрадовался.» Минута смущенія пролетѣла. Никто того не замѣтилъ.

Пошли къ столу. Алевтина подала руку Кемскому, и посадила его подлѣ себя. Подлѣ него сѣла Китти, а къ ней подсѣлъ рябой, блѣдный, рыжій Англичанинъ, ньюмаркетская конская фи-

зіономія. Съ лѣвой стороны сидѣли сыновья Алевтины и другіе молодые люди. Иванъ Егоровичъ, съ своимъ причтомъ, расположился на противоположномъ концѣ стола. По правую руку отъ него сидѣлъ Тряпицынъ, по лѣвую домашній докторъ, родъ коновала. Всего сидѣло за столомъ человѣкъ четырнадцать. Кушанье и вина были отборныя — сервированы со вкусомъ и великолѣпіемъ. Разговоръ сначала тянулся медленно, но послѣ третьяго блюда пошелъ быстрѣе. — «Что новаго въ свѣтѣ?» спросила Алевтина чрезъ столъ у Тряпицына. — «Важнаго нѣтъ ничего, ваше превосходительство,» отвѣчалъ Тряпицынъ: «только получено извѣстіе о кончинѣ бывшаго министра юстиціи, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Гаврила Романовича Державина.» — «И Державинъ умеръ!» съ уныніемъ сказалъ Кемскій. — «Такъ точно, ваше сіятельство! Его высокопревосходительство изволилъ скончаться въ помѣстьѣ своемъ, въ Новгородской Губерніи.» — «Великая, невозвратная потеря!» — прибавилъ Кемскій. — «Такъ вы знали его, князь?» спросилъ фонъ-Дракъ, выпучивъ глаза. — «Я Русскій, и мнѣ не знать Державина!» отвѣчалъ Кемскій. «Кто изъ насъ (обратясь къ Григорью Сергѣевичу) не знаетъ наизусть его стихотвореній? Не правда ли?» — «Меня изъ того числа исключите,» отвѣчалъ Григорій съ презрительною насмѣшкою: «стихи Державина могли нравиться за тридцать, за сорокъ лѣтъ предъ симъ, но теперь!» — «Помилуй, Григорій Сергѣ-

вичъ! побойся Бога! Много ли такихъ поэтовъ въ мірѣ, не скажу въ Россіи!» примолвилъ Кемскій. — «Точно, точно!» подхватилъ Платонъ: «и нашъ штабсъ-капитанъ....» — «Такъ вотъ изъ чего биться изволите,» сказалъ съ презрительною усмѣшкою Тряпицынъ: «дѣло идетъ о стихахъ! А главное вы забыли — онъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, александровскій кавалеръ. Покойная Императрица пожаловала ему нѣсколько сотъ душъ, и ужъ вѣрно не за стихи.» — «Онъ соединялъ въ себѣ свойства двухъ лицъ, и государственнаго человѣка и писателя. Нáграждали за одно, чтили за то и за другое.» — «Ой ужъ мнѣ эти господа сочинители! сказалъ Тряпицынъ: «вотъ, напримѣръ, есть у насъ въ канцеляріи....» Кемскій прервалъ его съ нетерпѣніемъ: «Если вы не понимаете, что значитъ великій писатель, такъ извольте молчать.» — Всѣ смутились: Алевтина покраснѣла, фонъ-Дракъ поблѣднѣлъ, Тряпицынъ посинѣлъ — такого позора не бывало ему давно — и еще въ домѣ его покровителя! Молодые люди не могли удержать смѣха. И безчувственный Григорій улыбнулся. «Впрочемъ,» сказалъ фонъ-Дракъ: «Яковъ Лукичъ правъ: господъ писателей балуютъ непомѣрно. Не знаю, извѣстно ли вамъ, князь, что одного изъ нихъ недавно, вопреки указу 6-го Августа 1809 года, произвели безъ экзамена въ статскіе совѣтники, и дали ему аннинскую ленту. Ленту новопроизведенному статскому совѣтнику, къ которому еще наканунѣ того дня надписывали:

его высокоблагородію!» — Тряпицынъ что-то подсказалъ ему на ухо: «Да, и еще шестьдесятъ тысячъ чистагану. А что онъ сдѣлалъ? Вотъ нашъ братъ (поглядывая на Тряпицына) трудится весь вѣкъ съ крайнимъ опасеніемъ, а на старости того и смотри, что съ голоду по міру пойдетъ!» — Кемскій удивлялся краснорѣчію фонъ-Драка: видно было, что его задѣли за живое. — «Да кто этотъ писатель?» спросилъ онъ. — «Право, запомнилъ имя,» сказалъ фонъ-Дракъ. — Тряпицынъ что-то пробормоталъ про себя. — «Да, да, да! Это тотъ самый, который написалъ сказку о Бѣдной Лизѣ.» — «Карамзинъ!» воскликнулъ Кемскій съ восторгомъ: «Карамзинъ, который уже нѣсколько лѣтъ занимается сочиненіемъ Русской Исторіи. Такъ видно онъ ее кончилъ?» — «Написалъ и представилъ Государю восемь томовъ,» отвѣчалъ Платонъ. — «Такъ это онъ награжденъ Государемъ съ истинно царскою щедростью! Въ этомъ я узнаю нашего Императора! Дай Богъ ему многія лѣта!» — Противъ Высочайшаго повелѣнія,» продолжалъ фонъ-Дракъ, которому Тряпицынъ служилъ суфлеромъ: «ни толковать, ни спорить не смѣю-съ; но удивительно, какъ можно было дать такую награду за восемь томовъ! Да нашъ годовой отчетъ будетъ и толще и дѣльнѣе!» — Кемскій не отвѣчалъ. — «Однако согласитесь, дядюшка,» возразилъ Платонъ учтиво: «что Карамзинъ испортилъ русскій языкъ. Нашъ штабсъ-капитанъ....» — «Можетъ быть очень хорошій человѣкъ, но если онъ утверждаетъ эту

нелѣпицу, то достоинъ — сожалѣнія!» отвѣчалъ Кемскій. «Знаете ли вы, въ какомъ дѣтскомъ состояніи былъ русскій языкъ, какъ безцвѣтна была Русская Литература до Карамзина? Онъ первый заговорилъ чистымъ русскимъ народнымъ языкомъ, и всѣ сердца русскія отозвались на его голосъ. Слогъ временъ предшествовавшихъ былъ какою-то безобразною смѣсью условныхъ, чуждыхъ намъ оборотовъ. Нелѣпая мысль, будто латинскій языкъ есть корень, основаніе и образецъ всѣхъ прочихъ, убивала духъ языка русскаго. Правда, что нѣкоторые писатели и прежде Карамзина пытались писать по-русски, но рѣшительно началъ онъ первый.» — Платонъ возразилъ: «Но штабсъ-капитанъ Залетаевъ, утверждаетъ, что Ломоносовъ» — — Былъ геній, ораторъ и поэтъ, но не прозаикъ. Впрочемъ это не служитъ къ его униженію: и Лейбницъ въ свое время не зналъ, что существуетъ планета Уранъ. Если бъ вы были свидѣтелями того радостнаго изумленія, въ которое мы, тогдашніе молодые люди, слѣдственно готовые къ принятію всѣхъ впечатлѣній, приведены были первыми книжками Московскаго Журнала! Это волненіе душевное можно сравнить только съ ощущеніемъ человѣка, которому вдругъ возвратили зрѣніе или развязали языкъ!» Кемскій, воспламененный предметомъ разговора, долго не замѣчалъ, что проповѣдуетъ въ пустынѣ. Всѣ занимались своимъ дѣломъ: кто ѣлъ, кто разговаривалъ съ сосѣдомъ — никто не слушалъ.

Платонъ устремилъ глаза въ тарелку, какъ будто отрекаясь отъ того, что слышитъ. Кемскій обратилъ вопросительный взглядъ на Григорья: тотъ посмотрѣлъ на него равнодушно, выпилъ залпомъ бокалъ шампанскаго, и, отворотясь, спросилъ кого-то громко чрезъ столъ: «Pourquoi avez-vous quitté hier de si bonne heure la comtesse Basile?» — Кемскій увидѣлъ, что у его сестры обѣдаютъ, какъ въ стойлахъ: ѣдятъ, пьютъ, иногда ржутъ, но не бесѣдуютъ, не разсуждаютъ, не думаютъ, — и рѣшился слѣдовать домашнему обычаю. Онъ молчалъ во все продолженіе стола, размышляя о томъ, какъ человѣкъ общественный и образованный возвышаетъ и облагороживаетъ душею вседневныя, тѣлесныя, можно сказать *животныя* свои дѣйствія. Чувственное сближеніе половъ становится благородною любовію, союзомъ священнымъ и угоднымъ Небу; темное чувство самки животныхъ, побуждающее ее жертвовать своею жизнію для сохраненія жизни дѣтенышей, превращается въ нѣжную, попечительную, благотворную любовь родительскую, а ежедневное утоленіе голода становится трапезою дружбы, семейной и общественной. За обѣдомъ и ужиномъ собирается семейство, раздѣленное въ теченіе дня трудами общественными и домашними: отецъ въ дружеской бесѣдѣ сообщаетъ семейству свои наблюденія, мнѣнія, уроки; дѣти даютъ ему отчетъ въ своихъ занятіяхъ и намѣреніяхъ; онъ слушаетъ ихъ разсказы, направляетъ ихъ мнѣнія и

толки, указываетъ на хорошую и слабую сторону ихъ дѣлъ, помысловъ и чувствованій; веселость, возбуждаемая досугомъ, отдохновеніемъ и взаимными шутками, услаждаетъ и сокращаетъ время стола, и душа питается за благоустроенною трапезою не менѣе тѣла. Древніе язычники только ѣли и пили. Трапезы любви и дружбы установлены Религіею Христіанскою, и величайшее изъ таинствъ ея получило начало свое за вечерею.....

Разговоръ за столомъ продолжался прежній, безсвязный, отрывистый. Только Китти безъ умолку толковала по-англійски съ своимъ сосѣдомъ, и частенько чокалась съ нимъ рюмкою. Григорій иногда вмѣшивался въ ихъ бесѣду, и нѣсколько разъ у нихъ поднимался споръ, въ которомъ большая часть бывшихъ за столомъ, по незнанію англійскаго языка, не могла принять участія. Наконецъ встали изъ-за стола. Кемскому подали трубку; онъ совѣстился приняться за нее, но увидѣлъ, что почти всѣ молодые люди, въ томъ числѣ безбородые недоросли, взялись курить; между тѣмъ онъ никакъ не рѣшался нарушить правила учтивости своего времени, и, по указанію Платона, отправился на балконъ свѣтелки его, во второмъ этажѣ. Тамъ, смотря на прекрасную Неву, опушенную густою зеленью, онъ съ горестью размышлялъ о видѣнномъ и слышанномъ....

Когда онъ, часа черезъ два, сошелъ внизъ, гостиная наполнена была множествомъ разно-

калибернаго народу. Шесть карточныхъ столовъ заняты были ревностными игроками, между которыми отличалась Алевтина жаромъ и бранчивостью. Въ числѣ игроковъ было человѣкъ шесть пожилыхъ людей, — всѣ прочіе люди молодые, но эти послѣдніе были самыми усердными и страстными игроками. Молодыя дамы и дѣвицы сидѣли въ отдѣльной диванной и перешептывались между собою. Изъ мужчинъ были при нихъ рыжій сиръ Уилліамъ Горсъ, какой-то Французикъ лѣтъ въ семьдесятъ, и два юнкера. Кемскому стало и жалко и смѣшно: онъ не думалъ найти такую перемѣну въ нравахъ и обычаяхъ столицы. Въ его время молодые люди искали общества дамъ, старались быть любезными, иногда и чрезъ-чуръ; въ карты играли только старики и пожилые люди, а табакъ курили одни Нѣмцы ремесленники. — «Не составить ли вамъ партіи, братецъ?» умильно спросила Алевтина.— «Покорнѣйше благодарю. Вы знаете, я никогда не игралъ въ карты, и со времени разлуки нашей не успѣлъ выучиться. — «Что жъ прикажете дѣлать со скуки?» — спросила она. — «Что дѣлать — лѣтомъ, на дачѣ?» — возразилъ онъ съ изумленіемъ. — «Именно,» отвѣчала она: «вѣдь не все же гулять, да гулять. Надобно и поотдохнуть.» — «Но что за отдыхъ за картами,» спросилъ онъ: «особенно молодымъ людямъ? По мнѣ, я бы отучилъ ихъ корпѣть за карточными столами.» — «И, братецъ! какъ вы строги. Они играютъ въ коммерческую. Эта игра не разоритъ

имѣнья.« — «Да изсушитъ умъ и сердце! Ужъ по мнѣ, если играть, то лучше въ банкъ: направо, налѣво! Тамъ, будто подобіе войны: сердце приходитъ въ движеніе, кровь кипитъ, а тутъ сдѣлаешься карточною машиною, безъ ума, безъ толку, безъ чувства!»—Одинъ старикъ со звѣздою поглядѣлъ на него грозно. — «Я говорю о молодыхъ людяхъ,» продолжалъ Кемскій: «люди пожилые пусть отдыхаютъ за вистомъ.» — «Брюзга несносный!» проворчала Алевтина: «вѣчно умничалъ не въ свою голову, а теперь сдѣлался еще нестерпимѣе, нежели когда нибудь.»

Кемскій не долго оставался въ этомъ обществѣ. Ему тамъ было чуждо, неловко, можно сказать, страшно. И хозяева и гости казались ему, если не врагами другъ друга, то по крайней мѣрѣ, чужими, незнакомыми, непріязненными между собою. Свѣтъ и въ его время былъ не слишкомъ откровененъ, довѣрчивъ и дружелюбенъ въ своихъ связяхъ, но тогда это взаимное недовѣріе прикрывалось лоскомъ вѣжливости и предупредительности. Теперь же, казалось, люди умышленно выказывали презрѣніе ко всѣмъ и ко всему. При входѣ каждаго новаго лица, князь вставалъ и кланялся, но на его привѣтствіе не отвѣчали: обыкновенно представлялись, что не видятъ поклона, иногда пристально смотрѣли ему въ глаза съ улыбкою жалости и презрѣнія. Старомодная учтивость его возбуждала въ гостяхъ насмѣшливый шепотъ, а на лицѣ хозяйки досаду и смущеніе. Сначала

казалось ему, что его простой, неловкій нарядъ возбуждаетъ это изъявленіе высокомѣрія и грубости, но въ послѣдствіи замѣтилъ онъ, что и съ людьми свѣтскими знакомые ихъ обходятся точно такъ; что въ этомъ высшемъ, по чинамъ и богатству, обществѣ учтивость не только не нужна, но и не терпима!

Гдѣ я? что я здѣсь? повторялъ онъ нѣсколько разъ въ умѣ, и съ стѣсненнымъ сердцемъ прокрался до своей фуражки, а тамъ и до дверей.— На дворѣ стояли тѣсными рядами экипажи. Новопріѣзжіе кучера здоровались съ товарищами своими, снимая шляпы, кланяясь и называя другъ друга по имени и отчеству.

XL.

Кемскій, на другой день, сидѣлъ у растворенпаго окна своей квартиры, и, пуская голубыя кольца табачнаго дыму, наслаждался тихою картиною лѣтняго утра. Солнце поднималось на горизонтѣ; легкіе пары рѣдѣли. На Невѣ свѣжій вѣтерокъ развѣвалъ вымпелы судовъ, коихъ мачты поднимались изъ-за Адмиралтейства. На улицахъ еще было тихо; изрѣдка слышались клики раннихъ разнощиковъ; большой свѣтъ еще дремалъ отъ вчерашней усталости. Вдругъ раздались громкіе звуки военной музыки. Кемскій выглянулъ въ окно, и увидѣлъ баталіонъ

Измайловскаго Полка, идущій къ Дворцовой Площади. При взглядѣ на этотъ баталіонъ, при звукахъ знакомаго марша, воспоминанія прошедшаго затѣснились въ головѣ его съ той самой минуты, въ которую онъ, за семнадцать лѣтъ предъ симъ, оставилъ гвардейскую службу.

Онъ воспоминалъ, какъ, въ такое же прекрасное утро, онъ пустился въ Гатчину, чтобъ уже не возвращаться подъ родимый кровъ. Италія, война, раны тѣла и души, все это попеременно воскресало въ его памяти.

Онъ принужденъ былъ оставаться за раною въ Ниццѣ, до самаго лѣта. По возвращеніи въ Россію, Кемскій, по просьбѣ своей, былъ переведенъ въ армейскій полкъ, расположенный на Кавказской Линіи: онъ не имѣлъ духу возвратиться въ Петербургъ. Тамъ рѣшился онъ совершенно посвятить себя службѣ тяжелой, безпрерывной, опасной. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ поручено было ему командованіе полкомъ, и онъ въ исполненіи обязанностей своего званія началъ находить себѣ отраду и облегченіе. Онъ познакомился въ точности съ образомъ войны кавказской, съ характеромъ тамошнихъ нашихъ непріятелей, съ свойствами русскаго солдата, переселеннаго въ тѣ воинственныя и грозныя страны. Изученіе это происходило на самомъ дѣлѣ. Полкъ его всегда находился впереди, всегда тамъ, гдѣ грозила ему бо́льшая опасность. Кемскій не страшился смерти; напротивъ, видѣлъ въ ней конецъ своимъ страданіямъ. При первомъ вы-

стрѣлѣ, перекрестится, помолится, вздохнетъ — и готовъ умереть. Но мѣткія пули непріятельскія въ него не попадали, а если которая бывало съ-дуру и задѣнетъ, то не смертельно, не опасно. Офицеры и солдаты съ благоговѣніемъ глядѣли на своего мужественнаго предводителя, и всѣ наперерывъ старались не отставать отъ него. Вскорѣ полкъ Кемскаго снискалъ общую славу въ войскахъ Кавказской Линіи, и гдѣ грозила опасность, гдѣ свирѣпствовала смерть, туда начальники посылали отряды княжаго полку — такъ его называли. Отряды не всегда возвращались изъ своихъ экспедицій, но если возвращались, то всегда съ побѣдою. Кемскій отказывался лично для себя отъ всѣхъ наградъ, но ревностно ходатайствовалъ за подчиненныхъ. Достаточное состояніе, при ограниченности собственныхъ его нуждъ, давало ему средства помогать своимъ сослуживцамъ. Увѣренные во вниманіи и правосудіи своего начальника, обезпеченные въ жизни, они усердно ему содѣйствовали. И онъ не ограничивался однимъ денежнымъ и вещественнымъ пособіемъ: онъ былъ ихъ другомъ и отцемъ. Каждаго новопоступившаго въ полкъ офицера принималъ онъ къ себѣ, старался узнать его характеръ, воспитаніе, наклонности; укрѣплялъ въ добрѣ, предостерегалъ отъ ошибокъ, съ отеческою нѣжностію упрекалъ въ слабостяхъ, строго наказывалъ за умышленные нравственные проступки; — строжайшимъ у него наказаніемъ считался переводъ въ другой

полкъ. Не довольствуясь образованіемъ и наставленіемъ молодыхъ офицеровъ, поступавшихъ въ полкъ его прямо изъ кадетъ и юнкеровъ, онъ возложилъ на себя обязанность несравненно труднѣйшую — перевоспитывать молодыхъ и немолодыхъ людей, переводимыхъ къ нему въ полкъ за проступки: сколько душъ онъ спасъ такимъ образомъ отъ погибели! сколько возвратилъ отечеству полезныхъ слугъ, которые, при жестокомъ съ ними обхожденіи, сдѣлались бы, можетъ быть, преступниками и злодѣями! Примѣръ благороднаго начальника и достойныхъ товарищей, обращеніе учтивое и кроткое, совершенное забвеніе прошедшаго, вниманіе ко всякому доброму дѣлу, ко всякому честному помыслу и человѣколюбивому движенію — снимало кору съ глазъ и сердца заблуждшаго; онъ становился инымъ человѣкомъ, начиналъ новую жизнь, иногда и самъ не догадываясь, кому этимъ обязанъ. Въ дикой и пустынной странѣ, посреди племенъ иновѣрческихъ и враждебныхъ, полкъ Князя Кемскаго былъ кочующею колоніею людей просвѣщенныхъ и благородныхъ: онъ непремѣнно требовалъ, чтобъ всѣ наличные офицеры всегда обѣдали у него; за столомъ усаживалъ подлѣ себя самыхъ неистовыхъ; поддерживалъ общую бесѣду, и, давая всякому полную свободу говорить, что угодно, возражалъ на мнѣнія ошибочныя, изобличалъ софизмы — иногда шуткою, иногда и нешуточными замѣчаніями. Собственнымъ примѣромъ, а не запрещеніемъ, изгналъ

онъ изъ полку карты, невоздержаніе, развратъ. Онъ завелъ при полку библіотеку отборныхъ русскихъ книгъ; заставлялъ молодыхъ офицеровъ переводить лучшія мѣста изъ иностранныхъ историковъ и военныхъ писателей. Эти переводы, читаемые въ кругу офицеровъ, распространяли ихъ познанія, изощряли разсудокъ, короче знакомили съ военнымъ дѣломъ. Плоды сихъ благородныхъ трудовъ вскорѣ оказались: офицеры княжаго полка служили примѣромъ всѣмъ своимъ сослуживцамъ — и храбростью, и образованіемъ, и поведеніемъ. Добрыя дѣла Кемскаго и слава его полка не ограничились предѣломъ русскихъ владѣній: нерѣдко являлись къ нему независимые владѣльцы ближайшихъ горскихъ племенъ, и представляли на разрѣшеніе свои споры. Приговоры его честно исполнялись и правымъ, и виноватымъ.

Такимъ образомъ протекли двѣнадцать лѣтъ. Новый 1813 годъ отпраздновалъ онъ на штурмѣ Ленкорана, и былъ тяжело раненъ въ лѣвую руку. Едва оправившись отъ продолжительной болѣзни, бывшей послѣдствіемъ этой раны, онъ впалъ въ другое несчастіе — еще чувствительнѣйшее для благороднаго воина. Въ числѣ офицеровъ, переведенныхъ въ его полкъ за проступки, находился одинъ молодой Италіянецъ, Вестри, прекрасный собою, умный, образованный, ловкій и вкрадчивый. Причиною перевода его въ войска закавказскія была, какъ онъ утверждалъ, несправедливость полковаго командира.

*

Кемскій, съ перваго взгляда, привязался къ этому офицеру: въ произношеніи его было нѣчто италіянское, напоминавшее ему друга, Алимари. Осторожный и проницательный въ обращеніи съ новичками, Кемскій, казалось, въ этотъ разъ хотѣлъ сдѣлать исключеніе изъ своихъ правилъ. Вестри сдѣлался постояльцемъ, повѣреннымъ, другомъ полковаго командира, и, должно сказать, нѣсколько времени дѣйствительно заслуживалъ довѣренность князя, хотя безпрестанное его пребываніе у начальника видимо удаляло прежнихъ ежедневныхъ гостей: Вестри не имѣлъ дара нравиться всѣмъ одинаково, и очень искусно умѣлъ устранять тѣхъ, которые не нравились ему самому. Князь былъ добръ, ласковъ, снисходителенъ, гостепріименъ ко всѣмъ, по прежнему, но это казалось только наружнымъ продолженіемъ старой жизни: духъ ея перемѣнился по водвореніи у него Италіянца, который нечувствительно прибралъ въ свои руки всю власть въ домѣ. Но заблужденіе Кемскаго не могло быть продолжительно. Слабодушіе поручика Вестри впервые обнаружилось на полѣ сраженія. Долгое время онъ очень искусно уклонялся отъ военныхъ дѣйствій: умѣлъ всегда уладить такъ, что его наканунѣ, за часъ и менѣе предъ дѣломъ, ушлютъ куда нибудь съ порученіемъ. Однажды былъ онъ такъ несчастливъ, что не нашелъ ни какого средства освободиться отъ дѣла. Непріятель нечаянно напалъ на отрядъ, въ которомъ находился Вестри подъ начальствомъ баталіоннаго

командира. «Застрѣльщики впередъ!» закричалъ подполковникъ: «Поручикъ! ведите ихъ!» Поручикъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, сдѣлалъ было съ солдатами нѣсколько шаговъ впередъ, но, лишь только завидѣлъ предъ собою горскихъ наѣздниковъ, повернулъ налѣво кругомъ, и ударился бѣжать за фронтъ, при громкомъ смѣхѣ солдатъ. Между тѣмъ благопріятный моментъ былъ потерянъ: подполковникъ принужденъ былъ самъ итти впередъ, съ трудомъ поправилъ дѣло, и воротился раненый. Не желая огорчить Кемскаго, онъ смолчалъ предъ нимъ о трусости его любимца, и запретилъ прочимъ офицерамъ говорить о томъ. Вестри не умѣлъ цѣнить великодушія благородныхъ товарищей. Чтобъ лучше скрыть свое малодушіе, онъ началъ обходиться съ ними гордо и дерзко, началъ обижать и чернить ихъ предъ начальникомъ. Дерзость его дошла до такой степени, что и довѣрчивый Кемскій сталъ замѣчать перемѣну въ его обращеніи и тонѣ. Товарищи долго сносили его грубость, но наконецъ терпѣніе ихъ лопнуло, и однажды, за столомъ у князя, подполковникъ, выведенный изъ себя одною дерзкою насмѣшкою наглеца, открылъ начальнику, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, и храбрый подвигъ Вестри, и благородныя средства, которыми онъ старается прикрыть свою трусость. — «Что вы на это скажете?» спросилъ Кемскій у Вестри. «Это гнусный заговоръ,» вскричалъ Вестри, поблѣднѣвъ отъ злости. «Ваши офицеры согласились погубить ме-

ня!» — «Докажите!» сказалъ князь съ кротостью. Доказывать было нечего. Послѣ нѣсколькихъ увертокъ, оправданій и тщетнаго отнѣкиванія, Вестри долженъ былъ признаться, что бѣжалъ съ поля сраженія, — но прибавилъ, что можно быть весьма благороднымъ человѣкомъ, и — бояться пуль. — «Хотя это и не доказано,» сказалъ Кемскій строгимъ голосомъ: «однако положимъ, что такъ. Но можно ли быть трусомъ, и въ то же время воиномъ? Можно ли носить почетнѣйшее въ государствѣ титло защитника его, и не исполнять своей обязанности! Господинъ Вестри! знайте, что въ русской арміи трусовъ нѣтъ и быть не можетъ. Совѣтую, предлагаю, приказываю вамъ выйти изъ военной службы. Я предложилъ бы вамъ мѣсто у себя по гражданской части, но средства, которыми вы старались оправдаться, и туда заграждаютъ вамъ путь. Совѣтую вамъ оставить нашъ кругъ какъ можно скорѣе.»

Вестри не ожидалъ этого отъ своего начальника, кроткаго и терпѣливаго. Вставъ изъ-за стола, онъ ударился бѣжать, и чрезъ нѣсколько часовъ прислалъ просьбу объ увольненіи отъ службы за болѣзнію, а между тѣмъ сказался больнымъ. Кемскій исполнилъ все, чего требовали отъ него долгъ службы и обязанности справедливаго начальника; но жестокій урокъ, который должно было дать при всѣхъ офицерахъ прежнему товарищу и другу, сильно взволновалъ и огорчилъ его. Нѣсколько разъ порывал-

ся онъ послать за Вестри, и просить его, чтобъ онъ оправдался; къ счастію, голосъ строгаго разсудка на этотъ разъ заглушилъ вопль слабаго сердца. Но Вестри, Вестри не могъ забыть и простить оскорбленія, и поклялся отомстить бывшему своему благотворителю. Отъ товарищей своихъ не ожидалъ онъ лучшаго обращенія, и потому не злобствовалъ на нихъ; но скорая и рѣшительная къ нему перемѣна Кемскаго заронила въ пылкой душѣ его искру смертельной мести. Чрезъ нѣсколько недѣль онъ отпросился въ отпускъ, и его уволили охотно. Съ удаленіемъ интриганта очистился воздухъ: всѣ начали дышать свободнѣе; прежняя дружественная довѣрчивость возродилась между начальникомъ и товарищами. Кемскій, по удаленіи духа злобы, увидѣлъ всѣ его козни, увидѣлъ терпѣніе, любовь и покорность своихъ добрыхъ сослуживцевъ, и собственную слабость. Онъ усугубилъ вниманіе, ласку, откровенность свою, и въ скоромъ времени все вошло въ прежній порядокъ. Но мщеніе злодѣя не дремало.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ происшествія съ Вестри, полкъ Кемскаго былъ посланъ въ экспедицію, въ горы, гдѣ возмутился одинъ князекъ, бывшій дотолѣ приверженцемъ Россіи, и недавно приставшій къ сторонѣ враговъ ея. Приблизясь къ логовищу непріятелей, русскій отрядъ расположился съ обыкновенною въ такихъ случаяхъ осторожностію. Всѣ позиціи были осмотрѣны и заняты; въ надлежащихъ мѣстахъ разставлены

пикеты. Ждали нападенія. Вдругъ, вовсе неожиданно, появился Вестри, и объявилъ командиру, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, что желаетъ загладить прежнюю вину свою, и проситъ дать ему какое либо порученіе. Офицеры не радовались этому быстрому переходу къ храбрости. Кемскій былъ приведенъ въ смущеніе: внезапное прибытіе Вестри казалось ему какъ бы появленіемъ зловѣщей птицы. Но дѣлать было нечего: Вестри все еще считался въ полку, и нельзя было не принять его; особой команды ему не дали, а велѣли стать во фронтѣ.

Въ ту самую ночь сдѣлалась тревога. Горцы высыпали со всѣхъ сторонъ, нашли офицера на передовомъ посту спящаго глубокимъ сномъ, вырѣзали его отрядъ, и кинулись на главныя силы Воины наши встрепенулись, бросились къ оружію, и, послѣ упорнаго сопротивленія, отразили нападающихъ, но съ чувствительною потерею. Нѣсколько человѣкъ изъ самыхъ храбрыхъ было убито и ранено, нѣсколько пропало безъ вѣсти, и въ томъ числѣ Князь Кемскій и Вестри. Чрезъ два дня узнали, что князь былъ схваченъ горцами, которые, какъ бы ведомые чутьемъ, пробрались до самой его палатки. Куда дѣвался Вестри, не могли доискаться.

Князь дѣйствительно былъ взятъ горскими наѣздниками въ ту самую минуту, какъ онъ, выбѣжавъ, при звукѣ ружейныхъ выстрѣловъ, изъ палатки, готовился сѣсть на коня, чтобъ встрѣтить нападающихъ. Въ темнотѣ, въ сумато-

хѣ, при громкихъ кликахъ и выстрѣлахъ, ничего нельзя было ни видѣть, ни разслышать. Лихой всадникъ съ добычею своею пустился, какъ изъ лука стрѣла, и на разсвѣтѣ прискакалъ въ аулъ своего князя. Чеченецъ встрѣтилъ своего плѣнника съ восторгомъ, и Кемскій узналъ въ немъ одного изъ узденей, пріѣзжавшихъ къ нему для разбора тяжбы: этотъ оказался виноватымъ и долженъ былъ подвергнуться рѣшенію посредника. «Теперь я твой судья, Князь Алексѣй!» закричалъ уздень: «ты въ моихъ рукахъ.» —«Неужели станешь мстить безоружному?» спросилъ Кемскій. — «Да сохранитъ меня отъ того Аллахъ!» возразилъ уздень: «я доволенъ, что поймалъ тебя. Теперь твой полкъ безъ начальника; теперь намъ легче съ нимъ управиться, А то отъ тебя житья не было. Да и въ томъ признайся: ты напрасно оправдалъ моего соперника; онъ былъ кругомъ виноватъ.» — «Мой полкъ,» отвѣчалъ Кемскій: «и безъ меня будетъ храбръ и страшенъ непріятелю. У нашего Государя много офицеровъ и лучше меня. Но оправдать тебя я не могъ: ты не представилъ ни какихъ доводовъ въ своемъ дѣлѣ.» — «Хорошо, это дѣло прошлое; но теперь я докажу тебѣ, что я человѣкъ честный и справедливый. Приведите измѣнника!» — Чрезъ нѣсколько минутъ привели связаннаго Вестри. — «Князь Алексѣй! знаешь ли ты этого человѣка?»—«Знаю. Это офицеръ моего полка, теперь въ плѣну у тебя.» — «Нѣтъ, Князь Алексѣй! Онъ здѣсь не въ плѣну,

а по доброй волѣ. За недѣлю предъ симъ онъ прокрался въ мой аулъ и сказалъ мнѣ: «Ханъ! полковникъ Князь Алексѣй тебя обидѣлъ?» — «Крѣпко обидѣлъ!» — «Хочешь ли, я предамъ его въ твои руки?» — «Какъ не хотѣть!» — Вотъ онъ вчера напоилъ соннымъ зеліемъ караульнаго офицера, и проводилъ моихъ удальцовъ до твоей палатки. Въ награду требуетъ онъ, чтобъ я отправилъ его къ князю Аббасъ-Мирзѣ, обѣщаясь служить ему вѣрою и правдою. Но какъ можно вѣрить словамъ предателя? Онъ жилъ съ тобою подъ однимъ кровомъ, ѣлъ съ одного съ тобою блюда, пилъ изъ одной чаши — и предалъ тебя. Чего же намъ ждать отъ него? Злое зелье вырываютъ съ корнемъ. Вотъ тебѣ награда, измѣнникъ!» воскликнулъ онъ, и острымъ кинжаломъ поразилъ предателя. Вестри палъ мертвъ на землю. — Наказаніе постигло злодѣя, но не спасло невиннаго. Кемскій былъ увлеченъ въ горы, и содержанъ въ тяжкой неволѣ.

Тщетны были всѣ старанія, всѣ покушенія начальника, товарищей и подчиненныхъ освободить его изъ плѣна. Упрямый узденъ отвѣчалъ, что мститъ князю за личную обиду, и, пока живъ, не выпуститъ его изъ когтей своихъ. По истеченіи двухъ слишкомъ лѣтъ, совмѣстникъ узденя, обязанный князю благодарностію, напалъ на врага своего, разбилъ, умертвилъ его, освободилъ всѣхъ бывшихъ у него русскихъ плѣнниковъ, и нашего страдальца привезъ въ его полкъ.

Кемскій былъ освобожденъ на Страстной Не-

дѣлѣ, и прибылъ къ своимъ товарищамъ въ самую заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенья. Кто можетъ изобразить, кто можетъ хотя мысленно представить себѣ, что́ онъ почувствовалъ, когда звуки православной службы Божіей, восхитительное пѣніе: Христосъ воскресе! коснулись его слуха! Въ нѣмотствующей благодарности, излившейся потокомъ жаркихъ слезъ, палъ онъ предъ алтаремъ Бога Хранителя и Спасителя!

Товарищи приняли его съ искреннимъ, нелицемѣрнымъ участіемъ. Полкомъ командовалъ бывшій помощникъ его, храбрый подполковникъ. — Кемскій, долгое время неподававшій о себѣ вѣсти и, по слухамъ, считавшійся умершимъ, былъ уже исключенъ изъ списковъ; но всѣ обходились съ нимъ, какъ съ начальникомъ. Подполковникъ подалъ ему рапортъ на разводѣ, и общество офицеровъ пригласило его къ обѣду, гдѣ онъ долженъ былъ занять первое мѣсто. Снявъ съ тарелки салфетку, нашелъ онъ георгіевскій крестъ за двадцатипятилѣтнюю службу, съ грамотою, подписанною Государемъ. Крестъ былъ присланъ за мѣсяцъ до того; подполковникъ готовился, за смертію князя, отправить его обратно въ думу, но въ то самое время пришло извѣстіе, что онъ живъ и вскорѣ будетъ свободенъ. Князь не гонялся за почестями и отличіями, не разъ отказывался отъ нихъ въ пользу своихъ подчиненныхъ; но этотъ крестъ принялъ съ чувствомъ искренняго умиленія, и съ восторгомъ

поцѣловалъ подпись на грамотѣ. День сей заключенъ былъ веселымъ пиршествомъ.

Между тѣмъ Кемскій объявилъ, что не въ состояніи продолжать службу. Долговременный плѣнъ довершилъ разстройство его здоровья. Узденъ обходился съ нимъ не жестоко, но отъ непривычной пищи, отъ худыхъ жилищъ, отъ недостатка движенія и помощи врачебной, раны его не могли закрыться совершенно, и приняли характеръ болѣзни хронической. Просьба его была уважена: его уволили отъ службы. Онъ сбирался ѣхать въ свои помѣстья, которыми управлялъ, въ отсутствіе его, другъ и корпусный товарищъ, Хвалынскій, теперь женатый, степенный и разсудительный. Но одно обстоятельство разстроило его планы: молодой офицеръ, стоявшій въ караулѣ въ тотъ день, когда Вестри повелъ горцевъ на отрядъ Кемскаго, обвиненный въ оплошности и даже въ томъ, что, послѣ дѣла, нашли его въ совершенномъ опьянѣніи, былъ преданъ суду и, при тяжкихъ обвинительныхъ обстоятельствахъ, приговоренъ къ строгому наказанію. Дѣло его находилось на ревизіи въ Петербургѣ, а самъ онъ, въ ожиданіи окончательнаго приговора, содержался въ одной изъ кавказскихъ крѣпостей. Кемскій не поколебался ни минуты: поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобъ лично объяснить дѣло начальству, и, если можно, спасти невиннаго, сдѣлавшагося жертвою своей оплошности и довѣрчивости. Притомъ же Кемскій не могъ простить самому себѣ легковѣрія,

съ какимъ предался хитрому Вестри, и хотя, по мягкосердію своему, могъ опять сдѣлаться жертвою перваго лицемѣра, но твердо рѣшился загладить прежнюю вину свою.

XLI.

Воспоминанія и размышленія Кемскаго были прерваны приходомъ обоихъ его племянниковъ. Они явились съ почтеніемъ, но каждый выражалъ это почтеніе по-своему. Григорій далъ знать, что онъ случайно ѣхалъ мимо, и, вспомнивъ невзначай, что дядя остановился въ Лондонѣ, зашелъ къ нему. При этихъ словахъ, онъ безъ всякихъ околичностей взялъ со стола сигарку, добылъ огня, и закурилъ, глядя на улицу. Платонъ, напротивъ того, увѣрялъ, что онъ во всю ночь не могъ сомкнуть глазъ, ожидая минуты свиданія съ почтеннымъ своимъ дядюшкою. Лице его принимало на себя выраженіе усердія, и даже слезинки выдавливались изъ глазъ. Кемскій старался найти тонъ, которымъ могъ бы говорить съ племянниками, но тщтно: оба они были эгоисты и бездушники, но старшій примѣшивалъ къ этому самую отвратительную спѣсь, безусловное презрѣніе ко всему роду человѣческому и безстыдную грубость. Второй приправлялъ душевныя свои качества низостью. Онъ старался угадывать мнѣнія Кемскаго, боялся отвѣчать ему, и если говорилъ что

свое, то всегда подкрѣплялъ ссылкою на штабсъ-капитана Залетаева. — Кемскій нѣсколько разъ перемѣнялъ предметъ разговора, и, между прочимъ спросилъ, почему не видать крестнаго ихъ брата, Сергѣя Ветлина. — Платонъ смѣшался и не зналъ, что отвѣчать; но Григорій, съ выраженіемъ злобы и ненависти, сказалъ: «Помилуйте, князь! освободите насъ отъ отчета объ этомъ негодяѣ. Кажется, матушка довольно подробно описывала вамъ его поведеніе, его гнусные поступки въ ребяческихъ лѣтахъ. Вы утверждали, что это шалости дѣтства, что отъ нихъ можно отвыкнуть въ общественномъ заведеніи. Его отдали въ Морской Корпусъ: тамъ держали на привязи, но лишь только выпустили, онъ впалъ въ совершенное распутство. Хотѣли было разжаловать его въ матросы, но, по ходатайству матушки, сослали въ дальній вояжъ, съ приказаніемъ, по возвращеніи въ Россію, откомандировать какъ можно дальше.» — «Точно по ходатайству матушки,» прибавилъ Платонъ: «она упала въ обморокъ въ пріемной залѣ морскаго министра.» — «Да что онъ именно сдѣлалъ?» спросилъ Кемскій. — «Увольте меня, повторяю вамъ,» продолжалъ Григорій: «отъ исчисленія его гнусныхъ поступковъ. Онъ пьяница, картежникъ, забіяка.» — «Грубіянъ и нахалъ,» подхватилъ Платонъ: «вообразите: я хотѣлъ свести его съ порядочными людьми, а онъ разругалъ ихъ при первомъ знакомствѣ. Штабсъ-капитану Залетаеву сказалъ въ лице, что онъ враль, хвастунъ

и негодный стихотворецъ. А штабсъ-капитанъ...» — «Довольно!» сказалъ въ свою очередь Кемскій: «Жестокая судьба!» прибавилъ онъ про себя: «души живой для меня на свѣтѣ не осталось!» Григорій, выкуривъ третью сигарку, бросилъ огарокъ въ чайное блюдечко князя, взялъ шляпу, едва поклонился ему, затянулъ въ полголоса арію изъ Жоконда, и вышелъ. Платонъ истощалъ всѣ силы, чтобъ обратить на себя вниманіе дяди, старался вовлечь его въ какой нибудь разговоръ, но тщетно: растерзанный новыми своими открытіями, Кемскій молчалъ или отвѣчалъ отрывисто съ выраженіемъ неудовольствія. И Платонъ оставилъ его, но съ учтивыми поклонами и съ увѣреніями въ почтеніи, преданности и любви.

И одни ли эти открытія долженствовали стѣснить, истомить душу бѣднаго пришельца съ того свѣта! Онъ принужденъ былъ, по дѣлу несчастнаго офицера, ѣздить къ знатнымъ и незнатнымъ, къ сильнымъ и слабымъ, долженъ былъ каждый день повторять уроки наблюдательной психологіи. Къ этимъ заботамъ присоединились еще другія. Имѣніе его было въ совершенномъ разстройствѣ. Въ то время, когда пронесся слухъ о его смерти въ Италіи, требованія, прихоти и нужды Алевтины и дѣтей ея были не такъ велики, какъ въ послѣдствіи: она довольствовалась только доходами, и князь, возвратясь въ Россію, нашелъ почти все въ цѣлости. Но при взятіи его въ плѣнъ горцами, Алевтина, наученная опы-

томъ, и опасавшаяся возвращенія брата, приняла всѣ возможныя средства къ переведенію недвижимаго имѣнія въ движимость: нѣкоторые участки продала, а все прочее заложила въ банкъ, и, для довершенія начатаго, поручила управленіе деревнями родственнику и пріятелю Тряпицына. Хвалынскій, жившій по сосѣдству, зналъ и видѣлъ все это, и, получивъ извѣстіе о томъ, что Кемскій живъ и освобожденъ, поспѣшилъ его о томъ увѣдомить. По просьбѣ князя, взялъ онъ помѣстья его въ свое управленіе, но пришелъ въ отчаяніе, осмотрѣвъ ихъ и увидѣвъ, въ какомъ они состояніи: все было разорено, распродано, раскрадено. Только искренняя дружба къ Кемскому и увѣренность, что самъ князь не умѣетъ заняться управленіемъ, побудили Хвалынскаго обременить себя этимъ дѣломъ.

Что говорила при этомъ Алевтина? Ничего. Она обходилась съ братомъ учтиво, предупредительно, иногда и слишкомъ раболѣпно, но ни словомъ не упоминала о дѣлахъ, которыми его обременила, не думала давать ни малѣйшаго въ томъ отчета. Князь не имѣлъ духу потребовать у ней объясненія. Хвалынскій терпѣлъ, терпѣлъ, наконецъ обратился письмомъ прямо къ Фонъ-Драку, и грозилъ ему взысканіемъ и уголовнымъ судомъ, если другъ его не получитъ удовлетворенія — по крайней мѣрѣ для поправленія состоянія въ конецъ разоренныхъ крестьянъ. Фонъ-Дракъ отвѣчалъ, что занимается составленіемъ подробнаго расчета, и въ непродолжитель-

номъ времени уплатитъ все, причитающееся князю. Заботы не ограничились денежными дѣлами: Тряпицынъ, въ короткое время своего управленія, притѣснилъ и разорилъ нѣсколько бѣдныхъ сосѣдей: пошли тяжбы, иски — и все это легло на Кемскаго. Онъ сдѣлался стряпчимъ противъ собственнаго своего имѣнія, и узналъ на дѣлѣ всѣ неудовольствія, затрудненія и терзанія, обременяющія несчастныхъ челобитчиковъ. Дни его проходили въ визитахъ по переднимъ, гостинымъ и присутственнымъ мѣстамъ.

XLII.

Многіе изъ должностныхъ людей, съ которыми онъ принужденъ былъ вступить въ сношенія, были ему знакомы по прежней службѣ; нѣкоторые были его товарищами въ корпусѣ.— Первый, къ которому надлежало съѣздить, былъ генералъ-маіоръ Лютнинъ. Кемскій зналъ его прапорщикомъ. Онъ былъ въ девяностыхъ годахъ модникомъ, ходилъ въ темнокоричневомъ фракѣ, въ шитомъ розами, бѣломъ атласномъ жилетѣ, въ претолстомъ галстухѣ, въ востроносыхъ сапогахъ съ желтыми отворотами, читалъ Новую Элоизу, Геснѐра, Флоріана и Бѣдную Лизу, глядѣлъ на небо, и плакалъ. Чувствительный прапорщикъ влюбился въ то время въ какую-то Полину, которая слыла чудомъ красоты, ума и воспитанія. Она уѣхала съ родителями

изъ Петербурга въ провинцію; онъ вышелъ въ отставу и, какъ Донъ-Кихотъ, полетѣлъ за нею. Наконецъ услышали въ Петербургѣ, что вѣрная любовь его увѣнчалась бракомъ, въ сенгилѣевскомъ селѣ его тестя. Съ того времени протекло двадцать лѣтъ.

Лютнинъ занималъ нынѣ важное мѣсто въ томъ управленіи, отъ котораго зависѣло рѣшеніе судьбы подсудимаго офицера. Кемскій, не довѣряя прочности прежнихъ связей, явился къ нему не на домъ, а въ департаментъ, тотчасъ былъ допущенъ и принятъ съ изъявленіемъ искренней пріязни. «Что привело тебя, любезнѣйшій князь, въ нашъ департаментъ?»—Князь назвалъ дѣло, по которому хлопочетъ.—«Мнѣ совѣстно,» сказалъ Лютнинъ: «что ты посѣтилъ меня въ департаментѣ. Позволь пригласить тебя ко мнѣ на домъ. Моя Пелагѣя Степановна будетъ рада старому моему товарищу.»—«Пелагѣя Степановна?» подумалъ Кемскій. «И онъ несчастный лишился жены! Полины нѣтъ.» Онъ не имѣлъ духу сообщить свое замѣчаніе Лютнину, далъ слово обѣдать у него на другой день, и уѣхалъ, полный надежды на помощь пріятеля.—Въ назначенный часъ явился онъ къ обѣду. Лютнинъ встрѣтилъ его съ радушіемъ, но притомъ съ какою-то робостью.—«Пойдемъ,» сказалъ онъ: «я отрекомендую тебя женѣ моей!» Взялъ его за руку, и повелъ чрезъ рядъ великолѣпныхъ комнатъ къ кабинету, отдѣлявшемуся отъ большой залы деревянною перегородкою.—«Pauline,

ma chère!» сказалъ онъ смиреннымъ голосомъ, не входя въ кабинетъ: «позволь мнѣ рекомендовать тебѣ друга и товарища моего дѣтства, князя» — — «Убирайся съ своими князьями!» закричали густымъ басомъ изъ кабинета: «твой экзекуторъ надѣлалъ мнѣ столько хлопотъ, что я дозавтра не справлюсь со счетами объ однихъ канцелярскихъ расходахъ.»—Лютнинъ, смѣшавшись и покраснѣвъ до ушей, повелъ князя назадъ, и въ третьей комнатѣ, оглянувшись, не идетъ ли за нимъ кто нибудь, сказалъ въ полголоса: «Моя добрая Пелагѣя Степановна — мнѣ правая рука. Она служитъ мнѣ самымъ усерднымъ помощникомъ, и я, признаюсь, безъ ея пособія, не успѣлъ бы справиться съ моимъ хлопотливымъ мѣстомъ. Дѣтей у насъ нѣтъ; такъ она все время, остающееся у ней отъ домашнихъ занятій и сельскаго хозяйства, посвящаетъ службѣ. Не повѣришь, какъ я счастливъ!» — Въ это время что-то грохнуло въ кабинетѣ, и Лютнинъ вздрогнулъ, какъ при громовомъ ударѣ; только что не перекрестился. Хозяинъ всячески старался занимать гостя, который и самъ предупреждалъ его въ этомъ, заводилъ разговоры о прежнемъ житьѣ-бытьѣ, о корпусныхъ товарищахъ, и пр. Наконецъ, чрезъ полтора часа послѣ времени, назначеннаго для обѣда, появилась въ гостиной Пелагѣя Степановна, или Полина, высокая, дородная, черноокая, краснолицая дама. На поклоны и рекомендаціи мужа не обращала она вниманія, а Кемскаго, послѣ пер-

выхъ привѣтствій, спросила: «А что, батюшка, конечно у васъ есть дѣльцо? Какое, смѣю спросить?» — «Есть,» отвѣчалъ Кемскій: «я объясню его Максиму Ѳомичу.» — «И, батюшка! онъ все забудетъ и перепутаетъ. Чиновники его плуты и взяточники; потрудитесь лучше объясниться со мною. И если дѣло ваше правое....» — «Кушанье поставлено!» возгласилъ дворецкій. Князь повелъ Пелагѣю Степановну. Максимъ Ѳомичъ поплелся за ними. Въ столовой ожидали ихъ экзекуторъ и дежурный; они, дрожа и блѣднѣя, также сѣли за столъ. — «Ну что вы, умные люди,» сказала Пелагѣя Степановна мужу своему: «изволили дѣлать сегодня? Чай, все засѣданіе толковали о вистѣ и о погодѣ! — Вы не повѣрите, князь, что за люди эти мужчины! Настольный реестръ для нихъ чума: въ дѣла и не заглянутъ. Секретари мошенничаютъ, а они и ухомъ не ведутъ. — Сколько по нынѣшнее число входящихъ?» спросила она у дежурнаго. Тотъ вытащилъ изъ-за пазухи бумажку, и прочелъ: «Двѣ тысячи семьсотъ восемьдесятъ четыре.» — «А сенатскихъ указовъ сколько неисполнено?» — «Не могу знать, ваше превосходительство,» отвѣчалъ онъ, запинаясь. — «Вотъ порядокъ!» вскричала она: «что это у тебя за уроды, Максимъ Ѳомичъ?» — «Канцелярскіе служители,» отвѣчалъ онъ, также заикаясь: «канцелярскіе служители не могутъ и не должны знать о теченіи дѣлъ.» — «Да вы и сами того не знаете: ай да, государственные люди! Того и смотри, что въ министры

махнетъ, а теперь и съ дряннымъ департаментомъ не справится. — Что подрядъ на курьерскихъ лошадей?» спросила она у экзекутора.— «Никто не беретъ ниже цѣны, объявленной Лысовымъ.» — «Мошенники, плуты, злодѣи! берутъ деньги безбожныя, а ставятъ лошадей прескверныхъ. Вчера мой курьеръ проѣздилъ за шляпкою къ мадамъ Мегронъ два часа съ половиною. Слыхано ли это?» — Такимъ образомъ продолжалось во весь обѣдъ. Кемскій радъ, радъ былъ, что генеральша, при текущихъ дѣлахъ, забыла о его искѣ. Лишь только встали изъ-за стола, князь улучилъ минуту, когда Полина толковала дежурному о неподскабливаніи бумагъ въ титулѣ, и поспѣшилъ выйти изъ этого канцелярскаго аду.

Другаго чиновника, не менѣе важнаго по этой части, князь также знавалъ въ молодости. Волочковъ былъ, что называется въ свѣтѣ, *добрый малый;* весельчакъ, забавникъ, любилъ попировать, поиграть въ карты, волочился за всякою хорошенькою женщиною, представлялся, или былъ въ самомъ дѣлѣ, вольнодумцемъ и безбожникомъ, но, въ обхожденіи съ сверстниками и пріятелями, былъ учтивъ, услужливъ, снисходителенъ къ слабостямъ ближняго, и когда имѣлъ время отъ безпрерывныхъ развлеченій, то дѣлалъ и добро, не разбирая впрочемъ, кому и за что. — Нынѣ, слышалъ онъ, Волочковъ *остепенился*. Кемскій отправился къ нему рано утромъ. Въ передней встрѣтилъ его блѣдный, сухоща-

вый лакей въ разодранной ливреѣ и, на требованіе князя доложить о немъ, объявилъ, что Капитонъ Кузьмичъ теперь молится Богу. — «Хорошо!» сказалъ Кемскій: «я подожду его,» — и вошелъ въ залу, уставленную простыми мебелями. На стѣнахъ не было зеркалъ, а висѣли раскрашенныя картинки съ странными изображеніями пронзеннаго стрѣлами сердца, и т. п. На столѣ лежали сочиненія Эккартсгаузена. Черезъ полчаса Волочковъ вышелъ изъ внутреннихъ комнатъ. — Князь едва узналъ его: статный, ловкій гвардейскій офицеръ превратился въ длинную, блѣдную мумію. Глаза его, въ молодости сверкавшіе огнемъ жизни и ума, потускли и выкатились; лице высохло и обложилось морщинами. На устахъ видно было выраженіе принужденности и лицемѣрія. Кемскій хотѣлъ было поспѣшно подойти къ нему, и поздороваться съ нимъ, какъ съ старымъ пріятелемъ, но грозный и въ то же время печальный видъ Волочкова остановилъ его. Волочковъ подошелъ къ нему шага на три, низко поклонился и, не перемѣняя выраженія лица своего, произнесъ глухимъ, торжественнымъ тономъ: «Все ли вы въ добромъ здоровьѣ, Князь Алексѣй Өедоровичъ?» — «Здоровъ слава Богу,» сказалъ Кемскій, запинаясь: «а вы, Капитонъ Кузьмичъ?» — «Грѣшное мое тѣло,» отвѣчалъ тѣмъ же тономъ Волочковъ: «преисполнилось новою силою съ тѣхъ поръ, какъ прозрѣла душа моя, съ тѣхъ поръ, какъ лучъ свѣта озарилъ темную храмину вет-

хаго человѣка.» Вслѣдъ за тѣмъ понесъ онъ такой великолѣпный и непостижимый вздоръ, что Кемскій сталъ сомнѣваться въ цѣлости его мозга. Не прерывая нити разговора, Волочковъ ввелъ князя въ гостиную, и посадилъ на жесткую софу. При первой точкѣ, князь объяснилъ ему причину своего посѣщенія и предметъ своей просьбы. Услышавъ, что дѣло идетъ о спасеніи человѣка, провинившагося по службѣ, Волочковъ поблѣднѣлъ, задрожалъ, и слезы навернулись у него на глазахъ. «И вы ходатайствуете за изверга, за измѣнника, за подлеца, поправшаго ногами присягу и заповѣдь Божію!» — «Нѣтъ!» сказалъ Кемскій твердо и спокойно: «за неопытнаго, неосторожнаго человѣка, вовлеченнаго въ преступленіе злодѣемъ; ищу правосудія и снисхожденія въ судьяхъ; не найду у нихъ, обращусь къ верховному судьѣ нашему, Государю, и увѣренъ, что онъ вникнетъ въ это дѣло.» — «Но во всякомъ дѣлѣ непремѣнно кто нибудь долженъ же быть *виноватымъ*?» возразилъ Волочковъ. — «Такъ пусть же буду виноватъ я, что поручилъ важный постъ молодому ненадежному офицеру. Я самъ себѣ этого вѣкъ не прощу.» — «Это въ вашей волѣ,» сказалъ Волочковъ: «но во всякомъ уголовномъ дѣлѣ, по точному, буквальному смыслу законовъ, кто нибудь долженъ быть наказанъ. И въ этомъ состоитъ обязанность всякаго судьи. Къ несчастію,» прибавилъ онъ со вздохомъ: «по внушенію ложной филантропіи XVIII вѣка, нынѣ слишкомъ часто

прощаютъ виновныхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они впали въ преступленіе неумышленно. Съ умысломъ или безъ умысла, не наше дѣло, а преступленіе совершено, слѣдственно и наказаніе должно послѣдовать. Если бъ и случилось, что накажутъ невиннаго, то пострадавшій отнюдь не потеряетъ: Богъ вознаградитъ его.» Такимъ образомъ продолжалъ онъ толковать о необходимости наказаній; потомъ перешелъ къ толкамъ о наказаніяхъ на томъ свѣтѣ, о внутреннемъ человѣкѣ, и тому подобныхъ предметахъ. Первая фраза каждаго изъ его разсужденій была ясная, правильная, иногда блистательная и краснорѣчиво сказанная; но слѣдствія, выводимыя изъ этого начала, отнюдь изъ него не проистекали, иногда прямо ему противорѣчили, и часто заключали въ себѣ совершенную безсмыслицу. Волочковъ говорилъ, какъ попугай, затвердившій нѣсколько человѣческихъ фразъ, и сопровождавшій ихъ своими скотскими variаціями. Кемскій высидѣлъ у Волочкова два часа, выслушалъ тома четыре нелѣпостей съ великолѣпными заголовками, и отправился отъ него безъ надежды на спасеніе своего кліента этимъ путемъ, безъ надежды на выздоровленіе Волочкова. Послѣднимъ, рѣшительнымъ отвѣтомъ Волочкова было: «Не хочу знать и имени изверга, за котораго вы просите: я долженъ сохранить въ семъ дѣлѣ величайшее безпристрастіе.» — Когда князь вышелъ изъ гостиной, куча грязныхъ ребятишекъ окружила его въ залѣ и въ перед-

ней, съ кривляньемъ и криками. «Что это за дѣти?» спросилъ онъ у слуги, подававшаго ему шинель. — «Это, сударь, *наши* дѣти!» отвѣчалъ слуга улыбаясь: «а вотъ и маменьки ихъ!» прибавилъ онъ, указывая въ окно на дворъ, гдѣ нѣсколько прачекъ работали за лоханью. Потомъ Кемскій узналъ, что Волочковъ славится въ свѣтѣ милосердіемъ своимъ къ сиротамъ, беретъ ихъ неизвѣстно откуда, пристроиваетъ въ учебныя заведенія, а потомъ, подъ самодѣльными прозвищами, при пособіи друзей своихъ, опредѣляетъ въ службу.

Въ послѣдствіи задача о преобразованіи Волочкова рѣшилась очень легко. Рожденный безъ характера, не пріучившійся разсуждать самъ собою, Волочковъ всю жизнь свою провелъ, такъ сказать, *на бугсирѣ*. Въ молодости своей подражалъ онъ модному въ то время вольнодумству, и составилъ себѣ невыгодную въ послѣдствіи репутацію. Неудачи всякаго рода заставили его перемѣнить, не образъ мыслей, ибо онъ ихъ не имѣлъ никогда, но образъ рѣчей и разсужденій. Онъ втерся въ знакомство къ одному человѣку, извѣстному своею набожностію и строгостію правилъ, умѣлъ къ нему поддѣлаться, и перенялъ у него нѣсколько фразъ, которыя передавалъ и разукрашалъ по-своему. Нравственность его осталась прежняя; но нашлись люди, которые, не понимая разглагольствій Волочкова, провозглашали его человѣкомъ глубокомысленнымъ и благочестивымъ. Хоръ этихъ статистовъ гро-

могласно вознесъ достоинства плохаго актера; сокровищница мѣстъ, почестей и наградъ отверзлась пустому человѣку, который не умѣлъ даже быть и порядочнымъ лицемѣромъ.

Кемскій, посѣщая дѣльцовъ и значительныхъ людей, слушалъ, скрѣпивъ сердце, нелѣпые толки, странныя правила, кривыя сужденія, но не пріобрѣлъ новыхъ понятій о людяхъ: они были все тѣ же. Въ свѣтѣ господствовали, попрежнему, четыре темперамента, о которыхъ за тридцать лѣтъ толковалъ ему профессоръ Философіи въ корпусѣ, — сангвиниковъ, холериковъ, флегматиковъ и меланхоликовъ. Попрежнему, три *любія* раздѣляли людей на классы *сребро*любія, *често*любія, *сласто*любія. Вѣра его въ человѣчество не поколебалась: онъ видѣлъ, что въ толпѣ людей вседневныхъ, дюжинныхъ, сотенныхъ, проскакиваютъ ревнители добра, чести и правды; увѣрялся болѣе и болѣе, что въ рѣдкомъ человѣкѣ нѣтъ какихъ нибудь хорошихъ качествъ, и что всякой платитъ дань слабой или испорченной натурѣ. Такъ, напримѣръ, онъ наслышался о Досканцовѣ, какъ о безсовѣстномъ взяточникѣ: познакомился съ нимъ по неволѣ, и нашелъ, что Досканцовъ конечно не отказывается отъ гостинца, но поступаетъ съ просителями вѣжливо, не позволяетъ себѣ несправедливости, обходится ласково и попечительно съ своими подчиненными, и въ семействѣ своемъ любимъ и уважаемъ. Послѣ того обратился онъ къ Сушилину, который слылъ въ мірѣ другомъ прав-

ды и чести, Катономъ и Сократомъ. Но каковъ былъ этотъ Сократъ вблизи? Жестокосердый счетчикъ, неумолимый обвинитель и гонитель всѣхъ и каждаго, неумѣвшій и нехотѣвшій отличать слабости отъ порока, ошибки отъ преступленія. «Возьми пять сотъ рублей,» думалъ Кемскій, слушая его толки о честности, безкорыстіи и правосудіи: «да будь человѣкомъ!«

Прискорбнѣе всего было слышать Кемскому толки о Выщатинѣ. Онъ служилъ съ отличіемъ, занималъ важное мѣсто, славился своимъ умомъ, дѣятельностію и благородствомъ, но слылъ несноснымъ гордецомъ. Кемскій нѣсколько разъ порывался посѣтить стараго друга, но не могъ на то рѣшиться, не хотѣлъ разстроить въ воображеніи своемъ того милаго лика, въ которомъ съ самой нѣжной юности являлся ему Вышатинъ, добрый, любезный, благородный. Воротясь однажды домой, измученный странствіями по переднимъ и пріемнымъ комнатамъ, онъ нашелъ на столѣ своемъ записку слѣдующаго содержанія: «Ты, безсовѣстный человѣкъ, забываешь своихъ товарищей. Вотъ я четвертый разъ пріѣзжаю къ тебѣ, и не застаю. Приходи, душа моя, къ твоему вѣрному другу, *Вышатину*.»

Кемскій обрадовался этому приглашенію, какъ голосу съ того свѣта, и, на другой день утромъ, отправился къ прежнему товарищу. Вышатинъ жилъ бариномъ, въ просторномъ, великолѣпномъ домѣ. Прислуга опрятная, учтивая; комнаты убранныя со вкусомъ. Швейцаръ вѣжливо спросилъ

у Кемскаго, не онъ ли Князь Алексѣй Ѳедоровичъ; получивъ отвѣтъ, позвонилъ, и отправилъ слугу вверхъ. Кемскій едва успѣлъ взойти на лѣстницу, какъ очутился въ объятіяхъ Вышатина. Дружелюбный пріемъ тронулъ князя до глубины души: никто ему, въ Петербургѣ, такъ искренно не радовался. Вышатинъ съ безпрестанными отрывистыми вопросами, упреками и восклицаніями, привелъ Кемскаго въ свой кабинетъ, гдѣ царствовали порядокъ, чистота, роскошь и удобство. На одной софѣ лежалъ какой-то человѣкъ въ синемъ сюртукѣ, поднявъ ноги вверхъ, и разглядывая живопись на потолкѣ кабинета. Послышавъ стукъ отворяющихся дверей, онъ обернулся, и, завидѣвъ Кемскаго, вскочилъ, выпялилъ глаза, закричалъ: »Князь!« и бросился къ нему на шею. Кемскій узналъ Берилова. — — — Слезы ихъ смѣшались. — Они не говорили о быломъ, глядѣли другъ на друга, и утирали глаза. Вышатинъ былъ нелишнимъ и нечуждымъ въ этой сценѣ. — Кемскій провелъ у стараго друга своего нѣсколько часовъ, и уходя, далъ ему слово видѣться съ нимъ какъ можно чаще. Бериловъ ни мало не перемѣнился: на немъ, казалось, былъ прежній его сюртукъ; онъ постарѣлъ немного, но не остепенился; говорилъ, что на умъ взбредетъ; приходилъ въ восторгъ отъ каждой картинки, и теперь не могъ налюбоваться новорасписаннымъ плафономъ въ кабинетѣ: ложился то на софу, то на полъ, разглядывалъ живопись, и въ художническомъ

изступленіи размахивалъ руками и ногами. — Не прежде, какъ въ каретѣ, Кемскій вспомнилъ о репутаціи Вышатина въ свѣтѣ. «Какъ несправедливы люди въ своихъ толкахъ и сужденіяхъ!» подумалъ онъ: «этого благороднаго, прямаго, простодушнаго человѣка прославили гордецомъ и высокомѣрнымъ. Положимъ, что въ обхожденіи со мною ему нельзя было важничать, а какъ онъ принимаетъ Берилова!»

Кемскій сталъ посѣщать Вышатина очень часто; всегда находилъ удовольствіе въ его бесѣдѣ, всегда услаждалъ свою душу его искреннею дружбой, и только у него отдыхалъ отъ мучительныхъ сценъ, которыя на каждомъ шагу поражали его въ свѣтѣ. Вскорѣ однако замѣтилъ онъ, что дурная слава о Вышатинѣ не вовсе была незаслуженная. Однажды, когда друзья сидѣли съ Бериловымъ въ кабинетѣ, доложили Вышатину, что пришелъ какой-то чиновникъ.— «Зови!» сказалъ онъ слугѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ комнату человѣкъ немолодыхъ лѣтъ, въ орденахъ, съ портфейлемъ подъ мышкою, и, низко поклонившись, подошелъ къ письменному столу, за которымъ сидѣлъ Вышатинъ. Не отвѣчая на поклонъ, Вышатинъ сталъ принимать бумаги изъ рукъ чиновника: разсматривалъ ихъ и подписывалъ, или, отмѣтивъ карандашемъ, отдавалъ докладчику съ словами: «не то; толку нѣтъ; передѣлать; гадко, скверно — чтобъ было передѣлано къ завтрашнему утру.» Чиновникъ, стоя подлѣ стула Вышатина, послѣ

каждой подписи засыпалъ ее пескомъ, и откладывалъ бумагу въ сторону, а подвергшуюся критикѣ бралъ обратно въ портфейль, примолвивъ: «слушаю, ваше превосходительство!» Окончивъ разсмотрѣніе всѣхъ бумагъ, Вышатинъ отворотился, закурилъ трубку, и началъ разговаривать съ Кемскимъ, а чиновникъ собралъ между тѣмъ бумаги, поклонился своему начальнику *заочно*, и вышелъ изъ кабинета на цыпочкахъ. Чрезъ нѣсколько времени явился другой чиновникъ, былъ принятъ и выпровожденъ такъ же грубо. Кемскій не могъ скрыть своего изумленія. «Помилуй, Вышатинъ!» сказалъ онъ тихо: «можно ли такъ обращаться съ людьми? Этакъ я и слуги своего трактовать не стану. Теперь меня не удивляетъ, что я слышалъ о твоей гордости.» — Вышатинъ улыбнулся. «Знаю,» сказалъ онъ: «что обо мнѣ толкуютъ въ свѣтѣ. Но люди, съ которыми я долженъ имѣть дѣло, лучшаго обхожденія не стоятъ. Это пресмыкающіяся гадины; терпятъ все и подлечаютъ предъ сильными и знатными. Я не могу уважать ихъ, не могу скрывать моего къ нимъ презрѣнія.» — «Можетъ быть, ты ошибаешься,» сказалъ Кемскій: «подчиненность, уваженіе, чувство разстоянія, въ которомъ они отъ тебя находятся, одно это виною мнимаго ихъ униженія.» — То-то мнѣ и противно!» вскричалъ Вышатинъ: «Года за два предъ симъ былъ я въ размолвкѣ съ министромъ; всѣ полагали, что я выйду въ отставку; многіе воображали, что я дорого поплачусь за свое упрям-

ство. Что жъ ты думаешь? Всѣ эти низкопоклонники, старавшіеся до того по глазамъ угадать мои мысли и желанія — вдругъ оборотились ко мнѣ спиною, перестали меня слушаться; встрѣчаясь со мною на улицахъ, отворачивались; иные и не отворачивались, а глядѣли мнѣ насмѣшливо въ глаза, какъ будто желая сказать: теперь лихъ не боюсь тебя! — Признаюсь, что это обстоятельство отчасти заставило меня покориться волѣ министра. Мы съ нимъ номирились; онъ отобѣдалъ у меня, и на другой день вся эта мелкая канцелярская сволочь явилась у меня въ передней съ поклонами, поздравленіями и доносами. Суди, могу ли я уважать такихъ людей!» —«Но прежде этой исторіи,» кротко сказалъ Кемскій: «какъ ты обращался съ ними? Какъ и теперь: недружелюбно, гордо, жестоко! Удивительно ли, что они тебя не любили, повиновались тебѣ изъ одной необходимости, и при первомъ случаѣ изъявили радость, что отъ тебя освободились? — Извини мою откровенность, Вышатинъ! Люди не такъ худы, какъ ты воображаешь, и въ толпѣ этихъ приказныхъ конечно найдутся люди истинно благородные — можетъ быть и герои добродѣтели. Мы обвиняемъ ихъ, судимъ о нихъ по себѣ; но какія правила внушены *намъ*, и какъ воспитаны *они?* Мнѣ кажется, долгъ нашъ есть ободрять, облагороживать, возвышать этихъ людей.» — «Ты вѣчно носишься въ своемъ мечтательномъ мірѣ!» улыбаясь отвѣчалъ Вышатинъ: «поживи съ этими праведника-

ми на землѣ, такъ запоешь иную пѣсню.—Ну скажи правду, Андрей Ѳедоровичъ,» примолвилъ онъ, обращаясь къ Берилову: «гордъ ли я? спѣсивъ ли я?»—«Помилуйте, Владиміръ Павловичъ!» сказалъ Бериловъ: «да я простѣе васъ человѣка не видалъ. Вашъ каммердинеръ Ѳадька гораздо васъ спѣсивѣе!» — Оба друга разсмѣялись, но Вышатинъ не отъ чистаго сердца: онъ почувствовалъ невинную и неумышленную эпиграмму простодушнаго артиста.

XLIII.

Старанія и труды князя не имѣли успѣха: дѣло бѣднаго его офицера длилось и тянулось. Затрудненія и хлопоты по имѣнію возрастали ежедневно, и онъ отказался бы отъ всего своего имущества, если бъ оно состояло въ движимости или въ вещахъ бездушныхъ; но обязанность добраго помѣщика, наслѣдовавшаго своихъ крестьянъ отъ предковъ, не дозволяла ему легкомысленно передавать ихъ въ другія руки, играть судьбою себѣ подобныхъ, ввѣренныхъ ему Провидѣніемъ. Къ тому же въ главномъ изъ имѣній его, Селѣ Воскресенскомъ, погребены были его отецъ и мать. Хвалынскій писалъ ему, что отчаявается раздѣлаться со всѣми требованіями, которыми обременено имѣніе, совѣтовалъ продать, и наконецъ, послѣ долговременной пере-

писки, объявилъ, что есть еще надежда спасти недвижимость, если князь лѣтъ на пять откажется отъ доходовъ. Князь согласился и на это, рѣшился жить однимъ своимъ пенсіономъ, лишь бы не измѣнить тому, что почиталъ своимъ долгомъ. Пришлось отпустить экипажъ, оставить пріятную и удобную квартиру въ Большой Морской, и переселиться въ какое нибудь предмѣстіе.

Въ одно ясное зимнее утро князь пошелъ отыскивать себѣ квартиру: останавливался вездѣ, гдѣ видѣлъ прибитые къ воротамъ билеты, осматривалъ, приторговывался, но все, что онъ видѣлъ, казалось ему слишкомъ дорогимъ. Между тѣмъ цѣна, по мѣрѣ удаленія его отъ центра города, уменьшалась. Онъ прошелъ уже далеко въ Коломну, и, можетъ быть, въ двадцатый разъ съ утра, взобрался на лѣстницу дома, гдѣ былъ прибитъ билетъ съ надписью: «*Здесь отдаютца въ наемъ покои съ кухнію.*» Дворникъ показалъ ему въ четвертомъ ярусѣ, въ концѣ темнаго коридора, три комнаты, низкія, грязныя, въ которыхъ пахло чѣмъ-то очень непріятнымъ послѣ прежнихъ жильцевъ. «Нѣтъ, другъ мой,» сказалъ князь: «эта квартира для меня не годится.» — «Такъ извольте повременить денекъ,» отвѣчалъ дворникъ, сходя съ крыльца: «у насъ опростается другая въ третьемъ этажѣ; та и просторнѣе и чище. Тамъ живетъ теперь маляръ, да онъ вишь худо платитъ, такъ хозяинъ его сегодня выгоняетъ. И квартальнаго позвали. Слышите ль,

какъ спорятъ?» Въ самомъ дѣлѣ раздавался громкій крикъ разныхъ голосовъ изъ-за дверей, съ которыми князь поравнялся. Вдругъ дверь распахнулась; кто-то выскочилъ, и чуть не сбилъ его съ ногъ. «Тише, тише!» сказалъ князь, останавливая бѣснующагося, и узналъ въ немъ Берилова. — «Помилуйте, это вы, Андрей Ѳедоровичъ!» — «Князь! князь!» закричалъ Бериловъ: «это вы! Самъ Богъ послалъ васъ ко мнѣ. Помогите мнѣ, ради Создателя! Меня губятъ, рѣжутъ!» Съ сими словами схватилъ онъ его за руку и втащилъ въ комнату. Столы, стулья, шкафы, посуда, картины, вазы, бюсты, модели, были складены въ одну кучу посреди комнаты. На ветхомъ канапе сидѣлъ какой-то красноносый толстякъ, съ нависшими на глаза бровями, съ отвисшею нижнею губою. Подлѣ него стояли полицейскій офицеръ и нѣсколько человѣкъ въ русскихъ кафтанахъ. «Что, бѣшеный, воротился?» спросилъ толстякъ съ улыбкою, въ которой соединялись спѣсь, презрѣніе къ человѣчеству, жестокосердіе и глупость: — «полно противиться правительству!» — «Спасите меня, князь, отъ этихъ душегубцевъ!» кричалъ изступленный Бериловъ: «они давятъ, рѣжутъ меня.» — «Скажите мнѣ, въ чемъ дѣло?» спросилъ Кемскій. — «Дѣло, сударь, очень простое,» отвѣчалъ толстякъ холодно: «Андрей Ѳедоровичъ не хочетъ платить за квартиру, и я принужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи правительства.» — «Не хочетъ платить? Ахъ, ты, разбойникъ, барышникъ,

то есть лавочникъ, гнусное, продажное созданіе! Я не хочу платить! Врешь, жидъ проклятый!— Вотъ, въ чемъ дѣло, ваше сіятельство! Я нанимаю квартиру у этого варвара, по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ. Срокъ прошелъ тому назадъ недѣли три. Я забылъ, что наступило первое число, и живу себѣ да живу. Онъ что бы напомнить, такъ нѣтъ. Вдругъ сегодня шасть ко мнѣ Гаврила Григорьевичъ, то есть нашъ надзиратель, да и съ оцѣнщикомъ. Ба, ба, ба, Гаврила Григорьевичъ! откуда?—Со съѣзжаго двора, отвѣчалъ онъ: пришелъ описать ваше имѣніе.— Мое имѣніе — за что? — Вотъ предписаніе: вы не платите за квартиру, не смотря ни на какія понужденія. — Да развѣ уже наступило 1-е число ноября?— Сегодня 29-е ноября.— Помилуйте, Гаврила Григорьевичъ! Дайте день сроку. — Не смѣю, Андрей Ѳедоровичъ! Частный приставъ съѣстъ. — Такъ дайте, я схожу самъ къ частному приставу. — Извольте, повремено. — Я къ приставу, а того нѣтъ дома. Я опять домой, а хозяинъ ужъ нагрянулъ со всею своею сволочью, то есть съ прикащиками, сидѣльцами, мальчиками. Дураки, невѣжды, злодѣи вздумали оцѣнивать произведенія художествъ. Вообразите — этотъ ландшафтъ, помните тотъ, что я написалъ наобумъ, и который такъ любила — то есть, вы такъ любили — оцѣненъ въ два рубля съ полтиною! А сестрица ваша, Алевтина Михайловна, продала его, то есть велѣла продать, на толкучемъ рынкѣ, и взяла четыре рубля. Я

купилъ его за шесть, а Владиміръ Павловичъ давалъ мнѣ шестьсотъ рублей—онъ съ ума сошелъ, то есть, его превосходительство. — Да одна ли только эта картина! Хозяинъ мой не дуракъ: началъ торговать битыми бутылками, да наторговалъ, то есть наплутовалъ четыре каменные дома. Хотѣлъ взять за безцѣнокъ мои картины, а меня выгнать.» Слезы и рыданія прервали рѣчь Берилова. — «Ахъ ты, маляръ поганый!» закричалъ хозяинъ: «какъ ты смѣешь обижать первостатейнаго....» — «Плута!» прервалъ Бериловъ. — «Да знаешь ли, что меня чуть въ головы не выбрали? Я было ужъ и комнаты расписалъ — не тебѣ чета у меня работали.»— «Потише, сударь!» сказалъ Кемскій: «вы въ правѣ требовать своихъ денегъ, въ правѣ наложить запрещеніе на движимость жильца, но это сущій разбой забирать и оцѣнивать имѣніе безъ самого хозяина. И вы, сударь, господинъ полицейскій офицеръ, допускаете такое самоуправство?» — «Помилуйте, ваше сіятельство!» возопилъ квартальный: «мы люди маленькіе; намъ ли итти противъ начальства, когда и самъ частный приставъ не сладитъ съ этими господами обывателями? Мнѣ велѣно было, и я явился. Плачешь, сударь, иногда, а волю начальства исполняешь.» — «Нѣтъ, князь,» вскричалъ Бериловъ: «не обижайте Гаврилы Григорьевича: это Рафаэль между полицейскими, честная и добрая душа, а отъ того и ѣсть нечего, а какъ ѣсть нечего, такъ и повинуешься тому, кто кормитъ.»—

«Передъ Богомъ такъ, Андрей Өедоровичъ!» сказалъ квартальный, утирая слезу синимъ клѣтчатымъ платкомъ. — «А сколько вамъ долженъ господинъ Бериловъ?» спросилъ Кемскій у хозяина. — «Да теперь, съ завтрашнимъ числомъ, за два мѣсяца,» отвѣчалъ хозяинъ, усмиренный титломъ князя: «всего тридцать рублей. Истинно скажу вашему сіятельству, что самъ крайне нуждаюсь.» — Князь вынулъ деньги изъ бумажника, и отдалъ квартальному. «Вонъ отсюда!» закричалъ Бериловъ хозяину: «убирайся, пока не битъ! До завтрашняго вечера я здѣсь хозяинъ, все заплачено.» Купецъ убрался, худо скрывая досаду, что ему не удалось поживиться скарбомъ живописца. За нимъ поплелись его клевреты, и шествіе заключилъ добрый Гаврила Григорьевичъ.

«Ура! то есть, наша взяла!» закричалъ Бериловъ, и не думая благодарить князя. Въ это время появилась изъ кухни высокая, худощавая старуха. — «Вотъ что вы нажили своею безпечностью и чванствомъ!» закричала она: «чуть было не пришлось ночевать мнѣ на улицѣ, а я благородная, чиновница — не то, что покойница, хваленая ваша Настасья Родіоновна. Да чего и ожидать отъ безпутнаго человѣка? Когда не пожалѣлъ роднаго дѣтища....» — «Тише, тише, матушка Акулина Никитична!» сказалъ смущенный Бериловъ: «ради Бога, перестань! Вотъ князь, то есть другъ мой, помогъ мнѣ, и когда я кончу большую мою картину....» — «Да ко-

гда кончите,» продолжала Акулина Никитична, измѣняя грозный тонъ на жалобный: «а до того чѣмъ проживемъ? Завтра вы имянинникъ, а мнѣ и пирога не изъ чего испечь; о кофе и не думай. Житье мое вдовье, сиротское!» Бериловъ, храбрый предъ хозяиномъ милліонщикомъ и предъ полиціею, не зналъ, что отвѣчать старухѣ. Князь вступился за артиста, успокоилъ старуху увѣреніемъ, что будетъ и на пирогъ и на кофе, и выпроводивъ ее обратно въ кухню, сталъ разспрашивать Берилова о его средствахъ, о его надеждахъ, о планѣ будущей жизни. Живописецъ смотрѣлъ на него, вытаращивъ глаза: онъ никогда не думалъ о завтрашнемъ днѣ, никогда не помнилъ вчерашняго, и жилъ, какъ Богъ пошлетъ. Князь предложилъ ему нанять квартиру вмѣстѣ. Бериловъ долго не могъ этого понять; потомъ понялъ, и не соглашался. Князь позвалъ на помощь Акулину Никитичну, и она вразумила артиста.

При помощи Акулины Никитичны, коротко знакомой со всѣми петербургскими предмѣстіями, отыскали удобную квартиру, на Выборгской Сторонѣ, на мѣстѣ стариннаго самсоньевскаго кладбища, въ домѣ, построенномъ посреди сада, разведеннаго на древнихъ могилахъ. Домъ этотъ имѣлъ два выхода, и въ верхнемъ ярусѣ большую свѣтлую комнату, какъ будто нарочно построенную для помѣщенія въ ней мастерской живописца. Князь уступилъ большую часть нижняго жилья Берилову, а себѣ предоставилъ двѣ

комнатки, съ каморкою для Силантьева. Бериловъ, постигнувъ наконецъ всѣ удобства и пособія, ожидающія его при этомъ новомъ образѣ жизни, пришелъ въ изступленіе отъ радости, и просилъ позволенія князя украсить его кабинетъ лучшими произведеніями своей кисти.

XLIV.

Перемѣна образа жизни Кемскаго, и причины, побудившія его ограничиться въ своихъ расходахъ, вскорѣ сдѣлались извѣстными его родственникамъ, виновникамъ всѣхъ его бѣдствій и потерь. Нельзя было и ожидать, чтобъ это гласное объявленіе князя о разстройствѣ его имѣнія могло возбудить въ нихъ малѣйшее чувство сожалѣнія, самый легкій упрекъ совѣсти: вся эта семья принадлежала къ числу людей, которымъ чувствительны одни физическія страданія, для которыхъ сожалѣніе, состраданіе, голосъ совѣсти суть вымыслы и предразсудки театральные. Алевтина, побаиваясь иногда, что, можетъ быть, братъ вздумаетъ потребовать у ней отчета въ разореніи имѣнія, скрывала свои чувства, и представлялась, будто не замѣчаетъ, что братъ пересталъ ѣздить четверткою, что онъ переселяется въ предмѣстіе. Иванъ Егоровичъ трусилъ еще болѣе, и надѣялся на одного Якова Лукича, а между тѣмъ не перемѣнялъ, по наружности, обращенія своего съ шуриномъ;

но пасынки его не хотѣли и не думали скрывать своихъ чувствованій и мыслей. Григорій пересталъ говорить съ дядею; впрочемъ, эта перемѣна не слишкомъ была замѣтна, потому, что онъ и прежде не соблюдалъ большой учтивости; но Платонъ сдѣлался въ такой же степени грубъ и дерзокъ, какъ прежде былъ угодливъ и раболѣпенъ. Онъ старался при всякомъ случаѣ намѣкать на безразсудство и безсовѣстность родственниковъ, которые плохимъ хозяйствомъ, нерасчетливымъ усердіемъ къ службѣ и довѣрчивостью къ чужимъ, разстроиваютъ свое имѣніе, и уничтожаютъ справедливыя и законныя надежды своихъ наслѣдниковъ; онъ противорѣчилъ всѣмъ мнѣніямъ и словамъ князя, насмѣхался надъ сужденіями умниковъ XVIII вѣка, и въ этомъ пересталъ даже ссылаться на штабсъ-капитана Залетаева. Китти вовсе не говорила съ дядею, вовсе на него не глядѣла, обративъ все свое вниманіе, всю нѣжность на собаку и на Англичанина.

Кемскій ходилъ къ нимъ рѣдко, но въ день переѣзда на новую квартиру счелъ за нужное увѣдомить ихъ, чтобъ они знали, гдѣ найти его въ случаѣ надобности. Отобѣдавъ въ послѣдній разъ въ Лондонѣ, онъ пошелъ пѣшкомъ къ сестрѣ своей. У ней было нѣсколько человѣкъ гостей: всѣ *занимались*, какъ обыкновенно — вистомъ. Его приняли холодно, сухо, почти грубо. Алевтина, игравшая съ какими-то толстыми матадорами, едва приподнялась съ дивана, и прошепта-

ла нѣчто похожее на bon soir. Григорій кивнулъ головою, не оставляя небрежно - живописнаго положенія своего въ креслахъ, а Платонъ отворотился отъ дяди, лишь только вошедшагò въ двери, отыгралъ карту, и сказалъ что-то забавное своимъ товарищамъ; — они засмѣялись и обратили глаза на Кемскаго. Бываютъ дни, въ которые человѣкъ настроенъ не такъ, какъ обыкновенно, въ которые онъ все видитъ, все замѣчаетъ, все принимаетъ къ сердцу. Дерзкое и непристойное обращеніе племянниковъ давно оскорбляло чувствительнаго Кемскаго, но никогда не поражало его такъ сильно, какъ въ этотъ вечеръ. Онъ не просидѣлъ и получаса въ этомъ обществѣ: ему казалось, что онъ окруженъ какими-то духами злобы, что стоитъ въ преддверіи ада, гдѣ ожидаютъ его муки и терзанія; казалось, что сатанинскія лица, въ дымѣ свѣчъ, кружатся вокругъ несчастной, обреченной имъ жертвы, и съ свирѣпою улыбкою фурій, готовы терзать ее. — Кемскій всталъ со стула, отыскалъ глазами фонъ - Драка, подошелъ къ нему и, отдавая записку, сказалъ: «Если вамъ случится во мнѣ надобность, вотъ мой адресъ. Помните обѣщаніе ваше — объ отчетѣ.» Видно, въ глазахъ его выражалось что - то страшное. Фонъ-Дракъ испугался, смутился и едва проговорилъ: «въ самомъ непродолжительномъ времѐни!» Кемскій поклонился ему, повернулся и вышелъ. Захлопнувъ дверь за собою, онъ услышалъ, что въ гостиной раздался громкій хохотъ.

XLV.

Онъ вышелъ на улицу, и отправился въ новое свое жилище. Освободившись отъ ненавистныхъ лицъ, не терзаясь болѣе шепотомъ, крикомъ и хохотомъ бездушныхъ тварей, онъ погрузился въ крѣпкую думу, шелъ куда должно, но самъ того не зная.

Раны сердца его раскрылись. Чаша страданій его исполнилась — послѣднею малою каплею. Наташа! Наташа! лепеталъ онъ, вызывая облегчительныя слезы на потускнѣвшіе глаза, но и слезы отказывались ему повиноваться. Стѣсненный настоящимъ страданіемъ, духъ его перенесся въ даль темную, минувшую, невозвратную. Ему почудилось, что онъ находится еще на кораблѣ, перенесшемъ его изъ Ниццы въ Тріестъ. Его провожалъ вѣрный другъ, Алимари, дважды спасшій ему жизнь: въ первый разъ сообщивъ условное восклицаніе, по которому всякой масонъ (а ихъ было множество во Французской арміи) долженъ былъ непремѣнно подать ему помощь; въ другой разъ, исторгнувъ его изъ бездны отчаянія.... Море волновалось. Солнце скрывалось за горизонтомъ, золотя послѣдними лучами верхи волнъ морскихъ, и исчезая съ ними въ безднѣ. Онъ сидѣлъ на скамьѣ, прислонясь къ мачтѣ. Алимари стоялъ подлѣ него, и, держась рукою за канатъ, глядѣлъ молча въ даль, терявшуюся на западѣ. Вдругъ послышались вопли изъ каюты. Изъ нея выбѣжалъ

спутникъ ихъ, старичекъ, ливорнскій купецъ, и бросился къ Алимари.—«Спасите, избавьте ее.» сказалъ онъ ему, задыхаясь. «Кого? какъ?» спросилъ изумленный Алимари. «Вы медикъ и человѣкъ сострадательный — не откажите въ пособіи моей бѣдной Джульеттѣ. Умоляю васъ всѣмъ, что свято!»—«Онъ ошибается, принявъ меня за медика,» сказалъ Алимари Кемскому по-русски: «но безсовѣстно было бы отказать въ пособіи. Пойдемте со мною, князь!»—Они пошли вслѣдъ за трепещущимъ старикомъ въ женское отдѣленіе каюты. Тамъ, на койкѣ, спущенной къ самому полу, лежала въ безпамятствѣ молодая женщина: смертная блѣдность покрывала лице ея, глаза были закрыты; губы шевелились и произносили невнятные звуки; руки сложены были на груди, сильно волновавшейся. Иногда вся она приходила въ движеніе, поднимала руки, какъ будто прося помощи, и испускала жалобные вопли.—Алимари подошелъ къ ней, вперилъ свои взоры въ закрытые глаза ея; она вздрогнула, и вскорѣ потомъ улыбка пролетѣла по ея устамъ. «Паоло!» сказала она тихимъ голосомъ—«Паоло!» произнесъ съ горестью старикъ отецъ ея: «это имя жениха ея, убитаго Французами.» — «Паоло!» повторила она: «наконецъ ты воротился. И какъ ты здоровъ, какъ веселъ, а я!»——На лицѣ ея изобразилось внутреннее движеніе тоски. Алимари наклонился къ ней, разогнулъ ея руки, опустилъ ихъ вдоль тѣла, и началъ водить своими руками по лицу ея; потомъ расширяя мало по

малу круги, дѣлаемые руками, опускалъ ихъ къ предсердію. Страдалица поутихла. На лицѣ ея водворилось спокойствіе, и она чрезъ нѣсколько секундъ спросила: «Кто ты, свѣтлый утѣшитель? Лице твое мнѣ знакомо. Благодарю тебя, но ты не Паоло. Онъ скрылся опять. Его увели — увели на смерть!» На лицѣ опять появились признаки страданія и тоски. — Алимари повторилъ прежнія движенія руками, и она вновь затихла. — «Это чудесныя дѣйствія ясновидѣнія!» сказалъ онъ тихо Кемскому, по-русски. «Подойдите сюда.» — Не отнимая лѣвой руки отъ предсердія больной, онъ правою взялъ за руку князя. — «И это не онъ!» сказала больная: «но этотъ печаленъ, грустенъ; утѣшься, другъ мой! Видишь ли — тамъ, тамъ, откуда восходитъ солнце, откуда вѣетъ прохладный вѣтеръ — тамъ она — видишь — вотъ она — въ черной мантіи, на колѣняхъ. Не плачь, сестра моя! Онъ живъ, а мой Паоло! Видишь ли, другъ мой — вотъ она! Она молится Богу — счастливая! Предъ нею — не Распятіе — нѣтъ! — ликъ Пречистой Дѣвы, одѣтый золотомъ и блестящими камнями. Вижу, вижу: утѣшительница небесная лучемъ отрады проникаетъ въ грустное, томное сердце. Она увидѣла ее — увидѣла своего ангела небеснаго — вотъ летитъ на крыльяхъ серафима. Не плачь, маменька! — Но нѣтъ! нѣтъ!» вскричала она вдругъ дикимъ голосомъ: «нѣтъ Паоло! Они его ведутъ, они убьютъ его!» Жестокія судороги исказили прекрасное лице. Алимари, опустивъ руку Кем-

скаго, началъ опять водить по лицу и по груди несчастной. Она умолкла, успокоилась и, какъ казалось, крѣпко заснула. Ее оставили. Явленіе это произвело сильное впечатлѣніе въ Кемскомъ. Незнакомка угадала сонъ, который преслѣдовалъ его нѣсколько ночей сряду, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сѣлъ на корабль. Ему грѣзилась и черная женщина, и въ то же время Наташа. И прежде того казалось ему, что онъ въ чертахъ Наташи находитъ какое-то сходство съ чертами лица видѣнія, и это сходство влекло его къ ней непонятною силою. Но теперь, по утратѣ любезной, лишь только онъ сталъ приходить въ себя, послѣ долговременнаго оцѣпенѣнія, эти два лика слились въ одинъ. Съ тѣхъ поръ, и во снѣ и на яву чудилась ему всегдашняя мечта его, принявшая лице и выраженіе Наташи — выраженіе тоски, унынія, изрѣдка смѣняемыхъ мимолетною улыбкою, проблескомъ поднятыхъ къ небу глазъ, въ которыхъ выражалось: люби, вѣрь и надѣйся! Прежде того, въ лѣта молодости и выспреннихъ порывовъ, эта мечта его тревожила, наводила на него уныніе; но потомъ, по утратѣ всего, что ему было дорого и мило въ этомъ свѣтѣ, сдѣлалась неотлучною любезною его спутницею, всегдашнею подругою и утѣшительницею. Закрывалъ ли онъ глаза для отдохновенія послѣ тягостныхъ трудовъ — первымъ видѣніемъ его была — Наташа, въ черномъ платьѣ, съ печальною на устахъ улыбкою. Просыпался ли — мечта сновидѣнія

та же, все та же, улетала, и въ просонкѣ казалось ему, будто дѣйствительная Наташа подходитъ къ его постелѣ, нѣжною рукою приподнимаетъ его голову, другою отгоняетъ мрачныя думы отъ его чела. Наташа! проговоритъ онъ тихо, и симъ словомъ, какъ воззваніемъ къ заступницѣ своей у небеснаго престола, начнетъ утреннюю молитву. — Но эта свѣтлая тѣнь, эта посланница съ того свѣта чуждалась душной атмосферы людскихъ пороковъ, улетала отъ ядовитаго дыханія злобы, коварства и нечестія. Такъ, во время пребыванія его на Кавказѣ, неразлучная подруга стала являться къ нему рѣже съ тѣхъ поръ, какъ Вестри познакомился съ княземъ, и перестала посѣщать его вовсе, когда коварный предатель поселился въ домѣ. Она явилась къ нему, лишь только онъ, измученный, растерзанный, отчаянный, смежилъ глаза въ аулѣ чеченскомъ, и съ тѣхъ поръ его не оставляла. По мѣрѣ приближенія къ Петербургу, она показывалась ему рѣже и рѣже, а по прибытіи въ столицу, вовсе его покинула.

«Наташа!» призывалъ онъ ее слабымъ голосомъ, идя домой изъ мрачнаго вертепа, гнѣздилища его злодѣевъ. «Наташа! и ты меня оставила! Или уже мнѣ пора переселиться къ тебѣ — туда!» — —

Онъ не помнилъ самъ, какъ пришелъ въ новое свое жилище. Вѣрный Силантьевъ ожидалъ его въ залѣ. Кемскій, погруженный въ глубокую, тяжелую думу, не замѣчалъ, что зала бы-

ла убрана чисто, опрятно, что на стѣнахъ висѣли картины и эстампы, въ симметрическомъ порядкѣ. Силантьевъ, привыкшій въ теченіе многихъ лѣтъ къ странностямъ своего господина, не тревожилъ его ни докладами, ни вопросами: ему были извѣстны тѣ дни, тѣ часы, въ которые князь ходилъ, какъ мертвый между живыми; встревожить, испугать его въ это время значило положить на нѣсколько дней въ постелю.

Кемскій вошелъ въ спальню и, обративъ глаза къ образу, предъ которымъ теплилась тусклая лампада, мысленно прочелъ молитву, перекрестился и легъ въ постелю. Не сонъ, а какое-то болѣзненное забвеніе смежило его вѣжди: онъ чувствовалъ, что не спитъ, а между тѣмъ видѣлъ предъ собою мечты небывалыя и несбыточныя. Чрезъ нѣсколько времени и эти легкія сновидѣнія отлетѣли; онъ открылъ глаза. Лампада предъ образомъ пылала ярче обыкновеннаго. Въ одномъ углу комнаты сидѣла Наташа, во всегдашнемъ своемъ черномъ платьѣ, облокотясь на столъ, и томными глазами, въ которыхъ выражались и нѣжность и грусть, и воспоминаніе и надежда, смотрѣла въ другой уголъ, темный, недосягаемый свѣту лампады. Вдругъ и эта сторона стала проясняться: мало по малу явился тамъ ликъ младенца, въ бѣлой сорочкѣ, опоясанной голубою лентою. Младенецъ, прекрасный, миловидный, сидѣлъ на подушкѣ, и съ дѣтскою улыбкою нетерпѣнія протягивалъ руки къ На-

ташѣ, какъ бы говоря ей: возьми меня! Кемскій обратилъ глаза къ ней: ея ужъ не было; посмотрѣлъ опять на младенца — ликъ его тонулъ во мракѣ. Лампада тухла, тухла — и вдругъ погасла. Колоколъ прогудѣлъ три часа.

Это видѣніе долго носилось въ воображеніи Кемскаго: онъ не зналъ, наяву ли это было, или во снѣ; только послѣднее явленіе — явленіе младенца, померкновеніе лампады и звонъ колокола, казалось ему, были не сонными мечтаніями. Милые образы кружились во мракѣ вокругъ страдальца, и подъ утро навѣяли на него сонъ тихій и крѣпительный.

Онъ проснулся поздно. Зимніе лучи солнца проникали сквозь алыя занавѣски, и обливали нѣжнымъ цвѣтомъ бѣлыя стѣны комнаты. Припоминая мечты протекшей ночи, стараясь оживить ихъ въ своемъ воображеніи, Кемскій открылъ глаза — и что жъ? На бѣлой стѣнѣ, игравшей розовыми отливами, представился ему ликъ младенца, видѣнный имъ ночью. Онъ протиралъ глаза; — нѣтъ, это не мечта, это представляется наяву. Разсмотрѣвъ внимательно, онъ увидѣлъ, что это было живописное изображеніе прекраснаго дитяти, въ естественную величину, безъ рамы, висѣвшее на стѣнѣ надъ письменнымъ его столикомъ, растолковалъ себѣ причину ночнаго видѣнія, и догадался, что эта прекрасная картина повѣшена Берилловымъ. Другую противоположную сторону стѣны занималъ ландшафтъ его родины. — Такое нѣжное вниманіе просто-

душнаго Берилова глубоко врѣзалось въ душу князя. Артистъ былъ тотъ же, что и за двадцать лѣтъ предъ симъ: безпечный, равнодушный, даже безтолковый въ дѣлахъ жизни обыкновенной, прозаической, онъ чуялъ самые тихіе звуки струнъ сердца человѣческаго, и находилъ имъ отзывъ въ своемъ сердцѣ — и этотъ путь шелъ въ сердце его прямо, а не головою. Подъ сельскимъ видомъ повѣсилъ онъ собственный свой портретъ, съ подписью, своего же сочиненія: «*Князю изъ людей, человѣку изъ князей, благодарный до гроба Андрей Бериловъ.*»

Кемскій со слезами умиленія бросился на шею Берилову, вошедшему въ его комнату. Артистъ былъ внѣ себя отъ восхищенія, что угодилъ своему другу. «Но что это за прелестное лице, это не смертная — это ангелъ!» сказалъ Кемскій, указывая на изображеніе младенца. «Скажите, гдѣ подлинникъ этой картины! Или она родилась въ вашемъ воображеніи?» — «Нѣтъ-съ, ваше сіятельство,» пробормоталъ Бериловъ въ смущеніи: «это такъ, ничего-съ, то есть, это не выдумка, это дочь моя.» — «Дочь ваша!» спросилъ Кемскій: «дочь ваша!» — Бериловъ покраснѣлъ, замялся, потупилъ глаза и не отвѣчалъ. Кемскій, догадываясь, что въ этомъ скрывается какая нибудь тайна, заставляющая краснѣть Берилова, пересталъ спрашивать, но не могъ растолковать себѣ этой странности. Сколько ему было извѣстно, Бериловъ никогда не былъ женатъ. Но по этому-то и долженъ онъ былъ ща-

дить его вопросами о дочери.—Минута недоумѣнія быстро пролетѣла.

Кемскій жилъ тихо и спокойно; ходилъ утромъ по дѣламъ, и пришедъ домой, послѣ скромнаго обѣда, занимался книгами, приведеніемъ въ порядкомъ своихъ записокъ, и мечтами. Берилова видѣлъ онъ рѣдко. Въ началѣ обѣдывали они вмѣстѣ, но это продолжалось не болѣе недѣли. Бериловъ никогда не приходилъ къ обѣду во-время: иногда являлся часу въ одиннадцатомъ утра, и спрашивалъ: вы еще не кушали, князь? Но чаще всего пропускалъ надлежащее время, и приходилъ обѣдать, когда другіе сбирались ужинать или спать. Кемскій сносилъ это терпѣливо: онъ не былъ педантски привязанъ къ маятнику и циферблату; но Бериловъ самъ догадался, что такое разстройство должно быть непріятно человѣку немолодому и нездоровому; да и онъ, опаздывая приходомъ домой, безпокоя князя, крайне совѣстился, сердился на себя, божился, что съ завтрашняго числа сдѣлается порядочнымъ, и завтра отлагалъ исправленіе до послѣ-завтра. Однажды онъ со слезами просилъ князя уволить его отъ своего стола, просилъ дать ему прежнюю свободу, дозволить ему ѣсть и спать, гдѣ, какъ и когда захочется. Князь безъ всякаго противорѣчія согласился на это, и Бериловъ началъ бродить, куда глаза глядятъ; началъ *пропадать* на нѣсколько недѣль. И какъ это ему сдѣлалось легко! Домъ его стерегутъ, комнату чистятъ и ме-

тутъ. Воротится къ своимъ пенатамъ, и все пойдетъ по прежнему. Первымъ вѣстникомъ его возвращенія былъ обыкновенно крикъ Акулины Никитичны, сначала бранный, а потомъ ласковый, пробивавшійся сквозь заколоченную дверь. Затѣмъ Бериловъ являлся къ князю. «Здравствуй, Андрей Ѳедоровичъ! гдѣ побывалъ!» — «Въ Нарвѣ, въ Гатчинѣ, въ Кронштатѣ, въ Выборгѣ, въ Новѣгородѣ,» отвѣчалъ артистъ, и вынималъ изъ портфейля свои этюды. Князь разглядывалъ, критиковалъ, спорилъ. Бериловъ принимался исполнять эскизы — и чрезъ нѣсколько дней исчезалъ опять. Потомъ опять являлся, и начиналъ городскую жизнь бранью съ Акулиною Никитичною; но эти побранки, въ которыхъ Кемскій невольно участвовалъ слухомъ, были майскимъ днемъ въ сравненіи съ сентябрскими бурями свѣта, отъ которыхъ князь укрылся. Онъ былъ привязанъ къ живописцу какою-то непостижимою силой. Увидѣвъ его у Вышатина въ первый разъ послѣ разлуки, онъ почувствовалъ неизъяснимую въ сердцѣ отраду: ему казалось, что встрѣтился съ давнопотерянымъ другомъ, съ пришельцемъ съ того свѣта. «И это неудивительно,» думалъ онъ, перебирая въ мысляхъ свои впечатлѣнія: «никто не зналъ *ея* такъ коротко, какъ Бериловъ; никто изъ тѣхъ, кого вижу нынѣ, не помнитъ *ея* ангельскаго взгляда, *ея* божественной души! И съ какою пощадою онъ упоминаетъ о ней въ бесѣдахъ со мною! Если бъ мнѣ должно было изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей

избрать въ друзья одного, я избралъ бы этого простодушнаго сына природы, въ которомъ чувство изящнаго, истиннаго, великаго и безсмертнаго таится, какъ неоцѣненный алмазъ, искра луча солнечнаго, въ дикой оболочкѣ!

XLVI.

Великолѣпный балъ разгорался. Тысячи свѣчъ озаряли огромныя залы, убранныя зеркалами, завѣсами, фестонами. Легкія нимфы, какъ весенніе мотыльки, летали, едва касаясь зеркальнаго пола; вокругъ ихъ толпились искатели наслажденій, съ готовыми похвалами на устахъ, съ насмѣшкою на лицѣ, съ эпиграммами въ умѣ. Громкая музыка едва покрывала шепотъ волнующейся толпы. Любители танцевъ еще не утомились, и считали предстоящіе имъ часы удовольствій. Прелестные наряды красавицъ еще не увяли отъ жару, пыли и копоти. Еще было просторно въ комнатахъ, и новоприбывающіе находили мѣсто по выбору.

Кемскій вошелъ въ залу. Лѣтъ осьмнадцать не бывалъ онъ въ большихъ свѣтскихъ собраніяхъ. Безпрерывное движеніе, шумъ, блескъ — произвели въ немъ странное дѣйствіе. Напоминая о давноминувшихъ дняхъ молодости и счастія — эта картина удовольствія и великолѣпія возбудила въ сердцѣ его чувство грустное, то-

мительное: въ умѣ его, при громкихъ звукахъ веселія, возникла мысль о непорочности всего земнаго, о смерти, о тлѣнности. Онъ вспомнилъ о прежнихъ дняхъ, о бывалыхъ увеселеніяхъ, объ отшедшихъ собесѣдникахъ. Дни тѣ улетѣли, звуки того веселія умолкли, тѣ собесѣдники истлѣли подъ гробовымъ покровомъ. Тѣснимый, волнуемый грустными мыслями, онъ, остановился, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ залѣ, и хотѣлъ бѣжать въ свое уединеніе; но, вспомнивъ о причинѣ, заставившей его втѣсниться въ эту шумную толпу, заглушилъ въ душѣ своей волненіе воспоминаній и сравненій, и пошелъ отыскивать хозяина или, лучше сказать, хозяйку.

Балъ этотъ давалъ Лютнинъ, въ день рожденія Пелагѣи Степановны. Увидѣвшись съ Кемскимъ наканунѣ, онъ пригласилъ стараго товарища къ себѣ на вечеръ. Князь съ перваго слова отказался; но Лютнинъ не принималъ извиненій, увѣрялъ, что онъ посѣщеніемъ своимъ обрадуетъ добрую Полину, которая его истинно уважаетъ; далъ знать, что онъ отказомъ огорчитъ друзей своихъ, что повредитъ тѣмъ дѣлу своего кліента. Одна эта мысль могла заставить Кемскаго отважиться на все. Онъ далъ слово — и явился, какъ на дежурство, какъ на искупленіе — въ твердомъ намѣреніи оставить общество какъ можно скорѣе. Грустное впечатлѣніе, произведенное въ немъ шумнымъ веселіемъ и ослѣпительнымъ блескомъ, еще болѣе укрѣпило его въ этомъ. Онъ нашелъ хозяевъ, поздоровался съ

Лютнинымъ, который, въ суетахъ праздничныхъ, разсѣянно отвѣчалъ ему пожатіемъ руки; поздравилъ Пелагѣю Степановну, а она едва удостоила его взглядомъ. — «Можетъ быть однако,» подумалъ онъ: «хватятся меня — пройдусь раза два по комнатамъ.»

Миновавъ рядъ освѣщенныхъ залъ, онъ вошелъ въ билліардную. Два офицера, одинъ гвардеецъ, другой флотскій, играли на билліардѣ. Человѣка три неважныхъ гостей сидѣли на скамьяхъ, и безмолвно смотрѣли на игру. Здѣсь было не такъ шумно, не такъ душно, какъ въ парадныхъ апартаментахъ; по отдаленіи этой комнаты отъ другихъ, слышенъ былъ въ ней и запахъ табаку. Кемскій взмостился на высокую скамью. Слуга, въ богатой ливреѣ, поднесъ ему сигарку. Онъ съ удовольствіемъ взялъ ее, закурилъ и обратилъ вниманіе на игру офицеровъ. Флотскій сдѣлалъ блистательный ударъ, и гвардеецъ сказалъ: «Лихо! хоть бы Ветлину такъ сыграть!» — «Не сыграть ему такъ!» отвѣчалъ морякъ, и сдѣлалъ еще одну мастерскую билію. «Но согласитесь, что онъ играетъ прекрасно!» — «Игралъ — tempi passati!» возразилъ морякъ: «теперь онъ у насъ въ ластовыхъ — лодки мажетъ, да деготь крадетъ.» — «Быть не можетъ! Ветлинъ вышелъ изъ флоту?» — «Нѣтъ! мундиръ на немъ тотъ же, да душа зачерствѣла. Промахъ! — Ветлинъ — этотъ образецъ удальца на берегу, отрада въ каютъ-компаніи, герой въ битвѣ, неустрашимый въ жесточайшей бурѣ, сталъ

теперь слабѣе, хилѣе, глупѣе — Богъ знаетъ чего! И всего страннѣе, что эта перемѣна сдѣлалась съ нимъ въ продолженіе кампаніи: безбородые гардемарины воротились молодцами, а онъ какимъ-то монахомъ. Всѣхъ бѣгаетъ, всего боится — какъ мокрая курица. Не повѣрите, какъ я удивился, увидѣвъ его сегодня здѣсь, на балѣ: Сергѣй Ветлинъ на балѣ! Въ былыя времена онъ бѣгалъ парадныхъ компаній, боясь принужденія. Теперь чуждается прежнихъ товарищей — а на балъ явился. Подите, растолкуйте человѣческія причуды! — Партія. — Не угодно ли quitte à double?» — Кемскій не проронилъ ни слова изъ этого разговора. Ветлинъ! думалъ онъ: Сергѣй Ветлинъ! крестникъ Элимова — этотъ негодяй — здѣсь на балѣ. Ему совѣстно было обратиться съ вопросомъ къ незнакомымъ, да сверхъ того нѣжное и почтительное обхожденіе племянниковъ такъ его напугало, что онъ страшился вступать въ разговоры съ молодыми людьми. Онъ рѣшился кое-какъ самъ отыскать Ветлина, и, выкуривъ сигарку, отправился въ другія комнаты. Онѣ были наполнены безчисленною пестрою толпою, которая едва давала мѣсто танцующимъ. Кемскій посматривалъ на всѣ *якорные* воротники. Вотъ флотскій офицеръ танцуетъ въ кадрили. Нѣтъ, это не Ветлинъ: у того волосы темнорусые, а этотъ бѣлокуръ да и глядитъ какимъ-то теленкомъ. Вотъ другой — нѣтъ, этотъ ужъ слишкомъ старъ: осьмнадцати кампаній Ветлинъ не сдѣлалъ. Еще нѣсколько; по примѣтамъ —

все не Ветлинъ. Но вотъ играютъ въ экарте. За стуломъ одного пожилаго, опытнаго корифея англійскаго клуба, стоитъ молодой флотскій офицеръ, темноволосый, статный. Можетъ быть, это Ветлинъ. Онъ пристально слѣдитъ игру. На лицѣ его можно видѣть, какъ въ зеркалѣ, весь ходъ карточнаго поединка. Лице его правильное, благообразное, глаза выразительные, но на устахъ играетъ улыбка не улыбка, гримаса не гримаса — смѣшанное выраженіе и ласки и презрѣнія, и удовольствія и досады. Отъ нижней губы идетъ какая-то странная полоса, какъ борозда, проведенная страстями. И эта полоса, по временамъ, когда душу подернетъ какое нибудь чувство досады или нетерпѣнія, становится глубже, явственнѣе; начинаетъ безобразить лице, но чрезъ нѣсколько минутъ сверкнетъ въ черныхъ, пламенныхъ глазахъ какой-то яркій лучъ, и эта полоса исчезнетъ мгновенно, и на устахъ пролетитъ другая улыбка, не прежняя, а отрадная и милая.—Если бъ это былъ Ветлинъ! подумалъ Кемскій, подсѣлъ къ игрокамъ, и, подъ видомъ наблюденія игры, слѣдилъ незнакомца. Интересъ игры увеличивался ежеминутно. Съ нимъ наравнѣ возрастало вниманіе офицера. Въ антрактахъ между танцами, дамы и дѣвицы, по обыкновенію, взявшись за руки, прохаживались по заламъ. Офицеръ не глядѣлъ на нихъ: дамы карточныя занимали его болѣе. Вдругъ, въ перелетномъ шепотѣ, раздались слова: «Ecoutez, Наденька! Надежда Андреевна! Ecoutez donc!» — Офи-

церъ при сихъ словахъ вздрогнулъ; пламенная краска пронеслась по лицу его; онъ быстро обратился къ мимоидущимъ дамамъ: отыскалъ глазами ту, которую звали, посмотрѣлъ на нее внимательно, потомъ испустилъ глубокій вздохъ, какъ бы обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, и опять обратился къ картамъ, но спокойствіе и вниманіе его исчезли. Видно было, что Наденька, или Надежда Андреевна, бродила у него въ умѣ. Онъ постоялъ еще нѣсколько минутъ, потомъ отошелъ отъ стола, удалился въ другую комнату, опять воротился и сталъ на прежнее мѣсто. Хозяинъ подошелъ къ играющимъ. «Ты не играешь, Кемскій?» спросилъ онъ. — «Нѣтъ, любезный!» отвѣчалъ Кемскій: «только смотрю и учусь.» — При произнесеніи имени Кемскаго, молодой человѣкъ измѣнился въ лицѣ, и уставилъ глаза въ Кемскаго. Видно было, что въ его душѣ происходило сильное волненіе. — «Это Ветлинъ!» подумалъ Кемскій, но не зналъ, какъ вступить съ нимъ въ разговоръ. И Ветлинъ былъ въ крайнемъ замѣшательствѣ. — Въ это время прежній офицеръ, проходя изъ билліардной, потрепалъ его по плечу, и сказавъ: «Что братъ, Ветлинъ, не разбираетъ ли тебя опять охотка отвѣдать счастья на зеленомъ полѣ? Берегись, помни ревельскія штуки!» — скрылся въ толпѣ. Ветлинъ смѣшался еще болѣе. Тогда Кемскій всталъ, подошелъ къ нему и спросилъ ласково: «Вы Ветлинъ? Сергѣй Ивановичъ? Конечно помните Кемскаго!» — «Помню ли!» съ жаромъ ска-

залъ офицеръ, удерживая порывъ, неприличный въ большомъ обществѣ: «И вы здѣсь, въ Петербургѣ, почтенный благодѣтель и хранитель моего дѣтства!» — «Уже нѣсколько мѣсяцевъ,» отвѣчалъ Кемскій: «а вы?» — «За недѣлю воротился изъ вояжа, и третьяго дня пріѣхалъ въ Петербургъ.» — «Радъ, что вижу васъ,» сказалъ Кемскій, истинно обрадованный тономъ молодаго человѣка: «но здѣсь намъ не мѣсто толковать. Посѣтите меня! Вотъ мой адресъ!» прибавилъ онъ, отдавая ему обертку письма, случайно бывшую у него въ карманѣ. «До свиданія!» — Офицеръ взялъ адресъ, и съ чувствомъ пожалъ ему руку. — Кемскій вышелъ изъ комнаты, и уѣхалъ домой.

XLVII.

На другой день вечеромъ Сергѣй Ветлинъ явился къ Кемскому. Онъ вошелъ въ домъ съ какимъ-то страхомъ, раза три спрашивалъ у Силантьева, точно ли тутъ живетъ Князь Алексѣй Ѳедоровичъ, и вступивъ въ комнату, поздоровавшись съ княземъ, въ недоумѣніи осматривался во всѣ стороны. Кемскій замѣтилъ его любопытство, и догадался о причинѣ. — «Вамъ странно, Сергѣй Ивановичъ,» сказалъ Кемскій чрезъ нѣсколько времени: «что я живу такъ уединенно, такъ просто?» — «Признаюсь,» отвѣчалъ Ветлинъ, запинаясь: «что я думалъ найти

васъ, если не въ великолѣпномъ, то, по крайней мѣрѣ, въ удобномъ помѣщеніи.» — «Почему жъ это неудобно?» спросилъ Кемскій съ улыбкою: «кто нѣсколько лѣтъ провелъ въ землянкахъ да на бивакахъ, тому это помѣщеніе должно казаться царскимъ дворцемъ. Квартира сухая, теплая, для меня довольно просторная. Гостей у меня не бываетъ.» — «Никого?» спросилъ Ветлинъ съ испытующимъ взглядомъ. — «Почти никого,» отвѣчалъ Кемскій: «иногда зайдетъ сосѣдъ и другъ мой, живописецъ.» — «А родственники? а сестрица? а племянники ваши?» — «Видно, имъ нѣкогда,» сказалъ Кемскій, и взглянулъ на картину, какъ будто желая прекратить или перемѣнить разговоръ. — «Но я знаю,» продолжалъ Ветлинъ, «что Платонъ Сергѣевичъ радовался вашему возвращенію; онъ писалъ къ одному своему пріятелю, моему товарищу, что осчастливленъ вашимъ пріѣздомъ, что надѣется отъ васъ....» — «Надежды обманчивы!» сказалъ Кемскій, воздохнувъ: «Богъ съ ними. Дѣло въ томъ, любезный Сергѣй Ивановичъ, (прибавилъ онъ поспѣшно, какъ будто желая скорѣе высказать), что во время моихъ походовъ имѣніе мое разстроилось; изъ четырехъ тысячъ душъ отцовскаго имѣнія врядъ ли мнѣ что останется по окончаніи дѣлъ; я долженъ жить скромно, чтобъ на старости не быть въ тягость другимъ; и вотъ почему не могу принимать родни, привыкшей къ богатству и роскоши.» — Слова эти произвели глубокое впечатлѣніе въ моло-

домъ офицеръ: на лицѣ его выразилось чувство уваженія къ кротости и великодушію, съ какими Кемскій отзывался о гнусныхъ своихъ родственникахъ. Это выраженіе не ускользнуло отъ Кемскаго. «Вотъ,» думалъ онъ: «тотъ шалунъ, негодяй, извергъ, о которомъ Алевтина мнѣ писала! У него есть умъ, чувство, совѣсть....»— Разговоръ согрѣлся мало по малу. Кемскій распрашивалъ Ветлина о его походахъ и вояжахъ. Молодой человѣкъ отвѣчалъ умно, живо, выказывалъ отличныя свѣдѣнія. Вечеръ пролетѣлъ непримѣтно.

Такихъ вечеровъ было еще нѣсколько. Ветлинъ былъ всегда тотъ же. Иногда только проскакивало въ его обращеніи, въ его рѣчахъ какое-то нетерпѣніе; иногда срывались съ устъ выраженія жесткія, неупотребительныя въ кругу хорошаго общества; но лишь только случится ему сдѣлать или сказать что нибудь неловкое, неприличное, онъ спохватится, съ досады покраснѣетъ, и потомъ всячески старается загладить свою ошибку. —Кемскій не понималъ его совершенно. Онъ нашелъ случай поговорить о немъ съ бывшими его начальниками въ Морскомъ Корпусѣ. Всѣ единогласно утверждали, что Ветлинъ одаренъ отъ природы отличными способностями, но скрытенъ, коваренъ, золъ, мстителенъ, радъ всякой бѣдѣ ближняго, и чуждъ всякаго чувства любви и дружбы. На дѣлѣ казалось Кемскому иное: бывали случаи, въ коихъ Ветлинъ показывалъ ребяческую слабость и чувстви-

тельность, въ которыхъ, казалось, онъ готовъ былъ отдать душу за страждущаго. — «Загадка!» думалъ Кемскій.

Между тѣмъ проблески благородныхъ побужденій и возвышенныхъ мыслей въ душѣ Ветлина, его безкорыстное уваженіе къ благодѣтелю своего младенчества, его скромность въ отзывахъ о недостойныхъ дѣтяхъ Элимова, мало по малу зараждали въ сердцѣ Кемскаго сначала вниманіе, потомъ участіе, а тамъ и любовь. Онъ засталъ себя однажды готовымъ броситься въ объятія молодаго человѣка, предложить ему свою дружбу, и просить взаимности; но мысль о томъ, что все обращеніе, вся наружная жизнь Ветлина могутъ быть притворствомъ, лицемѣріемъ, обманомъ, — воспоминаніе о тѣхъ обманахъ и заблужденіяхъ, въ которые впадалъ онъ въ теченіе всей бурной жизни своей, удерживали его. И Ветлинъ, казалось, замѣчалъ эту недовѣрчивость; казалось, иногда оскорблялся ѐю, но послѣ мгновеннаго размышленія, опять становился прежнимъ.

Когда бывало они, въ бесѣдахъ своихъ, столкнутся на чувствѣ, на какомъ либо душевномъ признаніи, Кемскій всегда умѣлъ обратить разговоръ на другое, обыкновенно на искусства, словесность, науки. И здѣсь Ветлинъ былъ дѣйствительно пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ много читалъ, размышлялъ; видѣлъ много хорошаго и любопытнаго въ своихъ путешествіяхъ, понималъ музыку, зналъ толкъ и въ другихъ

изящныхъ искусствахъ, страстно любилъ словесность. Эти разговоры между нимъ и Кемскимъ были для нихъ обоихъ самые пріятные и занимательные: они высказывали другъ другу свои впечатлѣнія, чувствованія, мнѣнія, безъ запинки; безъ умолчанія. — Лишь только же бывало рѣчь коснется состоянія ихъ души, взаимныхъ отношеній, князь задумывался, а Ветлинъ приходилъ въ замѣшательство. Казалось, у каждаго была тайная мысль, которую одинъ боялся открыть другому. Въ Кемскомъ, это, какъ сказано, была боязнь разочарованія. Въ Ветлинѣ замѣшательство проистекало изъ другаго источника.

Однажды, подъ вечеръ, толковали они о преимуществѣ изящныхъ искусствъ. Ветлинъ говорилъ, что для него дороже, пріятнѣе, восхитительнѣе всего музыка и поэзія; что поэзія есть цѣлый міръ, повтореніе существеннаго въ высшемъ, идеальномъ характерѣ, а музыка переводъ поэзіи на языкъ небесный. — «А пластическія искусства?» — спросилъ Кемскій. «Неужели живопись не можетъ такъ же быть поэзіею, быть музыкою?» — «Нѣтъ, не думаю!» сказалъ Ветлинъ: «Живопись искусство слишкомъ матеріяльное: она представляетъ намъ природу украшенную, не высшую; силится постигнуть и изобразить существующее, а до идеала не можетъ возвыситься.» — Кемскій на это не соглашался. Ветлинъ оставался при своемъ мнѣніи. «Нѣтъ говорилъ онъ: «Живопись, изображеніе изящной, но

мертвой природы, никогда не тронетъ, не поразитъ меня такъ, какъ стихотвореніе Жуковскаго, какъ менюэтъ въ Донъ-Жуанѣ; она оставляетъ въ душѣ формы чувственныя, постигаемыя зрѣніемъ, и толкуемыя разсудкомъ.» — Въ это время внесли въ комнату свѣчи. Кемскій прервалъ рѣчь Ветлина: «А это, напримѣръ!» сказалъ онъ, и снялъ покрывало съ изображенія небеснаго своего младенца. Ветлинъ остановился, поблѣднѣлъ; потомъ пламенная краска пробѣжала по лицу его, и слезы выступили на глазахъ. «Это — это что?» спросилъ онъ, запинаясь, и поднялъ руки, какъ бы желая поддержать подавшагося впередъ младенца. — «Это живопись!» отвѣчалъ Кемскій, улыбаясь, и хотѣлъ закрыть картину. — «Постойте!» воскликнулъ Ветлинъ: «дайте мнѣ еще посмотрѣть на этого ангела!» И онъ вперилъ взоры въ картину; глаза его горѣли огнемъ необыкновеннымъ и наполнялись слезами. «Чей это портретъ? откуда вы его достали?» спрашивалъ онъ, не сводя глазъ съ картины. — «Право не знаю, чей,» отвѣчалъ Кемскій, щадя тайну Берилова: «мнѣ подарилъ его пріятель.» Ветлинъ наконецъ замѣтилъ, что его жадное вниманіе можетъ наскучитъ, со вздохомъ отвернулся отъ картины, сѣлъ въ кресла, и задумался. — Кемскій, довольный силою своего довода, опустилъ покрывало, сѣлъ подлѣ Ветлина, и старался возобновить разговоръ. Мало по малу бесѣда вошла въ прежнею колею. Ветлинъ разговорился о дикихъ красотахъ Норвегіи. Кем-

скій, слушая его внимательно, замѣтилъ, что Сѣверъ обиженъ путешественниками, что дикія и грозныя красоты Скандинавіи еще не находили достойнаго живописца; что Норвегія, Швеція, Финляндія ждутъ наблюдателей. При сихъ словахъ ему показалось, что въ умѣ Ветлина блеснула какая-то счастливая мысль. — «Если бъ я зналъ, что искреннее желаніе и тщательный трудъ могутъ замѣнить талантъ творческій и живописный,» сказалъ онъ: «то попросилъ бы васъ прочитать нѣсколько очерковъ, набросанныхъ мною въ путешествіяхъ.» Онъ произнесъ эти слова съ усиліемъ, и покраснѣлъ. Кемскій просилъ его не слишкомъ скромничать, и доставить ему это удовольствіе. — Они разстались въ этотъ день, гораздо знакомѣе прежняго. Ветлинъ, уходя, взялъ князя за руку, и посмотрѣлъ ему въ глаза съ неизъяснимымъ выраженіемъ, въ которомъ смѣшивались боязнь и любовь, недоумѣніе и надежда.

Нѣсколько дней Ветлинъ не являлся. Въ одно утро Кемскій получилъ тяжелый пакетъ съ почты со штемпелемъ: Кронштадтъ. Это были литературные опыты Ветлина: описаніе нѣкоторыхъ морскихъ путешествій; картина шторма у Шетландскихъ Острововъ; наблюденія въ Норвегіи, Швеціи, Голландіи и сѣверной Франціи. Но всего любопытнѣе была для Кемскаго одна тетрадка, въ которой заключалась какая-то повѣсть: эта тетрадка была переписана съ тщаніемъ, на почтовой бумагѣ, переплетена, какъ

казалось, самоучкою, но опрятно и красиво. Первыя строки повѣсти возбудили вниманіе Кемскаго въ высочайшей степени. Онъ прежде всего принялся за эту тетрадку, и прочиталъ ее, не вставая съ мѣста. Вотъ ея содержаніе.

XLVIII.

ЖИЗНЬ СИРОТЫ.

Не судите, не осуждайте людей съ перваго взгляда! Храните первое о нихъ *впечатлѣніе:* оно иногда бываетъ рѣшительно и справедливо; но *судъ* произносите по внимательномъ изслѣдованіи чувствованій, мыслей, дѣлъ человѣка — а болѣе всего по разсмотрѣніи обстоятельствъ его жизни, воспитанія и положенія въ свѣтѣ. Люди! люди! какъ часто вы бываете неосторожны, несправедливы, жестоки въ своихъ приговорахъ! Какъ часто осуждаете на казнь общаго мнѣнія того человѣка, котораго сами, своею холодностью, строгостью, недружелюбіемъ, столкнули съ пути добродѣтели и правды! Счастливъ онъ, когда надъ нимъ сжалится Небо, когда пошлетъ ему помощь, отраду, надежду и утѣшеніе!

Натуралисты говорятъ, что человѣкъ родится на свѣтъ слабѣе, безпомощнѣе всѣхъ животныхъ, и самыхъ ничтожныхъ. Они говорятъ это въ отношеніи физическомъ, а во сколько кратъ эта истина истиннѣе въ мірѣ нравствен-

номъ! Пусть всякъ изъ насъ вспомнитъ, чѣмъ онъ обязанъ первымъ ласкамъ, первымъ урокамъ, первымъ предостереженіямъ матери! Какъ глубоко врѣзалось въ его сердце каждое слово отца, и невзначай имъ произнесенное! Пусть вспомнитъ онъ наставленія, замѣчанія, поправки своего воспитателя, своего брата, друга, старшаго изъ своихъ товарищей — и потомъ исчислитъ, чѣмъ обязанъ онъ руководителямъ своего дѣтства, и что̀ останется на долю собственной его дѣятельности и любви къ добру! Теперь, отнимите эти пособія, эти уроки, эти поощренія у возрастающаго человѣка: на привѣтъ любви младенческой отвѣчайте холодностью; порывъ добродѣтели наказывайте какъ шалость; благородную откровенность называйте дерзостью, любовь къ правдѣ нескромностью, благотворительность мотовствомъ; — давите, истребляйте всѣ зародыши добра, превращайте ближнихъ его въ совмѣстниковъ и враговъ — что выйдетъ изъ такого человѣка? — Нелюдимъ или злодѣй, смотря по его темпераменту. И потомъ, вооружитесь всею силою *печатной* морали, и жестокимъ приговоромъ карайте произведеніе собственнаго вашего бездушія, несправедливости и ненависти къ добру! Вотъ ваша, людская справедливость! Къ счастію, она и въ этомъ мірѣ не верховное судилище. Но кто дерзнетъ искать и, менѣе того, кто дерзнетъ требовать правосудія противъ большинства голосовъ? — Къ тебѣ, небесное Провидѣніе, пославшее человѣка въ міръ на испыта-

ніе, обращается вся его надежда и вѣра! Ниспошли ему твоего ангела, спаси его на пути жизни, и приведи въ тихое пристанище — достойнымъ твоего безсмертія!

Я не помню самыхъ первыхъ лѣтъ своей жизни. Знаю только, что въ самый часъ моего рожденія отецъ мой палъ на штурмѣ Измаила, а мать умерла на девятый день. Я былъ взятъ на воспитаніе крестнымъ отцемъ, добрымъ человѣкомъ, который когда-то служилъ подъ начальствомъ моего отца. Мнѣ было лѣтъ пять отъ роду, когда не стало моего воспріемника, но онъ сдалъ меня на руки одному своему родственнику. Воспоминаніе объ этомъ родственникѣ его есть одно изъ самыхъ раннихъ и пріятныхъ въ моей жизни. Онъ былъ человѣкъ молодой, добрый, ласковый, привѣтливый. Я жилъ въ домѣ его сестры, съ племянниками его, и онъ навѣщалъ насъ очень часто. Прихода его ждалъ я съ нетерпѣніемъ; по уходѣ его тосковалъ и грустилъ нѣсколько часовъ. Еще одна особа услаждала годы моего младенчества — дѣвица, воспитательница дѣтей моего воспріемника. Я помню лице ея, прекрасное, одушевленное, божественное. Когда я, лишась ея, въ тоскѣ и отчаяніи призывалъ моего ангела хранителя, онъ являлся моему воображенію въ чертахъ лика незабвенной хранительницы моего дѣтства. Счастіе мое достигло крайней точки, когда мой благодѣтель на ней женился. Я перешелъ въ ихъ домъ, сталъ называть ихъ отцемъ и матерью. Эти дни, не-

*

многіе, представляются въ моей памяти бѣлою свѣтящеюся чертою на темномъ поприщѣ моей жизни. Но счастіе мое было непродолжительно. Благодѣтель мой уѣхалъ на войну, и не возвращался. Жена его умерла съ горя. Меня опять взяли въ домъ сестры его — и какъ? — не дали даже проститься съ прахомъ моей доброй маменьки! Это было первое горестное ощущеніе въ моей жизни — ужасное, жестокое. Мнѣ казалось, что я переселенъ въ другой міръ, что надо мною осуществилось священное сказаніе, которое читалъ я подъ руководствомъ моей воспитательницы — объ изгнаніи человѣка изъ земнаго рая. И это произошло въ то самое время, въ ту самую минуту, могу сказать, когда душа моя прозрѣла, когда началось умственное мое бытіе: дотолѣ я невѣдомо носился въ жизни, какъ мотылекъ въ ароматѣ цвѣтовъ весеннихъ, чувствовалъ, а не мыслилъ, видѣлъ, а не зналъ.

Пробужденіе моего ума, помню я, послѣдовало, когда мы сидѣли за столомъ — сестра моего благодѣтеля, второй мужъ ея, два сына, дочь, учитель, гувернантка и я. Поводомъ къ тому было дѣтское дѣло, но оно оставило впечатлѣніе на всю мою судьбу. Въ то время былъ обычай ставить на столъ всѣ блюда вдругъ, а не вносить одно за другимъ, какъ нынѣ. Въ числѣ этихъ блюдъ замѣтилъ я одно, которое часто бывало на столѣ у моихъ воспитателей; имъ моя благодѣтельница обыкновенно подчивала своего отца, старичка добраго и почтеннаго. Это были

малороссійскіе вареники. Я обрадовался имъ, какъ старымъ знакомымъ. Но причиною этой радости было отнюдь не лакомство: мнѣ почудилось при взглядѣ на это блюдо, что я сижу въ прежнемъ кругу, между папенькою и маменькою, что подлѣ нея съ другой стороны сидитъ ея отецъ; что она меня ласкаетъ, что папенька глядитъ на меня привѣтливо. Я забылъ о ѣдѣ, и проснулся только, когда гувернантка подала мнѣ варениковъ. Я схватился за тарелку съ жадностью; но въ то же время почувствовалъ сильный ударъ по щекѣ, и надо мною разразились слова хозяйки: «Обжора ненасытный! мерзкій лакомка! ничего не ѣлъ; все глаза пялилъ на вареники! И ты еще смѣешь выбирать? Ѣшь, что дадутъ, нищій! И такъ чуть было не заѣлъ всего добра моихъ бѣдныхъ дѣтей!» — Я не могъ опомниться, не зналъ, что дѣлается со мною. Меня ударили по щекѣ еще разъ, и раздались слова: «Вонъ, побродяга! Прочь отъ моего стола! Тебѣ ли обѣдать съ благородными людьми, съ князьями! — Кормить его впередъ съ дѣвками! Вонъ отсюда, ненасытная тварь!» Меня столкнули со стула, и увели въ дѣвичью. Я не плакалъ. Я не зналъ, что со мною дѣлается. Мнѣ почудилось, что свѣтъ въ глазахъ моихъ подернулся какою-то темною завѣсою. Но съ этого часа я сталъ все помнить, сталъ разсуждать, сравнивать, и первымъ моимъ дѣтскимъ заключеніемъ было, что сестра моего благодѣтеля злая волшебница, что она извела моихъ родителей и

воспитателей, что она изъ міра людей праведныхъ и добродѣтельныхъ перенесла меня въ какой-то адъ, гдѣ я окруженъ одними злодѣями и врагами. Мучительница моя выгнала меня изъ-за своего стола не на одинъ только этотъ обѣдъ. Я остался навсегда съ служанками и слугами. Меня одѣли, какъ крѣпостнаго мальчика; на ночь отвели мнѣ мѣсто въ темномъ чуланѣ, на грязной, жесткой постелѣ. Слуги въ этомъ домѣ были развратные, дерзкіе и порочные наглецы. Ихъ держали очень дурно, не давали имъ наѣдаться досыта, бранили и били виноватаго и невиннаго, а слуги за то поносили, обманывали, обкрадывали господъ. И я все это видѣлъ! Меня приняли въ эту гнусную компанію съ досадою и бранью: должно было кормить меня изъ общаго людскаго харча; порціи для меня не отпускалось. Я никогда не могъ читать безъ слезъ исторіи младенца, Дофина Французскаго, котораго изъ великолѣпныхъ палатъ версальскихъ бросили въ смрадный вертепъ, изъ рукъ попечительныхъ наставниковъ отдали во власть пьянаго сапожника: я былъ преданъ на жертву цѣлой ватагѣ. — Наконецъ одно существо сжалилось надо мною — это была старая ключница, которая за что-то помнила моего благодѣтеля. Она защищала меня отъ нападеній другихъ слугъ, кормила остатками съ барскаго стола, мыла, чесала, одѣвала меня. Но, мнѣ кажется, лучше бъ было для моей нравственности, если бъ я испилъ всю чашу го-

ря, безъ всякой помощи. Старуха употребляла, для облегченія моего положенія, не самыя позволительныя средства: крала у господъ хлѣбъ, которымъ меня кормила, надѣвала на меня бѣлье своихъ баричей, и каждое благодѣяніе свое сопровождала проклятіями и бранью на злодѣйку, какъ она величала свою барыню, на глупаго ея мужа и на все ненавистное ихъ племя. Однажды, когда она истощила всѣ возможныя проклятія на своихъ господъ, я спросилъ у нея: «Что ты, Егоровна, такъ сердишься на барыню? Мнѣ кажется, она все таки лучше обходится съ тобою, чѣмъ съ другими своими людьми. Тебя не тревожатъ, не мучатъ работою, не бьютъ.» — «Ахъ, родимый!» отвѣчала на это старуха, залившись слезами:» она душу мою сгубила! Нѣтъ мнѣ спасенія ни здѣсь, ни тамъ, на томъ свѣтѣ!» — Я сталъ допытываться, что значитъ *душу сгубить.* Егоровна растолковала мнѣ, что госпожа принудила ее взять на душу тяжкій грѣхъ, которому нѣтъ прощенія ни у людей, ни у Бога.— «Зачѣмъ же ты послушалась?» спросилъ я простодушно. — «Будь я одна, ни какая сила не заставила бы меня сдѣлать то, что она велѣла. Да у меня дѣти: Ѳедьку грозилась она отдать въ солдаты, а Дуняшу продать въ Шлюшинъ на фабрику!» — Рыданія и слезы прервали рѣчь несчастной. Эти признанія смутили меня до крайности: я не допытывался далѣе, но въ душѣ моей поселилась глубочайшая ненависть къ волшебницѣ, и я старался мстить ей всевозможными

средствами. Не было шалости или дерзости, на которую бы я не отваживался. Меня жестоко наказывали. Я терпѣлъ. Старуха поощряла меня къ новымъ подвигамъ противъ моихъ злодѣевъ, увѣряя, что дѣлая зло дурнымъ людямъ, угождаешь Господу Богу. Вдругъ положеніе мое неожиданно перемѣнилось. Меня одѣли попрежнему, начали сажать за столъ съ господами; люди стали мнѣ служить. Злость и ненависть волшебницы выражались только грозными взглядами и отрывистыми словами. Впрочемъ должно признаться, что теперь я лучшаго обращенія и не заслуживалъ. Въ переднихъ, лакейскихъ и людскихъ забылъ я скромность, учтивость и послушаніе, и замѣтивъ, что меня приняли въ прежнее общество по какой-то необходимости, не старался заслуживать вниманія и похвалы. Старуха моя открыла мнѣ причину возвращенія моего въ господскіе покои: получено было извѣстіе, что мой благодѣтель живъ, что онъ воротится въ Петербургъ. — «Пріѣдетъ онъ, родимый!» говорила она въ отчаяніи: «я сниму съ себя грѣхъ! Онъ меня помилуетъ!» А я думалъ: «Пріѣдетъ онъ, такъ я разскажу ему всѣ злодѣянія волшебницы, и мы заодно съ нимъ станемъ отъ ней обороняться.» — Но онъ не пріѣзжалъ. Однажды поутру толстый упратитель, одинъ изъ самыхъ жестокихъ мучителей въ домѣ, велѣлъ мнѣ одѣться, посадилъ меня въ сани, и повезъ на Васильевскій Островъ. Я обрадовался катанью, которымъ давно не наслаждался. Меня привезли въ какой-то

большой домъ: ввели въ комнату, гдѣ были незнакомые офицеры, и за письменными столами сидѣло еще нѣсколько человѣкъ. Меня раздѣли. Я закричалъ, думая, что будутъ сѣчь, по-домашнему. Но нѣтъ! Какой-то толстый господинъ, въ мундирѣ, ощупалъ меня всего, заставилъ показать языкъ и зубы, и сказалъ одному офицеру: «Можно принять.» Меня опять одѣли; явился какой-то сторожъ и снялъ съ меня мѣрку. Управитель поклонился офицеру, а этотъ взялъ меня за руку, и сказавъ: «ну, душенька! ты теперь кадетъ Морскаго Корпуса,» повелъ изъ комнаты. Разными корридорами вошли мы въ предлинную залу, гдѣ сидѣло за столомъ множество дѣтей въ мундирахъ. Я обрадовался. «И мнѣ сошьете такой же мундиръ?» спросилъ я у офицера. — «Точно такой!» отвѣчалъ онъ и посадилъ на порожнее мѣсто. Кадеты осматривали меня съ головы до ногъ. Я съ жадностью сталъ ѣсть: за столомъ волшебницы мнѣ никогда не давали наѣдаться досыта — такъ, что я не разъ сожалѣлъ о лакейскомъ обѣдѣ. — По окончаніи обѣда, возвѣщенномъ, къ великому моему удовольствію, барабаннымъ боемъ, новые товарищи повели меня съ собою въ другую залу. Тамъ начали подтрунивать надо мною, начали вызывать меня на споръ и на драку. Воспитанный въ обществѣ жокеевъ и форрейтеровъ, я принялъ вызовъ, и началъ бить всякаго, кто ко мнѣ подступалъ. Раздались крики; въ залу вошелъ офицеръ, и спросилъ о причинѣ шума. «Новенькій

дерется,» отвѣчали ему кадеты, показывая растрепанные свои волосы, оторванныя пуговицы, подбитые глаза. «А, другъ!» сказалъ онъ: «тебя на новосельѣ надо проучить. Розогъ!» Я не успѣлъ опамятоваться, какъ уже лежалъ на скамейкѣ подъ жестокими ударами. Взбѣшенный, озлобленный, я рѣшился мстить всѣмъ и каждому. Вечеромъ подрался я еще съ нѣсколькими товарищами; они хотѣли на меня жаловаться, но вдругъ явился мнѣ покровитель. Одинъ двадцатилѣтній кадетъ, Хлыстовъ, за меня вступился. «Не трогать его! онъ лихой малый!» сказалъ онъ громкимъ голосомъ, и всѣ отъ меня отлетѣли. Хлыстовъ былъ, что называлось тогда въ Морскомъ Корпусѣ, *сбика:* первый негодяй, тщеславившійся своею лѣностью въ классахъ, грубостью въ обращеніи съ учителями и офицерами, забіячествомъ съ товарищами. Онъ былъ одиннадцать лѣтъ кадетомъ, и все это время сидѣлъ на лѣнивой скамьѣ одного изъ низшихъ классовъ, окруженный своими подражателями. И наружность такого одичалаго кадета была необыкновенная: онъ насаливалъ вгладь свои волосы, носилъ крутой пучекъ; голенищи на сапогахъ были у него не гладкія, а состояли изъ множества мелкихъ складокъ; ходилъ онъ разваливаясь и посвистывая, задѣвалъ и билъ всѣхъ, кто только очутится у него подъ руками. Одно спасеніе было — признать его власть и подражать ему во всемъ: я этимъ воспользовался, и бывъ нѣсколько разъ наказанъ за лѣ-

ность, получилъ мѣсто подлѣ своего наставника и образца. Вся жизнь наша проходила въ выдумкѣ и исполненіи новыхъ шалостей. Воспитатели и учители наши перестали заниматься нами, какъ самыми безнадежными. Между тѣмъ я подросъ, и дикія, грубыя шалости Хлыстова начали мнѣ надоѣдать: я искалъ благороднѣйшихъ средствъ къ тому, чтобъ досаждать моимъ товарищамъ, и вскорѣ нашелъ. Это были такъ называемыя математическія *пѣшки:* выдумать несбыточную теорему, доказать ее фальшивыми формулами, и тѣмъ одурачить товарищей, иногда и учителя. Хлыстовъ сначала косился, видя, что я берусь за книгу и грифель; но когда я растолковалъ ему, для чего я занимаюсь наукою, когда онъ самъ увидѣлъ, что я пристыдилъ нѣсколькихъ изъ первыхъ нашихъ *выскочекъ* (такъ называли мы умныхъ и прилежныхъ кадетъ: это то же, что у взрослыхъ негодяевъ, въ свѣтѣ, называется *безпокойнымъ человѣкомъ*), то позволилъ мнѣ продолжать начатое. Я началъ шалостью, а кончилъ дѣломъ. Изыскивая и придумывая пѣшки, я постигъ силу Математики, и пристрастился къ ней. Учители замѣтили эту перемѣну, и стали одобрять меня. Хлыстовъ началъ догадываться. «Э! братъ, Ветлинъ,» сказалъ онъ однажды: «да это не по уговору: тебя все зовутъ къ доскѣ. Такъ-то ты держишься друзей?» — «Помилуй, Хлыстовъ!» отвѣчалъ я: это все *пѣшки.* Развѣ ты не видѣлъ вчера, какъ я спорилъ съ учителемъ? Наконецъ я поставилъ

на своемъ, а онъ замолчалъ; между тѣмъ все, что я ни говорилъ, сущій вздоръ.» — «Коли такъ, то изволь тѣшиться!» отвѣчалъ Хлыстовъ: «только чуръ не измѣнять. Лишь только съѣдешь съ лѣнивой скамьи, мѣста тебѣ въ корпусѣ не будетъ.» — Надобно было пріискивать новыя средства къ шалостямъ, чтобъ не лишиться покровительства грознаго Хлыстова: онъ иногда оставлялъ въ покоѣ товарищей, которые всегда вели себя благонравно, но отступникамъ, ренегатамъ, не было пощады. Я вздумалъ писать стихи на товарищей и офицеровъ. Первые опыты мои были такъ плохи и безтолковы, что и безграмотный Хлыстовъ не одобрилъ ихъ. Какъ быть! Надобно поучиться. Мой меценатъ позволилъ мнѣ заняться Русскою Словесностью съ тѣмъ условіемъ, чтобъ я написалъ длинную сатиру на весь корпусъ, отъ директора до привратника. Языкоученіе имѣло на меня то же вліяніе, что и Математика: занявшись прилежно въ классѣ Словесности Русской, я забылъ свое обѣщаніе. — «Что жъ сатира?» спрашивалъ Хлыстовъ угрюмо. — «Дай еще поучиться; очень трудно.» — «Вѣстимое дѣло!» отвѣчалъ онъ: «и въ чехарду не съ разу выучишься. Только смотри: напишешь сатиру, и баста. Полно заниматься пустяками.» — Хлыстовъ не дождался моей сатиры. За одну громкую шалость былъ онъ отосланъ изъ Корпуса въ Адмиралтействъ-Коллегію, и разжалованъ въ матросы. Его не стало вдругъ. Рѣшеніе корпуснаго начальства и исполненіе послѣдовали во

время обѣда. Въ двѣнадцать часовъ я съ нимъ разстался при выходѣ изъ класса: его потребовали къ директору. Въ два часа мы воротились въ классы. Мѣсто Хлыстова было не занято, и чрезъ нѣсколько минутъ разнесся слухъ, что его уже увезли. Потеря товарища сильно меня поразила: не то, чтобъ меня испугалъ примѣръ его; мы, негодяи, считали такія наказанія дѣломъ случайнымъ, несчастіемъ, бѣдою, а не справедливымъ возмездіемъ за дурные поступки. Но я лишился въ Хлыстовѣ единственнаго человѣка, съ которымъ дѣлился мыслями и чувствованіями, который любилъ и защищалъ меня. Я плакалъ, горько плакалъ. И за этими горькими слезами послѣдовало не умиленіе, не раскаяніе, а чувство злобы, ненависти и презрѣнія къ людямъ, которые отняли у меня друга. По удаленіи Хлыстова, я сдѣлался старшимъ изъ удальцовъ, но мнѣ уже никто не мѣшалъ учиться. И я кинулся въ занятія, чтобъ заглушить свое безотрадное одиночество. Во многомъ я не могъ догнать товарищей моихъ; только въ Математикѣ и въ русскомъ языкѣ былъ изъ числа первыхъ. Меня пересадили съ лѣнивой скамейки, но я не попалъ въ число благонравныхъ. Успѣхи мои въ классахъ, превосходство мое надъ нѣкоторыми товарищами, униженіе предъ другими — все это болѣе и болѣе ожесточало мое сердце, заставляло ненавидѣть и гнать людей: въ каждомъ изъ нихъ видѣлъ я своего смертельнаго врага и непримиримаго совмѣстника.

По экзамену мнѣ досталось въ гардемарины. Мы отправились въ кампанію на учебномъ фрегатѣ. Товарищи меня не любили. Я мстилъ за эту нелюбовь, и въ то же время возненавидѣлъ жизнь. Сколько разъ, стоя у трапа, смотрѣлъ я на пѣнящіяся волны морскія, и думалъ, не прекратить ли ненавистнаго моего бытія! Капитанъ будетъ за это наказанъ, но нѣтъ! Товарищи будутъ радоваться, что отъ меня освободились. Не дамъ имъ этого удовольствія — буду жить, буду ихъ дразнить и мучить. Три кампаніи кончились. Мнѣ досталось въ офицеры. По наукамъ математическимъ я былъ изъ числа первыхъ, но по нравственности и поведенію отмѣченъ минусомъ. Директоръ грозилъ выпустить меня въ армію, можетъ быть, и унтеръ-офицеромъ. Но вдругъ отдали въ приказѣ, что я, наравнѣ съ другими, флотскій мичманъ. Какъ это сдѣлалось, точно не знаю. Я слышалъ въ послѣдствіи, что моя гонительница, узнавъ о предстоящей мнѣ участи, испугалась того, что скажутъ въ свѣтѣ, и убѣдила начальство не лишать меня чина. Я вышелъ на свободу. Въ Кронштадтѣ свелъ я знакомство и дружбу съ первыми шалунами, выучился играть, пить. Главною страстью моею была игра — въ карты, въ кости, на билліардѣ, только бы играть; главнымъ предметомъ ненависти и презрѣнія всякая порядочная, благородная женщина, всякая честная дѣвица. Я не вѣрилъ ни чести, ни добродѣтели; всякую женщину неразвратнаго поведенія почиталъ лице-

мѣркою и обманщицею, и полагалъ не только позволительнымъ, но даже и должнымъ преслѣдовать и обижать ее всѣми возможными средствами. — Меня отправили въ Ревель, тогдашнее мѣсто ссылки флотскихъ удальцовъ. Я очутился въ своей сферѣ: сдѣлался грозою и ужасомъ мирныхъ биргеровъ, ихъ женъ и дочерей; прославился даже между дерптскими реномистами, прiѣзжавшими въ Ревель на праздники. «Ein gräulicher Kerl!» говорили обо мнѣ кандидаты Философiи.

Не знаю, чѣмъ кончилась бы эта жизнь, — разжалованiемъ, поединкомъ или самоубiйствомъ, если бъ не послѣдовало перемѣны во всемъ существѣ моемъ.—Первымъ къ тому побужденiемъ было морское сраженiе. Я былъ на кораблѣ Рогволодѣ, составлявшемъ часть Балтiйской Эскадры. Намъ пришлось выдержать жестокiй и неровный бой съ Англичанами и со Шведами. Какъ удивился я тутъ поведенiю моихъ задушевныхъ друзей и товарищей! Храбрѣйшiе сопостаты ревельской полицiи, грубые въ обращенiи съ порядочными женщинами, дерзкiе предъ начальниками — поблѣднѣли при первомъ выстрѣлѣ. Откуда взялось человѣколюбiе: всѣ они спѣшили внизъ, на кубрикъ, къ раненымъ, для поданiя помощи. Но тѣ офицеры, которые на берегу вели себя благородно, не проигрывали въ карты послѣдней копѣйки, не утопляли въ пуншѣ последней искры разсудка, были спокойны, неустрашимы, храбры. Артиллерiйскiй лейтенантъ,

надъ которымъ всѣ мы, молодые шалуны, трунили, который смѣшилъ насъ своею медлительною исправностью на службѣ, строгою подчиненностью начальникамъ, вдесятеро его глупѣйшимъ, явился въ сраженіи истиннымъ героемъ. Англичане отрѣзали насъ отъ эскадры; одинъ ихъ корабль билъ насъ съ боку, другой зашелъ впередъ, и очищалъ палубы продольными выстрѣлами. Почти всѣ наши люди были убиты или ранены. Капитанъ былъ въ правѣ, по морскому уставу, спустить флагъ. Онъ подошелъ къ флагштоку, но тутъ стоялъ артиллерійскій лейтенантъ, съ обнаженною въ рукахъ саблею, и грозился изрубить всякаго, кто только слово вымолвитъ о сдачѣ. Я смотрѣлъ на него съ изумленіемъ. Лице его пылало, глаза сверкали огнемъ неестественнымъ, но во всемъ его положеніи, во всѣхъ пріемахъ было какое-то величественное спокойствіе — такими воображалъ я себѣ потомъ христіанскихъ мучениковъ, шедшихъ съ улыбкою и пѣніемъ на вѣрную смерть. Вдругъ одно непріятельское ядро разорвало пополамъ лейтенанта и переломило флагштокъ. Флагъ упалъ самъ собою, и пальба непріятелей въ ту же секунду прекратилась. Рогволодъ сдался. Насъ, офицеровъ, свезли на непріятельскій флагманскій корабль. Имѣя о правѣ войны самыя дикія понятія, я воображалъ, что съ нами будетъ ни вѣсь что. Англійскій адмиралъ принялъ насъ съ величайшею вѣжливостью, посадилъ, угостилъ завтракомъ, увѣрялъ, что никогда

не имѣлъ дѣла съ такими храбрыми людьми, возвратилъ намъ шпаги, и отправилъ насъ къ нашему главнокомандующему съ учтивымъ письмомъ, въ которомъ засвидѣтельствовалъ ему, что мы исполнили долгъ свой, какъ честные моряки. Все это сбило, перемѣшало мои темныя дотолѣ понятія. Мы жестоко дрались съ Англичанами, нанесли имъ много вреда, и они насъ за это уважаютъ. Мы пользуемся славою и честію, а тотъ, которому мы болѣе всего обязаны, расторгнутый на части, тонетъ въ пучинѣ морской. Съ одной стороны великодушіе людей, съ другой непостижимость Провидѣнія. Я началъ сравнивать, размышлять, и наконецъ добился до того, что есть въ мірѣ что-то выше обыкновеннаго, человѣческаго; что я самъ стою гораздо ниже этого обыкновеннаго; что, по всѣмъ законамъ, падшій въ исполненіи долга своего лейтенантъ не умеръ совершенно. И такъ далѣе — до первой шумной бесѣды на берегу. Тутъ прежнія буйныя потѣхи, карты, насмѣшки, кощунства развѣяли эти начатки размышленія, но не совершенно: сѣмя было брошено, и силилось прозябнуть.

Прошло еще нѣсколько времени. Человѣкъ пять флотскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и я, были откомандированы въ Гапсаль. Война съ Шведами и съ Англичанами кончилась. Было тихо и спокойно. Наши больные опять отваживались купаться въ морѣ. Для этого съѣхалось въ Гапсаль нѣсколько семействъ. Однажды, въ шумной

офицерской бесѣдѣ, стали смѣяться надъ дамами, которыя купаются въ открытомъ морѣ, и положено было когда нибудь испугать такую лебединую компанію. Я взялся за исполненіе этой низкой шалости, и въ одно утро, когда отъ берега отвалило нѣсколько шлюпокъ, наполненныхъ купальщицами, изъ-за одного мыска пустился съ своимъ денщикомъ въ лодкѣ вслѣдъ за ними. Я самъ не зналъ, какъ и что сдѣлаю, но твердо положилъ перепугать ихъ на смерть. Переднія шлюпки далеко ушли въ море; я гребъ всею силою, чтобъ догнать ихъ. Одна изъ отставшихъ шлюпокъ поравнялась со мною. Ко мнѣ неслись французскія слова.—Вотъ я васъ посажу на бонжуръ! бормоталъ я про себя. Вдругъ раздался со шлюпки звонкій женскій голосъ: «Куда вы ѣдете, господинъ офицеръ?» Я хотѣлъ было отвѣчать: а вамъ какое дѣло? поднялъ глаза, и не могъ разинуть рта. На краю шлюпки стояла дѣвица лѣтъ четырнадцати, въ бѣломъ платьѣ, въ соломенной шляпкѣ. Лице, глаза, голосъ ея — все смутило меня. — «Куда изволите ѣхать?» спросила она твердымъ голосомъ. — «Рыбу удить!» отвѣчалъ я, едва переводя духъ. — «Такъ сдѣлайте милость, выберите другое мѣсто!» Я не отвѣчалъ ни слова, загребъ весломъ, поворотилъ назадъ, и не смѣлъ поднять глазъ. Невѣдомый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ. Сердце мое стѣснилось. Дыханіе сперлось въ горлѣ. Я работалъ весломъ, какъ будто бы за нами гнались корсеры. Чрезъ нѣсколько ми-

нутъ злой духъ во мнѣ очнулся. «Что ты это, Ветлинъ?» шепталъ мнѣ тайный голосъ: «подлецъ! испугался женщины, дѣвчонки! Назадъ! будь молодцемъ! Ай, Ветлинъ! струсилъ.» Ветлинъ дѣйствительно струсилъ. Во мглѣ черной души моей зажглась какая-то звѣздочка, къ которой невольно обращались мои внутренніе взоры. Я не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что ощущалъ въ это время. Въ глазахъ у меня что-то мелькало; въ ушахъ звенѣло; сердце сильно билось; дыханіе останавливалось; руки дрожали; весло едва мнѣ повиновалось. И все это произошло въ теченіе нѣсколькихъ секундъ; мнѣ же казалось, что съ того времени, какъ въ ушахъ моихъ раздался ея голосъ, какъ взглядъ ея сверкнулъ предо мною, прошло долгое, долгое время. Вдругъ пронзительный женскій крикъ вывелъ меня изъ забвенія. Я оглянулся въ ту сторону, откуда онъ послышался, и увидѣлъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, простую крестьянскую лодку, въ которой сидѣло нѣсколько человѣкъ. Одна молодая Эстонка рвалась броситься изъ лодки въ воду; другія ее удерживали. Я поглядѣлъ на воду, и увидѣлъ тонувшаго ребенка. Тутъ было не глубже аршина. Не зная самъ, что дѣлаю, я выскочилъ изъ челнока, схватилъ ребенка, и подалъ его матери. На меня посыпались эстонскія благословенія. Я не понималъ ихъ, но мысль о добромъ дѣлѣ, о благодѣяніи, оказанномъ мною ближнему, привела меня въ умиленіе. Въ сердцѣ ощутилъ я какую-то пріятную те-

плоту. Душа моя проснулась. Звѣздочка, зажженная въ ней незнакомою дѣвицею, окружилась какимъ-то радужнымъ вѣнцемъ.—«Что жъ, Ветлинъ! ужъ воротился!» закричали мнѣ съ берегу товарищи.—«Мнѣ дурно!» сказалъ я, съ трудомъ выбравшись изъ лодки, и бросившись на траву. Они мнѣ повѣрили: съ меня лилъ холодный потъ, лице горѣло, лихорадка била меня жестоко. Платье мое было мокро. Я разсказалъ имъ приключенiе съ крестьянскимъ ребенкомъ.— «Такъ этихъ лебедокъ спасъ ихъ ангелъ-хранитель!» сказалъ одинъ изъ моихъ товарищей. — «Точно ангелъ!» подумалъ я. Я переодѣлся, напился теплаго; наружная болѣзнь моя тѣмъ и кончилась. Но внутреннiй жаръ не простывалъ.

Дѣло наше въ Гапсалѣ было кончено. На другой день, рано утромъ, отправились мы обратно въ Ревель. Невѣдомый дотолѣ, небесный образъ юной красавицы занималъ меня такимъ сверхчувственнымъ образомъ, что я не думалъ спросить, кто она такова. Но она должна быть Русская, думалъ я: Эстляндки не говорятъ по-русски — и такъ чисто, такъ рѣшительно. — По возвращенiи въ Ревель, я почувствовалъ во всемъ своемъ составѣ непостижимую для меня перемѣну. Шумныя бесѣды, пиршества, все это мнѣ надоѣдало, и я не могъ понять, какимъ образомъ когда нибудь находилъ въ нихъ удовольствiе. Всѣ предметы являлись мнѣ въ новомъ свѣтѣ, какъ будто покрытые лоскомъ, котораго я дотолѣ не замѣчалъ. Всего страннѣе для меня

было то, что я началъ смотрѣть на женщинъ со вниманіемъ, участіемъ, уваженіемъ. Что бы это было такое? думалъ я, припоминая съ досадою и стыдомъ исторію всей своей жизни: гдѣ я былъ донынѣ? что чувствовалъ, что мыслилъ, что дѣлалъ? — При этой перемѣнѣ моего существа, я еще болѣе отдѣлился отъ людей. Порядочные, степенные люди бѣгали меня, какъ шалуна и негодяя; прежніе товарищи бросили, какъ труса и предателя. Въ одномъ, признаюсь, я не могъ перемѣнить прежнихъ своихъ привычекъ — въ картахъ. Прежде я игралъ изъ шалости, такъ, по примѣру другихъ: теперь пристрастился къ игрѣ съ какимъ-то ребяческимъ суевѣріемъ, замѣтивъ, что дама рѣдко мнѣ измѣняла, и почти никогда, если поставлена была червонная. Когда же, случалось, убьютъ и эту, я пріискивалъ въ умѣ своемъ какую нибудь вину, и увѣрялъ себя, что за это именно наказанъ дамою. Между тѣмъ я не зналъ самъ, что со мною происходитъ. Но однажды какъ-то вздумалъ я читать: это было въ караулѣ. Смѣненный мною офицеръ оставилъ на гауптвахтѣ какой-то засаленный употребленіемъ романъ. Не помню ни содержанія его, ни титула; знаю только, что въ немъ молодой человѣкъ описывалъ рожденіе и усиленіе своей любви. Да это я! это любовь! воскликнулъ я невольно, и продолжалъ чтеніе съ жадностью. Романъ этотъ скоро былъ прочтенъ. Я за другой, и тамъ то же; за третій — еще то же. Такъ вотъ любовь? думалъ я про себя: а я, несчаст-

ный, называлъ любовью..... Вскорѣ прочиталъ я всѣ романы, какіе только были на эскадрѣ и въ портѣ; но жажда къ чтенію возрастала во мнѣ по мѣрѣ мнимаго утоленія. Однажды жаловался я одному изъ моихъ товарищей, человѣку образованному и знающему, на недостатокъ книгъ. —«Русскихъ конечно мало;» возразилъ онъ: «но кто мѣшаетъ вамъ читать французскія, нѣмецкія?»—Кто? подумалъ я. Ненавистный Хлыстовъ! Онъ пустилъ меня на весь вѣкъ глупцемъ и невѣждою. Но мнѣ двадцать третій годъ отъ роду. Неужели прошло время учиться? А какъ приступить къ этому? Гдѣ найти учителя? Кому признаться въ моемъ постыдномъ невѣжествѣ, и еще въ постыднѣйшемъ (въ глазахъ нѣкоторыхъ людей) желаніи учиться. Наконецъ я рѣшился пойти къ директору гимназіи, и просилъ его рекомендовать мнѣ хорошаго учителя нѣмецкаго и французскаго языка, для племянника моего, гардемарина. Онъ обѣщалъ исполнить мое требованіе. На другой день явился ко мнѣ почтенный старичекъ въ напудренномъ парикѣ, въ кафтанѣ стариннаго покроя, и учтиво объявилъ, что онъ по фамиліи Дюмонъ, націей Алзатецъ, и рекомендованъ мнѣ директоромъ гимназіи для моего племянника. Я не зналъ, какъ объяснить ему, что не племянникъ, а самъ дядя имѣетъ надобность въ его урокахъ: языка французскаго или нѣмецкаго у меня бы стало, но признаніе было жестоко. И въ эту минуту вдругъ явились ко мнѣ два прежніе пріятеля,

выгнанные изъ службы уланы: пришли поквитаться. Я былъ въ чрезвычайномъ смущеніи. Предъ ученымъ стыдился общества игроковъ; предъ игроками краснѣлъ за ученаго. Старичекъ догадался, и сказавъ: «вамъ теперь недосугъ: вотъ мой адресъ!» вышелъ изъ комнаты. У меня отлегло на сердцѣ, когда одинъ изъ негодяевъ сказалъ мнѣ: «Такъ вотъ у кого ты занимаешь деньги! О, Французы молодцы на аферы! Нельзя ли и насъ порекомендовать ему на случай нужды? Такія знакомства въ свѣтѣ не лишнія!» — Я отвѣчалъ шуткою, и мы сѣли за зеленый столъ. — Я чувствовалъ все ничтожество, всю низость прежнихъ моихъ связей; видѣлъ, что онѣ не поведутъ меня къ доброму; но не имѣлъ духу вовсе отъ нихъ отказаться. Безпрерывное, продолжительное обращеніе съ развратными и порочными людьми раждаетъ вокругъ человѣка какую-то душную, тяжелую атмосферу. Задыхаешься въ ней, а выйти на свободу нѣтъ силъ. На другой день отправился я къ Дюмону. Онъ жилъ на Домѣ, или въ такъ называемомъ Вышгородѣ, въ одномъ изъ домовъ, которые, какъ птичьи гнѣзда, прилѣплены къ горѣ. Я позвонилъ у дверей: вышла чистенькая старушка, Эстонка, объявила мнѣ, ломанымъ русскимъ языкомъ, что хозяинъ ея скоро воротится, и просила подождать. Я вошелъ въ его комнату, не большую, въ два окна, но чистую и уютную. Надъ софою висѣли портреты Лудовика XVI и Маріи Антоніи. На окнѣ стояли горшки съ пышными розами, висѣла ка-

нарейка. Въ углу серебряное распятіе. Въ шкапу около ста книгъ латинскихъ и французскихъ, въ старинномъ переплетѣ. Я подошелъ къ открытому окну. Видъ простирался подъ гору, на море, тихое и гладкое, какъ зеркало. Чрезъ четверть часа старичекъ воротился домой, и ласково меня привѣтствовалъ. Я далъ ему знать, что я самъ тотъ молодой человѣкъ, котораго онъ долженъ образовать. Это его отнюдь не изумило. Мы тотчасъ принялись за дѣло. Сначала было мнѣ неловко и трудновато слушаться его наставленій, нѣсколько разъ повторять за нимъ слова и фразы, писать подъ диктовкою и т. д.; но мало по малу я къ тому привыкъ, и сталъ находить въ этихъ урокахъ неизвѣстное мнѣ дотолѣ удовольствіе. Не однимъ языкамъ учился я у почтеннаго старца: его жизнь, его образъ мыслей, его правила, все дѣйствовало на меня благотворно. Я никогда не видалъ его угрюмымъ, нетерпѣливымъ. Приходя поутру часовъ въ шесть, заставалъ я его занимающагося своими книгами, цвѣтами, птичкою. Завтракъ, обѣдъ его были умѣренные. Учтивость въ обращеніи, даже съ служанкою, удивительная. Онъ называлъ ее не иначе, какъ вы и madame Marguerite. Иногда случалось, что я приходилъ къ нему изъ бесѣды моихъ прежнихъ товарищей — какая разница! Мнѣ чудилось, что я изъ смрадной пещеры, сѣрными парами напитанной, выступалъ на свѣжій воздухъ. Мы съ нимъ знакомились короче и короче. Я остерегался выказывать предъ нимъ мои

прежнія мысли и правила; удерживался отъ порывовъ неукротимаго дотолѣ нрава, но не всегда успѣвалъ въ этомъ. Умный старикъ вскорѣ проникъ меня насквозь, узналъ мои наклонности, мой образъ мыслей, мою ненависть къ людямъ, злорадство и мстительность. Другой сталъ бы меня чуждаться, презирать, ненавидѣть. Дюмонъ этого не сдѣлалъ! Кроткою бесѣдою, родительскими наставленіями онъ смягчалъ нравъ мой, исторгалъ плевелы, насажденныя дурнымъ примѣромъ и сообществомъ, и посѣвалъ въ сердцѣ сѣмена добра, благородства, человѣколюбія, великодушія. Я узналъ жизнь его. Въ пылу революціи, въ царствованіе ужаса, все его семейство истреблено было страсбургскимъ Робеспьерромъ, разстригою Эвлогіемъ Шнейдеромъ; самъ онъ насильно исторгнутъ былъ изъ челюстей смерти — другомъ юности своей. И этотъ другъ былъ Русскій, сотоварищъ его въ Страсбургскомъ Университетѣ. Дюмонъ пріѣхалъ съ нимъ въ Россію, занялъ мѣсто учителя въ домѣ одного эстляндскаго помѣщика, воспиталъ тамъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, все семейство, и получивъ въ награду небольшой капиталъ, поселился навсегда въ Ревелѣ. Онъ продолжалъ заниматься преподаваніемъ французскаго языка, но жилъ совершенно какъ отшельникъ. Только двѣ мысли наполняли его душу, могли привести его въ восторгъ и въ изступленіе: первая — что во Франціи кончится владычество революціи и Бонапарта, и законная династія взойдетъ на престолъ.

И этими надеждами питался онъ въ то время, когда Наполеонъ былъ на верхней точкѣ своей славы и могущества. Тогда начиналась война его съ Россіею. «Видите ли?» говорилъ Дюмонъ: «это первый шагъ къ его паденію!» — Вторая мысль была о другѣ-спасителѣ. Этотъ другъ жилъ въ Петербургѣ, и изрѣдка навѣщалъ товарища своей юности. — Дюмонъ ждалъ его пріѣзда, какъ дѣти свѣтлаго праздника. «Вы увидите его,» говорилъ онъ мнѣ со слезами умиленія: «увидите моего Michel Iwan Petroff! Вотъ человѣкъ! Можетъ быть, есть въ свѣтѣ другіе такіе же люди, но я ихъ не знаю.»

Въ одно утро, явясь къ моему наставнику для занятій, я нашелъ его въ необыкновенномъ движеніи. Въ глазахъ его блисталъ восторгъ. «Тише! тише!» сказалъ онъ мнѣ, когда я вошелъ въ комнату: «онъ спитъ; онъ усталъ съ дороги; не разбудить бы его.» — «Кто спитъ?» спросилъ я. — «Кто!» возразилъ онъ съ нетерпѣніемъ: «мой другъ, Michel Iwan! Онъ пріѣхалъ вчера, и теперь еще отдыхаетъ.» — Мы тихохонько сѣли за работу. Куда дѣвались стараніе, внимательность, педантство моего учителя! Онъ все дѣлалъ наобумъ; послышится ли малѣйшій шорохъ, вскакивалъ и прислушивался, не всталъ ли другъ его. Я не хотѣлъ мѣшать имъ моимъ присутствіемъ, и лишь только прошелъ часъ урока, поспѣшилъ его оставить, обѣщая навѣстить въ тотъ же день. Я сдержалъ слово: пришелъ къ нему послѣ обѣда, и насладился зрѣлищемъ, о

какомъ дотолѣ не имѣлъ понятія. Оба старика сидѣли за столикомъ одинъ насупротивъ другаго, смотрѣли въ лице другъ другу, и плакали. Михайло Ивановичъ Петровъ былъ человѣкъ стариннаго покроя, но умный, образованный, вѣжливый. Между тѣмъ бесѣда этихъ умныхъ людей была вовсе не поучительна для третьяго: они вели себя какъ влюбленные, которые никогда умны не бываютъ. — «Что это такое?» думалъ я, уходя отъ Дюмона: «какая тайная, непостижимая связь соединяетъ эти души? Благодарность — она со стороны Дюмона. А Петровъ что въ немъ нашелъ?» Это дружба! прошепталъ мнѣ неизвѣстный голосъ: дружба, любовь старцевъ, любовь, искушенная временемъ и пространствомъ. Слава, знатность, богатство, наслажденія міра, все исчезаетъ передъ нею. — Петровъ провелъ въ Ревелѣ недѣлю, въ продолженіе которой я не могъ ни разу заняться уроками. Онъ уѣхалъ, и еще недѣля прошла у Дюмона въ тоскѣ по единственномъ другѣ. — Эти явленія добродѣтели, безкорыстія, истинной дружбы, дѣйствовали на черствую, дикую душу мою, но не проникали ея насквозь. Для этого нужна была сила сверхъестественная. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ гнусность порочной жизни, и рачительно занялся дѣломъ, я началъ еще болѣе чуждаться прежнихъ своихъ забавъ, и избѣгать прежнихъ обществъ. Кто узналъ бы меня нынѣ, тотъ почелъ бы человѣкомъ порядочнымъ, благороднымъ, но гнусная репутація была сдѣлана, и въ душѣ

все еще таилась искра зла, готовая вспыхнуть при первомъ случаѣ. —Наступили 1812 и 1813 годы. Многіе товарищи мои были откомандированы, кто въ Ригу, кто далѣе, въ Пиллаву, Данцигъ. Я оставался неупотребленнымъ; мнѣ давали тягостныя, скучныя, сопряженныя съ большою отвѣтственностію коммиссіи на берегу. Я не смѣлъ жаловаться, не смѣлъ просить и ждать лучшаго.

— — Наступила рѣшительная минута моей жизни. Это было зимою, въ какой-то большой праздникъ. Назначенъ былъ большой балъ у тогдашняго военнаго губернатора, Принца Ольденбургскаго. Мы, офицеры, явились туда по наряду. — Какъ пріятно мнѣ было понимать все, что вокругъ меня говорили! Мнѣ казалось, что я переродился, что перенесенъ въ другой міръ; но люди, въ отношеніи ко мнѣ, не перемѣнялись. Мужчины отъ привѣтствій моихъ отдѣлывались сухими поклонами. Молодыя дамы и дѣвицы убѣгали моего взгляда. Матушки и тетушки ихъ слѣдили меня, какъ дикаго звѣря. Многія, не догадываясь, что я теперь ихъ понимаю, называли меня въ полголоса шалуномъ, повѣсою, негодяемъ. Удовольствіе, которое я ощутилъ въ началѣ, вскорѣ исчезло: ненависть къ людямъ, жажда мщенія вспыхнули въ моемъ сердцѣ, и я искалъ только случая придраться къ кому нибудь изъ гостей, чтобъ надѣлать непріятностей моимъ вѣчнымъ злодѣямъ. Случай этотъ не замедлилъ представиться. Одинъ бѣлобрысый де-

ревенскій недоросль вздумалъ смѣяться надо мною, разговаривая съ своими затянутыми кузинами. Онѣ, вѣроятно, спросили, не знаетъ ли онъ меня, а онъ, въ двухъ шагахъ отъ меня, выпучивъ свои сѣрые, стеклянные глаза мнѣ въ лице, отвѣчалъ имъ: «Es ist ein gemeiner Matrose; ein wahrer Zwiebel-Russe.» — Я закипѣлъ, двинулся было къ нему, но въ это самое время кто-то сильно схватилъ меня за руку выше локтя. Это былъ мой капитанъ Магермановъ, дѣтина сильный и рѣшительный. Онъ слышалъ сужденія обо мнѣ, замѣтилъ мое движеніе, и удержалъ меня отъ глупости. — «Кто изъ нашихъ сегодня въ караулѣ?» спросилъ онъ, будто невзначай. Я сталъ припоминать, вспомнилъ, отвѣчалъ. «А, этотъ!» сказалъ онъ: «я было вовсе забылъ.» Съ сими словами онъ выпустилъ мою руку. Я глядь въ прежнюю сторону, а мой недоросль уже исчезъ. Отъ капитана не скрылось и это движеніе. Онъ взялъ меня за руку, и пошелъ прогуливаться по залѣ, разговаривая чрезвычайно ласково и дружелюбно о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ. — Я видѣлъ моего враженка, порхающаго между разноцвѣтными танцовщицами, и не могъ до него добраться. Адское мученіе! Часа чрезъ полтора Магермановъ меня выпустилъ, видно, надѣясь, что мой жаръ простылъ. Я кинулся искать моего сопостата, и нашелъ его въ одномъ кадрилѣ. Забывъ, гдѣ я и что дѣлаю, я занесъ уже руку, чтобъ схватить его за воротникъ, какъ мимо меня мелькнуло что-то знако-

мое — и страшное и пріятное, и ужасное, и восхитительное. Я остановился въ недоумѣніи. Вотъ опять летитъ! Это она! Это Гапсальская незнакомка! Она танцуетъ въ томъ же кадрилѣ съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ. — — — Дерзкій недоросль, Магермановъ, балъ, люди, свѣчи, говоръ гостей, звукъ музыки — предметы и слуха и зрѣнія — все это смѣшалось въ головѣ моей, все завертѣлось въ хаосѣ, точно такъ, какъ въ то мгновеніе, когда я, упавъ въ дѣтскихъ лѣтахъ съ фрегата въ воду, почувствовалъ общее сотрясеніе во всемъ моемъ составѣ. Не знаю, какъ я очутился въ холодныхъ сѣняхъ; съ меня лилъ потъ; мнѣ было то жарко, то холодно. Подлѣ меня стоялъ одинъ товарищъ, и теръ мнѣ льдомъ виски. Я узналъ отъ него, что со мною сдѣлался обморокъ въ танцовальной залѣ. Онъ стоялъ въ толпѣ зрителей недалеко отъ меня; увидѣвъ, что я поблѣднѣлъ и зашатался, онъ подбѣжалъ ко мнѣ, и вывелъ меня въ сѣни. «Ступай домой и лягъ!» говорилъ онъ. — «Нѣтъ!» отвѣчалъ я: «Это — такъ — ничего — это пройдетъ! Пусти меня назадъ въ залу — ради Бога, пусти!» — «Какъ хочешь!» отвѣчалъ товарищъ: «но если не побережешься, съ тобою худо будетъ.» — Я воротился въ залу. Прежній танецъ прекратился. Новый еще не начинался. Въ толпѣ, въ шумѣ, никто и не примѣтилъ моего припадка. Мой недоросль порхалъ предо мною, но мнѣ было ужъ не до него. Я пошелъ искать ея. — Вотъ она! вотъ! Въ розовомъ платьѣ, съ бѣлыми на голо-

въ цвѣтами; на шеѣ нитка жемчугу, сомкнутая богатымъ брилліантовымъ фермуаромъ. Она разговариваетъ съ другою дѣвицею. Разглядѣвъ, повоенному, позицію, я отыскалъ себѣ мѣстечко позади собесѣдницъ, между колоннами и стѣною, принесъ стулъ, сѣлъ къ нимъ какъ можно ближе, и притаилъ дыханіе. Онѣ говорили по-французски — я мысленно благословилъ Дюмона. Собесѣдница ея говорила эстляндскимъ нарѣчіемъ; она же выражалась по-французски твердо, чисто, съ небольшою примѣсью русскаго акцента. Могъ ли я вообразить, чтó будетъ предметовъ ихъ разговора! — «Какъ вы могли рѣшиться пойти танцовать съ офицеромъ?» спросила Эстляндка. — А почему же нѣтъ?» возразила она: «И вы танцовали съ военнымъ же.» — «Это дѣло другое,» говоритъ прежняя: «это кирасиръ, кузенъ и женихъ моей подруги, Мальхенъ Биркезъ. А вашъ танцоръ Русскій, флотскій офицеръ! Это ужасные люди. Можетъ быть, они хороши, когда должно драться со Шведами и съ Французами, но въ обществѣ съ ними быть нельзя. — «Извините,» отвѣчала *она* рѣшительно: «во-первыхъ они Русскіе, слѣдственно мои земляки, и ужъ по этому ближе всѣхъ другихъ къ моему сердцу. Во-вторыхъ, вы, не зная ни нравовъ русскихъ, ни языка, крайне ошибаетесь въ своихъ сужденіяхъ о нашихъ офицерахъ. Они привыкли въ Петербургѣ къ обращенію, которое здѣсь кажется вольнымъ. Притомъ же вы окружены одними родственниками, и приближе-

ніе всякаго чужаго человѣка кажется вамъ дерзостью.» — «Какъ же вы горячо вступаетесь за своихъ земляковъ!» сказала, смѣясь, Эстляндка. — «Это долгъ мой,» отвѣчала она: «вы не знаете Русскихъ, судите о нихъ по предубѣжденію.» — «Ни мало!» продолжала первая: «я только повторяю то, что каждому извѣстно, и долгомъ почитаю предупредить васъ. Здѣсь особенно одинъ молодой офицеръ отличается всѣми возможными шалостями и самымъ дерзкимъ поведеніемъ. Отъ него никому житья нѣтъ; онъ ни своимъ, ни чужимъ проходу не даетъ. Ограбить въ картахъ товарища, нагрубить почтенному старику, приколотить мирнаго гражданина, обмануть купца, оскорбить женщину — для него забава и невинное препровожденіе времени. Онъ нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ подъ арестомъ на флотѣ, и Ревель былъ спокоенъ, а сегодня, къ общему ужасу, появился здѣсь. Только, говорятъ, его ужъ вывели; видно успѣлъ напроказничать. Вотъ, каковы эти господа Русскіе!» — «Вы хотѣли сказать,» прервала она: — «вотъ каковъ этотъ офицеръ. Одинъ человѣкъ въ сотняхъ составляетъ исключеніе, а не правило. И вы сами говорите, что въ его отсутствіе Ревель былъ спокоенъ: слѣдственно всѣ прочіе ведутъ себя тихо и благородно. Если бъ я слѣдовала вашимъ правиламъ, то могла бы такъ же справедливо сказать: всѣ русскіе флотскіе офицеры герои благородства и великодушія, потому, что я была свидѣтельницею подвига самоотверженія одного изъ

нихъ. Въ Гапсалѣ одинъ морской офицеръ, въ моихъ глазахъ, кинулся въ море для спасенія крестьянскаго ребенка.» — Что я почувствовалъ въ эту минуту! Она, она меня помнитъ, уважаетъ, хвалитъ! Слезы, дотолѣ неизвѣстная отрада, полились по моему лицу. Нашлась въ свѣтѣ одна душа, въ которой данъ пріютъ мысли, чувству обо мнѣ! Я не одинъ въ мірѣ! Я жилъ не даромъ! — Образумившись чрезъ нѣсколько времени, я устремилъ глаза на то мѣсто, гдѣ онѣ сидѣли; но ихъ ужъ не было. Я всталъ и рѣшился отыскать ее. Долго ходилъ я безъ успѣха между густыми толпами. Вдругъ стѣснили меня въ одной двери; я не могъ ни отступить, ни податься впередъ, и въ двухъ шагахъ отъ меня очутились собесѣдницы: «Вотъ онъ!» сказали онѣ другъ другу въ одно мгновеніе, взглянувъ на меня. — Она посмотрѣла на меня, покраснѣла, потомъ вдругъ поблѣднѣла — и обѣ онѣ исчезли въ толпѣ. — — Я уже не видалъ ея во весь вечеръ.

Этотъ балъ составилъ въ жизни моей рѣзкую черту, которою прежняя жизнь моя рѣшительно отдѣлилась отъ настоящей. Не знаю, сталъ ли я лучше или хуже, но только я сталъ не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. И свѣтъ дневной, и сумракъ ночи, и пылъ огня, и волненіе моря, и ревъ бури, и пѣніе раннихъ птицъ — все перемѣнилось въ моихъ чувствахъ. Я началъ во всемъ находить радость, утѣшеніе, предметъ къ размышленію, поводъ къ умиленію душевному и къ

тоскѣ сердца. Дюмонъ не узнавалъ меня. Теперь я на лету схватывалъ то, что прежде вбивалъ въ зачерствѣлую память свою насильно. — —

Кто же была *она?* Трудно было узнать это, но невозможнаго нѣтъ для влюбленныхъ: это состояніе лунатика, который въ глубокомъ снѣ порхаетъ, какъ ласточка, тамъ, гдѣ бодрствующій на каждомъ шагу можетъ сто разъ сломить себѣ шею. Я узналъ, что она круглая сирота, воспитанница одной графини, которая любитъ ее, какъ дочь родную: узналъ, что ее зовутъ Надеждою Андреевною; что она умна, образована, имѣетъ доброе сердце и твердый характеръ — зналъ я и прежде. Разумѣется, что я искалъ ея вездѣ, и раза два успѣлъ видѣть ее мелькомъ. Однажды завидѣлъ я ее въ театрѣ. Она сидѣла въ ложѣ нижняго яруса, съ двумя молоденькими дамами и однимъ пожилымъ барономъ. Я былъ въ креслахъ, и, забывъ, что происходитъ на сценѣ и вокругъ меня, не сводилъ глазъ съ прелестнаго существа: она и для невлюбленнаго истинная красавица. Она, казалось, меня не примѣчала. Спектакль кончился; я вышелъ въ сѣни, и глядѣлъ на нее издали, пока она, съ подругами своими, дожидалась кареты. Только здѣсь она меня замѣтила, и на лицѣ ея проглянуло выраженіе тоски и досады, насильно подавляемое принужденною улыбкою равнодушія. — Я увидѣлъ, что взглядъ на меня возбуждаетъ въ ней чувство непріятное — я, въ глазахъ ея, злодѣй и извергъ человѣчества! Она скрылась у меня изъ

виду, какъ въ глазахъ утопающаго исчезаетъ рука, простертая для поданія ему помощи и спасенія.

Я впалъ въ безотрадное уныніе. Дюмонъ замѣтилъ мои страданія, и съ отеческою заботливостью сталъ допытываться о причинѣ. Я не рѣшался ему открыться, и говорилъ, что мысль о судьбѣ моей, о горькомъ одиночествѣ, причина моей печали. Старикъ представился, что повѣрилъ мнѣ, или, можетъ быть, повѣрилъ и въ самомъ дѣлѣ. Только въ одно утро я засталъ и его задумчивымъ, печальнымъ, угрюмымъ. На вопросъ мой, что съ нимъ сдѣлалось, онъ отвѣчалъ, что одна изъ прежнихъ его ученицъ, любимица его, утромъ уѣхала изъ Ревеля. «У меня было ихъ много,» говорилъ онъ: «и нѣкоторыхъ я никогда не забуду, но эта мнѣ дороже всѣхъ.» — «А кто она?» спросилъ я разсѣянно. — «Воспитанница Графини Лезгиновой, mademoiselle Nadèje, сущій ангелъ!» отвѣчалъ онъ съ чувствомъ, какое только могло вырваться изъ семидесятилѣтней груди. — «Вы знаете Надежду?» спросилъ я, какъ громомъ пораженный. — «Знаю ли? восемь лѣтъ сряду, по четыре раза въ недѣлю, училъ ее, и только за годъ предъ симъ пересталъ, когда онѣ поѣхали въ Гапсаль. Воротясь сюда, она хотѣла вновь приняться за уроки, въ которыхъ, признаюсь, болѣе не имѣла надобности, но не могла за недосугами; только сообщила мнѣ два, три свои сочиненія.» — Онъ продолжалъ говорить о ней: разсказывалъ о ея умѣ, образованности, о ея добродушіи, кротости, люб-

*

ви къ добру.... Я слушалъ въ оцѣпенѣніи: мнѣ казалось, что голосъ старика доходилъ до меня изъ-за тридевяти земель. Онъ зналъ ее, и мнѣ это было неизвѣстно! — — Дюмонъ умолкъ отъ усталости, а не отъ истощенія предмета. — «А кто она такова? Какъ зовутъ ее по прозвищу!» спросилъ я, задыхаясь. — «Я сказалъ вамъ: она пріемышъ графини. Зовутъ ее Nadèje; по-русски прибавляютъ André. А о фамиліи ея, ma foi, я не заботился. Je sais seulement qu'il y a du Berry là-dedans, (знаю только, что она похожа на Берри), и по этому, я думаю, она еще болѣе мнѣ нравилась.» — Я проклиналъ Французское легкомысліе, которое заткало и прекрасную душу Дюмона, какъ паутина драгоцѣнную картину.

Съ тѣхъ поръ этотъ добрый старикъ сталъ мнѣ еще дороже, еще милѣе. Мнѣ казалось, что я въ него влюбился. Я воображалъ, что онъ разъ сто говорилъ съ нею, что она его слушала, глядѣла ему въ лице, здоровалась съ нимъ, прощалась, благодарила его.... Когда только представлялась возможность, я обращалъ разговоръ на Надежду. Старикъ думалъ, что я хочу угодить ему, заводя рѣчь о его любимицѣ, и не умолкалъ. Однажды, превознося похвалами ея слогъ, онъ вспомнилъ, что у него осталась тетрадка ея упражненій во французскомъ языкѣ, и отыскалъ ее въ своемъ коммодѣ посреди тысячи истертыхъ, измятыхъ, полинявшихъ бумагъ. Я смотрѣлъ на эту тетрадку, какъ на святыню: она была сшита изъ простой бумаги, но съ какимъ-то

изяществомъ. На оберткѣ надпись: Compositions. 1811-1814. Nadèje Beriloff. Почеркъ ровный, пріятный и не педантскій. Дюмонъ началъ съ восторгомъ читать изліянія души своей питомицы, прибавляя послѣ каждаго преріода: «Какія чувствованія! какія мысли! какой слогъ! Это Севинье!»

Вотъ первое изъ этихъ сочиненій.

Сирота.

«Знаете ли вы, что есть сирота? Это цвѣтокъ, сорванный порывомъ бурнаго вѣтра съ роднаго стебля, и рукою состраданія погруженный въ воду, для продолженія его жизни нѣсколькими часами. Онъ питается чистою водою, красуется въ драгоцѣнномъ сосудѣ, защищенъ отъ пчелъ и бабочекъ, слышитъ похвалы и изліянія восторга, возбуждаемыя его цвѣтомъ и запахомъ. Но голова его томится, унываетъ, гнется на сторону, склоняется къ сырой землѣ, гдѣ скрыты родныя его вѣтви. И онъ стремится мыслію изъ позлащенныхъ палатъ, изъ драгоцѣннаго сосуда, изъ кристальной воды, — на ту укромную грядку, гдѣ возникъ и развернулся на черной землѣ въ дыханіи весенняго вѣтра, гдѣ кропили его и утренняя роса и дождь небесный, гдѣ спокойно и радостно цвѣли подлѣ него младшіе братья; гдѣ родныя ему, другія дѣти природы, трудолюбивыя пчелы и беззаботные мотылки, съ веселымъ жужжаніемъ порхали вокругъ него на солнцѣ полуденномъ!

«Чувствую всю цѣну милостей моей благо-

дѣтельницы. Я готова отдать ей и за нее жизнь мою; только въ ея присутствіи бываю спокойна и весела; только о ея жизни и здравіи и денно и нощно молю моего Создателя; но невольно, изъ блистательнаго, великолѣпнаго круга, стремлюсь въ бѣдную хижину, гдѣ жили мои родители. Маменька! ты жила, ты слышала мой младенческій лепетъ, ты любила меня! Ты звала меня: Наденька! Умирая, ты думала обо мнѣ и меня благословляла!.... А я не знаю и того, какъ тебя звали! — Отецъ мой, обремененный заботами житейскими и грустію душевною, отдалъ меня на руки великодушной моей благодѣтельницѣ, и самъ чрезъ нѣсколько времени слегъ въ могилу. Я одна, одна въ этомъ пространномъ мірѣ — иду, стремлюсь, не зная, куда. Но я къ нему не привязана; не боюсь ни страданій, ни смерти. Страданія мои не могутъ сравниться съ страданіями матери, покидавшей меня въ этомъ мірѣ, а смерть соединитъ меня съ тѣми, кто дорогъ моему сердцу! Маменька! я тебя узнаю изъ тысячи блаженныхъ тѣней!»

Старикъ плакалъ, читая эти строки. Я былъ въ какомъ-то изступленіи. — «Это была чувствительность!» сказалъ онъ наконецъ: «теперь послушайте философіи. Вотъ другая статья.»

Какъ легко можно ошибиться.

Два случая.

22-го Августа. Мы жили въ Гапсалѣ беззаботно и весело; ѣздили ежедневно гулять по

окрестностямъ города, купались въ морѣ. Maman была спокойна и довольна, и чувствовала облегченіе въ своей жестокой болѣзни. Подъ конецъ курса случилось съ нами странное происшествіе. Мы ѣздили въ море большою компаніею. Вмѣсто гребцовъ, сидѣли въ веслахъ дюжія Эстляндки. Однажды, на такомъ странствіи, вмѣшался въ наше общество незваный гость. Посреди мирной нашей флоттиліи появилась лодочка и въ ней морской офицеръ. Всѣ мы перепугались, и не знали, что дѣлать. Maman была въ крайней досадѣ, и хотѣла вернуться къ берегу. У меня, не знаю откуда, взялась смѣлость. Я встала въ лодкѣ, и когда офицеръ поравнялся съ нами, громко спросила у него, куда онъ ѣдетъ. Рѣшительность моего вопроса изумила молодаго человѣка. Онъ смотрѣлъ на меня, не зная, что отвѣчать. Я повторила вопросъ. Онъ смѣшался, и отвѣчалъ, что ѣдетъ удить рыбу. А мы думали, что онъ ѣхалъ съ умысломъ мѣшать намъ! Я объяснила ему, что его присутствіе намъ непріятно, и онъ, не говоря ни слова, поворотилъ лодку, и отправился назадъ къ берегу.—Это понравилось моей maman. «Видишь, Наденька,» сказала она: «какъ можно ошибиться! Этотъ молодой человѣкъ вѣрно обидѣлся нашимъ безразсуднымъ подозрѣніемъ.» И въ самомъ дѣлѣ, онъ удвоилъ съ своимъ гребцомъ силы, чтобъ скорѣе выйти у насъ изъ виду. Я смотрѣла вслѣдъ за нимъ. Вдругъ вижу: онъ бросается изъ лодки въ море. Я вскрикнула, но не успѣла опомниться, какъ

увидѣла, что онъ вытащилъ изъ воды ребенка, упавшаго съ плывшей за нами лодки, и подалъ его матери. —Великодушный молодой человѣкъ! думала я: прости, прости мнѣ, что я тебя было обвинила. Могъ ли *ты* имѣть намѣреніе пугать и обижать бѣдныхъ женщинъ, когда жизни не пожалѣлъ, чтобъ спасти бѣдное дитя! Какъ легко можно ошибиться! — Мнѣ и то еще было пріятно, что такимъ великодушнымъ подвигомъ отличился мой землякъ, Русскій. Здѣшнія дѣвицы премилыя и прелюбезныя; только на счетъ Русскихъ и Россіи имѣютъ самыя странныя и превратныя понятія. Онѣ не вѣрятъ, чтобъ въ Россіи знали благородство, великодушіе, нѣжность чувствованій. Видите ли, говорила я имъ съ гордостію, каковы Русскіе! —Для чего я сирота? думала я: для чего у меня нѣтъ хоть брата. Если бъ у меня былъ такой братъ, какъ бы я была счастлива! какъ бы любила его! Я любила бы его такъ нѣжно, такъ горячо, что онъ и не вздумалъ бы жениться!

«*13-го Декабря.* Зачѣмъ поѣхала я вчера на балъ! Зачѣмъ не послушалась maman, когда она, разсказавъ мнѣ страшный сонъ, совѣтовала остаться дома! Ей снилось, что я ласкаю собачку; вдругъ эта собачка превратилась въ змѣю, и кинулась на меня, высунувъ ядовитое жало. Maman въ ужасѣ проснулась, и утверждала, что меня ожидаетъ бѣдствіе, что мнѣ должно оставаться дома. Я шутила надъ ея сномъ, надъ ея предчувствіемъ; увѣряла, что если быть со мною

бѣдѣ неминуемой, то она постигнетъ меня дома, точно такъ, какъ и на балѣ. Она развеселилась, стала смѣяться надъ грѣзами своими, и отпустила меня. — Сначала было мнѣ очень весело: на балѣ было много хорошихъ, учтивыхъ танцоровъ. Я не пропускала ни одного танца, и охотнѣе всего шла танцовать съ флотскими офицерами. Послѣ одного продолжительнаго кадриля, сѣла я отдохнуть съ болтливою Баронессою Юліею. Она стала выговаривать мнѣ за предпочтеніе моихъ земляковъ, а болѣе флотскихъ, и на возраженія мои описала ихъ самыми черными красками; особенно же на одного изъ нихъ излила она всю свою злость: называла его извергомъ, чудовищемъ, злодѣемъ. Желая остеречься отъ этого ужаснаго человѣка, я просила показать мнѣ его. Мы пошли съ нею по заламъ. Вдругъ встрѣтился мнѣ *онъ*, тотъ офицеръ, который спасъ ребенка, и въ ту же минуту баронесса объявила мнѣ; что это тотъ самый злодѣй, котораго она мнѣ описала. Я была поражена этою вѣстью, какъ молніею. Офицеръ исчезъ изъ глазъ моихъ, а баронесса, въ пылу своего усерднаго злословія, не замѣтила моего замѣшательства, не слыхала даже, что и я, въ одно время съ нею, воскликнула: это онъ! — У меня страшно разболѣлась голова. Съ трудомъ осталась я до окончанія бала. Этотъ волшебный дворецъ удовольствій превратился въ глазахъ моихъ въ адскій вертепъ: мнѣ казалось, что вокругъ меня кружатся фуріи и сатанинскимъ хохотомъ смѣются

надъ моимъ легковѣріемъ. Я лишилась брата. Исчезла прекрасная мечта, лелѣявшая мою душу! И подвигъ человѣколюбія былъ минутнымъ порывомъ, а не слѣдствіемъ благородныхъ чувствованій и помысловъ; можетъ быть, и тщеславіе заставило его броситься на явную опасность: мы могли видѣть его доброе дѣло. Но онъ на насъ и не оглянулся. Нѣтъ! не тщеславіе! Что жъ такое?—Ахъ, какъ счастлива я была вчера!— Теперь я вновь осиротѣла.—Я лишилась друга, потеряла и сладостнѣйшее чувство — вѣры въ добродѣтель человѣка.—Осталось холодное замѣчаніе эгоисма: *какъ легко можно ошибиться!*»

—«Это, конечно, вымыселъ!» сказалъ Дюмонъ, кончивъ чтеніе: «но — какія чувства, мысли, изложеніе! Nadèje! Nadèje! У меня не было и не будетъ такой ученицы!»

Что я въ это время чувствовалъ, не помню, не знаю, не постигаю. Я вышелъ отъ Дюмона, прибрелъ домой, и съ горькимъ плачемъ бросился на диванъ. Слезы облегчили тягость, лежавшую на моемъ сердцѣ, но не умилили его. Злые духи, отравившіе мое младенчество, юность мою, представились моему воображенію во всей своей гнусности. Волшебница и Хлыстовъ, въ этихъ страшныхъ мечтаніяхъ, зіяли на меня гнусными своими личинами. «Исчадія ада и грѣха!» вопилъ я въ отчаяніи: «чѣмъ вы заплатите за погубленіе моей души, моего счастія!»

Я былъ уже не тотъ, что прежде. Не говорю

о дѣлахъ мрака: и самыя помышленія о нихъ, и самыя легкія искушенія меня оставили. — Но — въ то время, когда я ни дѣломъ, ни словомъ, ни мыслію не заслуживалъ вниманія, пощады, даже забвенія людей — я жилъ беззаботно, что говорится, счастливо: теперь я чувствовалъ, что желаніемъ, усердіемъ, волею достоинъ быть менѣе несчастливымъ, и всѣ бѣдствія разразились надъ моею головою. Таковъ порокъ: онъ подобенъ бурной кометѣ, влекущей за собою длинный хвостъ, вину гибели и разрушенія въ мірахъ свѣтлыхъ и покойныхъ....

Отчаяніе грозило овладѣть моею душею, и я дѣйствительно не знаю, что сталось бы со мною, если бъ внѣшнія, независящія отъ меня обстоятельства не развлекли моего унынія дѣятельностію. Меня отправили, еще по зимнему пути, въ Свеаборгъ. Тамъ наряженъ я былъ въ члены военносудной коммиссіи. Сначала я очень на это досадовалъ, считая недостойнымъ воина и моряка заниматься письменными и судебными дѣлами. Между тѣмъ я принялся за дѣло, и вскорѣ увидѣлъ, что имѣю случай, сдѣлавъ добро несчастнымъ, искупить у грозной судьбы хотя улыбку сожалѣнія. Нѣсколько нижнихъ чиновъ и крестьянъ обвинены были въ провозѣ контрабанды и въ продажѣ казеннаго имущества въ частныя руки. Подсудимые цѣлый годъ томились въ заключеніи; семейства ихъ терпѣли крайность, съ трепетомъ ожидая рѣшенія своей участи. Дѣло было запутанное: улики ка-

зались ясными; напротивъ, безпорочная жизнь подсудимыхъ, рѣшительные отвѣты предъ обвинителями, слѣдователями и судьями, спокойныя ихъ лица и прямые взгляды говорили въ ихъ пользу. Презусомъ коммиссіи былъ старый капитанъ, считавшійся въ этихъ дѣлахъ опытнымъ, потому, что онъ рѣшалъ ихъ скоро, и усердно населялъ Нерчинскіе Рудники. И въ этомъ дѣлѣ хотѣлъ онъ поступить по своей методѣ. Я ему воспротивился, и грозилъ, въ случаѣ малѣйшаго упущенія, донести высшему начальству. Онъ принужденъ былъ согласиться. Я переслѣдовалъ дѣло, и нашелъ, что подсудимые были совершенно невинны; открылъ, что они были жертвами гнуснаго замысла личныхъ враговъ своихъ, надѣявшихся получить награду за открытіе злоупотребленій, которыхъ сами были главнѣйшими виновниками. Я представилъ мое мнѣніе суду. Всѣ члены со мною согласились; только презусъ противился. Наконецъ успѣлъ я побѣдить и его упрямство. Невинныхъ оправдали, освободили; виновныхъ предали заслуженному наказанію. — Я случайно былъ въ караулѣ въ тюремномъ замкѣ, когда подсудимымъ объявили приговоръ и исполнили. Жены, дѣти, отцы, матери — дожидались ихъ у воротъ. Вдругъ заскрипѣли ржавыя петли; человѣкъ шесть блѣдныхъ, изможденныхъ, но съ блистающими радостью и благоговѣніемъ къ Богу глазами — вышли оттуда колеблющимися стопами, и очутились въ объятіяхъ родныхъ и друзей своихъ!

Слезы ихъ смѣшались. Благословенія, русскія и финскія, въ невнятномъ сліяніи звуковъ, поднимались къ небесамъ. Я самъ былъ погруженъ въ неизъяснимо усладительное чувство, вырывавшееся изъ груди звуками: Надежда!

Весною воротился я въ Ревель. Издали примѣтилъ я большое движеніе въ портѣ и на берегу. Получено было извѣстіе о взятіи Парижа и о паденіи Наполеона. Корабли разцвѣчены были флагами. Веселый народъ толпился на улицахъ. Въ церквахъ пѣли благодарственные молебны. Я поспѣшилъ къ Дюмону, чтобъ поздравить его съ этою радостною вѣстью; но какъ я огорчился, узнавъ отъ его прислужницы, что онъ опасно боленъ, уже шесть недѣль не встаетъ съ постели, и ежечасно ждетъ своей кончины! Я вошелъ въ его спальню. Онъ лежалъ въ постелѣ, исхудалый, блѣдный, закрывъ глаза; улыбка играла на его устахъ. Послышавъ шорохъ, онъ открылъ глаза, узналъ меня, съ радостнымъ выраженіемъ подалъ мнѣ руку, и сказалъ: «Другъ мой! Я умираю, но умираю счастливъ и покоенъ. Франція возвращена Европѣ и Христовой Церкви. Потомокъ святаго Лудовика на прародительскомъ престолѣ. Я дожилъ до этой сладостной минуты, которой ждалъ двадцать лѣтъ. Радость возвратила бы мнѣ жизнь, если бъ въ лампадѣ была еще капля елея. —Кланяйтесь Михайлу Ивановичу: вы его увидите; онъ мой наслѣдникъ. Можетъ быть, увидите вы и Надежду. Скажите ей, какъ сладостно я умиралъ. За четверть часа

я было заснулъ. Мнѣ почудилось, что я ужъ умеръ, что Надежда ввела меня въ садъ, похожій на версальскій, что тамъ я нашелъ Короля, Королеву; вдругъ что-то зашумѣло; я проснулся и увидѣлъ васъ.» — Старикъ умолкъ отъ усталости: онъ проговорилъ все это съ большимъ напряженіемъ, съ необыкновенною скоростью, какъ бы боясь, что не успѣетъ высказать. Я обѣщалъ ему исполнить его требованіе, и просилъ его успокоиться. Въ это мгновеніе раздались пушечные выстрѣлы. Старикъ вздрогнулъ, но догадавшись, что это пальба радостная, сказалъ: «Съ торжествомъ оставляю этотъ міръ! Простите, Мишель, Надежда!» — Глаза его закрылись; по лицу пробѣжалъ трепетъ; улыбка на устахъ появилась и уже не исчезала. Правая рука поднялась, видно, чтобъ перекреститься, но опять упала на одѣяло. Дюмонъ умеръ. — Я послалъ за полиціймейстеромъ. Кабинетъ его запечатали. Подлѣ смертнаго одра его, подъ молитвенникомъ, лежала какая-то бумага. Я взялъ ее. Это была тетрадка Надежды. Съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ прижалъ я къ устамъ драгоцѣнныя строки, и унесъ съ собою, какъ завѣщаніе почтеннаго старца, какъ вещественную память объ ангелѣ, который блеснулъ въ глазахъ моихъ, и скрылся навѣки.

Михайло Ивановичъ пріѣхалъ въ тотъ же вечеръ: онъ спѣшилъ застать въ живыхъ друга, и не успѣлъ. Мы предали землѣ тѣло Дюмона, съ чувствомъ благоговѣнія къ Промыслу, кото-

рый немногими сладостными минутами на краю гроба заплатилъ въ сей жизни добродѣтельному человѣку за годы страданій.

Такимъ образомъ явленія вѣры, добра, правды и чести мало по малу очищали мою душу — вселили въ меня теплую вѣру въ Провидѣніе, любовь къ ближнимъ, уваженіе къ добродѣтели, а началомъ всему была *она!* — — — Чрезъ мѣсяцъ отправился я на фрегатѣ въ походъ, въ Англію. Дѣятельная жизнь освѣжала и укрѣпляла меня. Кончивъ данное намъ порученіе въ Лондонѣ, мы спустились въ Гревсендъ, чтобы, при первомъ попутномъ вѣтрѣ, плыть въ Голландію. Нѣсколько русскихъ семействъ воспользовались симъ случаемъ, чтобъ воротиться на твердую землю. Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, нахлынуло къ намъ на катерѣ человѣкъ десять сіятельствъ и превосходительствъ, съ женами, дѣтьми, гувернантками, чемоданами и картонами. Я стоялъ у трапа, и помогалъ дамамъ всходить на бортъ. Вдругъ смертельная дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу: при блескѣ фонаря, узналъ я въ числѣ пассажирокъ — Надежду. Она взошла на корабль вслѣдъ за одною пожилою дамою, и они обѣ прямо отправились къ капитанской каютѣ. Она не примѣтила меня; но я ее видѣлъ! Мы очутились на одномъ кораблѣ! Я принужденъ ее видѣть; самъ не могу избѣжать ея взоровъ — и какъ смѣю явиться ей на глаза! Она считаетъ меня злодѣемъ, извергомъ человѣчества. Я не зналъ, что дѣлать. Случай по-

могъ мнѣ отъ нея укрыться. За ужиномъ, между молодежью, зашла рѣчь о прекрасныхъ пассажиркахъ. Всѣ радовались любезнымъ спутницамъ, и убѣждали другъ друга вести себя предъ ними какъ можно скромнѣе, и особенно удерживаться отъ нескромныхъ восклицанiй, вырываемыхъ у моряка нетерпѣнiемъ и досадою. Подшучивали надъ товарищами, припоминали прежнiя приключенiя. «Теперь раздолье Ветлину!» сказалъ лихой лейтенантъ Плащевъ, истинный морякъ, который въ теченiе шести лѣтъ не былъ на берегу и шести дней: «есть около кого увиваться. Я чаю, ты, братъ, въ цѣлыя сутки со шканцевъ не сойдешь. Тара-бара, бонжуръ мадамъ, команъ ву порте ву — это веселѣе, чѣмъ кричать въ рупоръ на рулевыхъ да марсовыхъ.» — «Почему такъ, Петръ Ивановичъ?» спросилъ я, будто обидѣвшись: «ты и самъ не можешь забыть какой-то кронштадтской констапельши, а службу несешь своимъ чередомъ, какъ храброму и нетороопливому офицеру надлежитъ.» — «Это совсѣмъ иное, Сергѣй Ивановичъ! Констапельша дѣлу не помѣха, а ваши французскiя перепелки душу, какъ старый канатъ, разщипываютъ.« — «Такъ я же докажу и тебѣ и всѣмъ, что женщины меня вовсе не привлекаютъ. Выпрошусь у капитана на всѣ ночныя вахты, а день весь буду проводить на кубрикѣ, то есть, во все время ни свѣту божьяго, ни лица женскаго не увижу.» — «Изволь, побьемся! двѣ бутылки шампанскаго въ первомъ трактирѣ на берегу,» ска-

залъ Плащевъ, протянувъ руку, и мы ударились. Всѣ офицеры утверждали, что я не выдержу испытанія. — На разсвѣтѣ мы снялись съ якоря. Лишь только склянка пробила восемь часовъ, я, смѣнясь съ вахты, отправился на кубрикъ. Что я чувствовалъ, того описать не умѣю: мнѣ было и пріятно, и досадно, и радостно, и страшно. — «Вижу братъ, Сергѣй,» сказалъ Плащевъ, принимая рупоръ: «что тебѣ трудно разставаться съ божьимъ свѣтомъ и съ бабьими глазами. Закладъ въ сторону. Оставайся съ нами.» — «Нѣтъ! нѣтъ!» вскричалъ я: «дѣло не въ томъ: я хочу доказать, что умѣю держать слово!» — и поспѣшилъ по трапу въ царство мрака.

Я хотѣлъ читать — невозможно; думать о чемъ нибудь постороннемъ — и того менѣе. Наконецъ легъ въ койку, и устремилъ глаза свои въ потолокъ, воображая, что гляжу на сводъ небесный, надъ которымъ витаютъ духи безсмертные, наши ангелы-хранители. День прошелъ въ мечтаніяхъ, въ порывахъ нарушить обѣтъ, и въ раскаяніи о моемъ малодушіи. Пробила полночь. Мнѣ объявили, что моя вахта наступила; я вышелъ наверхъ. «Ну, братъ, Ветлинъ!» сказалъ мнѣ Плащевъ, подавая рупоръ. «Если бъ ты зналъ, какія хорошенькія у насъ гостьи, то конечно ни за милліоны не сталъ бы биться объ закладъ. А пуще всѣхъ одна. Злодѣйка! Родятся же на берегу такія женщины! Прости! желаю пріятной ночи.» Я остался одинъ на фрегатѣ. Ночь была тихая, безлунная. Синее небо, испещренное яр-

кими звѣздами, отражалось на поверхности гладкаго моря. Фрегатъ несся тихо, какъ лебедь по спокойному озеру. Командовать было нечего. Я присѣлъ къ дверямъ капитанской каюты, и, въ ночной тиши, изрѣдка прерываемой откликомъ рулевыхъ, прислушивался къ тому, что дѣлается въ этомъ святилищѣ. Женскій голосъ читалъ книгу — голосъ пріятный, нѣжный, мелодическій. Сначала не могъ я разслушать, потомъ различилъ звуки французскіе, умѣренные русскими устами — это Надежда; — наконецъ сталъ понимать и слова. Она читала исторію о какомъ-то падшемъ духѣ, умоляющемъ свѣтлаго ангела, брата своего, принять его вновь въ райскую обитель. Голосъ читающей становился тише, тише, и наконецъ умолкъ совершенно. Водворилось безмолвіе. Я носился мыслями, не помню гдѣ. Тѣлеснаго моего состава вовсе я не ощущалъ, а чувствовалъ, видѣлъ, мыслилъ какими-то иными, дотолѣ неизвѣстными мнѣ орудіями: это были струны безъ скрипки, тоны безъ воздуха. И время, и пространство, казалось, утратили надо мною свои вѣчныя права: фрегатъ исчезъ въ глазахъ моихъ. Я носился среди безбрежнаго моря, подъ огромнымъ наметомъ вселенной; тишина ночи превратилась въ какой-то безпрерывный единообразный гулъ; время текло, и я его не чувствовалъ. — Что-то грохнуло подлѣ меня. Я открылъ глаза, которыхъ, кажется, не закрывалъ дотолѣ. Восходящее солнце обливало пламеннымъ пурпуромъ и фрегатъ, и море, и края неба. Свѣ-

жій вѣтерокъ дулъ мнѣ въ лице. Предо мною стоялъ одинъ изъ моихъ товарищей: забывъ о моемъ закладѣ, онъ пришелъ смѣнить меня, по истеченіи первой ночной вахты. Я напомнилъ ему объ условіи нашемъ, и онъ съ удовольствіемъ отретировался въ койку. Мечты мои исчезли. Я стоялъ на шканцахъ, въ десяти шагахъ отъ того, что мнѣ дороже и священнѣе всего въ мірѣ, но насъ раздѣляли стѣны непроницаемыя. Капитанъ вышелъ изъ каюты, и объявилъ, что барометръ быстро понижается. Должно ждать шквалу. Я обрадовался тревогѣ. Вся команда вышла наверхъ. При крѣпкомъ нордвестѣ мы закрѣпили паруса, и быстро неслись къ голландскимъ берегамъ. Въ восемь часовъ закричали съ салинга: берегъ! Склянка пробила, и я вновь спустился въ свою подпольную темницу, радуясь, что Надеждѣ, при непогодѣ, не вздумалось выйти изъ каюты ранѣе этого срока. Не долго пробылъ я въ своемъ заточеніи. Въ десять часовъ прибыли мы къ Текселю; якорь рухнулъ въ море; гребныя суда повалили къ берегу. Я вышелъ на нижнюю палубу, и смотрѣлъ въ порты. Вотъ спускаются по трапу наши спутницы. Старушку сносятъ на рукахъ. За нею идетъ спутница ея. Завистливая мантія скрываетъ станъ; только ножка, маленькая, прекрасно образованная, въ черныхъ башмачкахъ, надъ которыми бѣлѣется узенькая полоска нѣжнаго чулка, переступаетъ по ступенямъ трапа. Вы знаете, что съ траповъ сходятъ лицемъ къ кораблю. Вдругъ

милый ликъ ея мелькнулъ на полсекунды предъ моими глазами. — «Ай да Ветлинъ!» раздался голосъ моихъ товарищей, спустившихся въ палубу. «Лихо выигралъ закладъ! Плащевъ именно для того поѣхалъ на берегъ, чтобъ купить проигранное шампанское.» Не говоря ни слова, вышелъ я наверхъ. Шестерка наша, качаемая игривыми волнами, неслась на парусахъ къ берегу. Вѣтеръ развѣвалъ зеленый вуаль на бѣлой шляпкѣ; но *она* на насъ не смотрѣла; всѣ старанія ея обращены были на графиню, которая, видно, боялась качки. Счастливецъ Плащевъ правилъ рулемъ. Онѣ пристали къ берегу, раскланялись съ Плащевымъ, сѣли въ заготовленную карету и поѣхали. Я едва не закричалъ. . . . .

Фрегатъ остался на зимовку въ Голландіи. Намъ, офицерамъ, позволено было жить на берегу. Меня употребляли на разныя посылки: я ѣздилъ въ Амстердамъ, въ Кобленцъ, въ Парижъ. Я былъ въ этомъ послѣднемъ городѣ, когда пришла туда вѣсть о появленіи Бонапарта съ острова Эльбы. Наше посольство предписало мнѣ немедленно отправиться къ фрегату съ секретными предписаніями. Все бѣжало изъ Парижа. Я никакъ не могъ получить почтовыхъ; купилъ верховую лошадь, и поскакалъ по дорогѣ въ Брюссель. Я проѣхалъ съ утра верстъ пятьдесятъ благополучно. Вдругъ лошадь моя стала. Вѣроятно, я, непривычный къ сухопутной ѣздѣ, надсадилъ ее. Нейдетъ, да и только. Я кое-какъ довелъ ее до деревни, и бросилъ. Тщетно ста-

рался я въ деревнѣ купить другую лошадь. Всѣ были забраны проѣзжими. На меня косо посматривали французскіе мужики, принимая за шпіона непріятельскаго или за члена разбойничьихъ шаекъ, составившихся на границѣ изъ мародеровъ всѣхъ націй. Нечего было дѣлать. При проливномъ дождѣ, по вязкой дорогѣ, пошелъ я пѣшкомъ, и къ ночи пришелъ на станцію ла-Капелль. Уставъ до полусмерти, я вошелъ въ постоялый домъ, и кинулся на полъ предъ пылавшимъ очагомъ. Какая-то добрая старушка поподчивала меня теплымъ супомъ. Я ненавижу французскій бульонъ, сгущенный размоченнымъ въ немъ хлѣбомъ, но въ эту минуту онъ показался мнѣ амброзіею. Лишь только я кончилъ скромный свой ужинъ, послышался стукъ остановившейся у воротъ кареты, и чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ комнату съ бранью и ругательствами мокрый кондукторъ дилижанса. «Толкуй, поди, съ женщинами!» закричалъ онъ: «боятся разбойниковъ. Нѣтъ, сударыни, я васъ поставлю въ Монсъ, живыхъ или мертвыхъ. Если бы съ нами былъ хоть одинъ мужчина. А я-то что? Старый сержанъ-мажоръ Самбръ-Мёзской арміи, mille tonnerres! — Такъ нѣтъ, давай другаго!» — Я спросилъ его, откуда и куда онъ ѣдетъ. — «Изъ Парижа, сударь, везу цѣлую стаю маркизъ и виконтесъ, которыя перепугались маленькаго капрала. А чего его бояться? Онъ малый доброй; правда, не жалуетъ этихъ волтижеровъ Лудовика XV-го, да и любить-то ихъ

не за что.» Давъ ему наговориться, я спросилъ, нѣтъ ли у него мѣста въ дилижансѣ. —«Есть одно,» сказалъ онъ: «внутри кареты: изъ Парижа ѣхалъ съ нами аббатъ, да вышелъ на станціи, и заболтался видно. Я не могъ ждать его. Не угодно ли вамъ сѣсть вмѣсто его? Вы не забудете стараго солдата, да и красавицы мои перестанутъ трусить.» — Я съ благодарностью согласился. —Мы вышли къ воротамъ. Лошади уже были впряжены. «Mesdames!» сказалъ кондукторъ, отворяя дверцы: «извольте постѣснить-ся: къ вамъ сядетъ защитникъ и хранитель.» Въ каретѣ что-то пробормотали съ просонья, и потомъ раздалось: Entrez, s'il vous plait. Я съ трудомъ вскарабкался, и сѣлъ на передней скамьѣ, подлѣ чего-то мягкаго и теплаго. — Дверцы захлопнулись, и дилижансъ двинулся съ мѣста. Путешественницы дремали, и я скоро заснулъ. Сильный толчекъ экипажа разбудилъ меня. Свѣтало. Дождь пересталъ. Солнце вставало безъ тучъ. Насъ въ каретѣ было пятеро. Подлѣ меня, на передней скамьѣ, сидѣла дородная женщина, по видимому, служанка; подлѣ нея сухощавая старушка, въ старомодномъ чепчикѣ. На задней скамьѣ, справа, въ первомъ мѣстѣ дилижанса, покоилась немолодая, почтеннаго вида женщина; въ чертахъ лица ея выражалось страданіе; она часто пугалась во снѣ и стонала. Подлѣ нея, прямо противъ меня, сидѣла четвертая женщина, судя по ея стану, нѣжному и тонкому, по прекрасной рукѣ ея, выкатившейся изъ

подъ шали, молодая и прелестная. На головѣ у ней повязанъ былъ, сверхъ легкаго чепчика, клѣтчатый платокъ; изъ-подъ платка спускался зеленый креповый вуаль, и скрывалъ черты лица ея. Она спала крѣпкимъ сномъ юности и здоровья. Вскорѣ послѣ меня проснулись мои сосѣдки на скамьѣ, и стали меня разглядывать. Онѣ не могли догадаться, кто я таковъ. На мнѣ былъ обыкновенный синій сюртукъ, опоясанный кожанымъ кушакомъ, на головѣ черный картузъ. Я молчалъ, боясь разбудить спящихъ, но онѣ начали о чемъ-то перешептываться. Солнце вставало выше и выше. Вотъ и сидящая насупротивъ меня просыпается: протянулась, зѣвнула, и — вообразите мое удивленіе, — перекрестилась по-русски. Что-то завертѣлось у меня въ головѣ, что-то застучало въ сердцѣ. Я не успѣлъ еще дать себѣ отчета въ этомъ волненіи, какъ она подняла вуаль — и Надежда, Надежда Берилова представилась моимъ глазамъ. Не могу описать, что сталось со мною; мнѣ было страшно, тяжело, мучительно. Я старался всѣми силами удерживать движенія своего лица, заглушать вздохи, которые тѣснились въ груди и занимали мое дыханіе. Трудъ этотъ былъ напрасенъ. Она меня не замѣчала. Первые ея взгляды обратились съ любовію и состраданіемъ на спящую подлѣ нея старушку; она смотрѣла на нее съ дѣтскимъ участіемъ, поправила на ней косынку, покрыла ее салопомъ, который скатился было съ колѣнъ. Я имѣлъ время прійти въ

себя. Потомъ поглядѣла она на прочихъ женщинъ, поздоровалась съ ними взглядами, и обратила глаза на меня. Она вглядывалась въ меня; казалось, хотѣла что-то припомнить себѣ, но видно, что я успѣлъ собраться съ духомъ, и твердо игралъ роль равнодушнаго, посторонняго, чужаго человѣка: она меня не узнавала. Сначала это меня огорчило, но, раздумавъ порядочно, я утѣшился въ ея забывчивости: что сказала, что сдѣлала бы она, увидѣвъ себя подлѣ человѣка, котораго почитала извергомъ человѣчества? — Я привѣтствовалъ ее легкимъ наклоненіемъ головы, приподнявъ картузъ; она отвѣчала учтивымъ, но безмолвнымъ привѣтствіемъ. Я имѣлъ время разсмотрѣть лице ея. Мнѣ казалось, что прелестнѣе, очаровательнѣе ея нѣтъ женщины въ свѣтѣ: поэзія любви разцвѣчала прекрасный отъ природы ликъ небесными красками. Наконецъ зашевелилась и старушка — это была Графиня Лезгинова. Надежда обратилась къ ней съ дѣтскою нѣжностью, поцѣловала ей руку, поправила подъ нею подушку, спросила ее — и по-русски — какъ она спала, не хочется ли ей чего нибудь. — Графиня, давъ отвѣтъ на ея вопросы, посмотрѣла на меня угрюмо, и сказала ей съ досадою, по-русски же: «Вотъ удовольствіе путешествовать въ дилижансѣ: посадятъ къ тебѣ въ карету какого нибудь сорванца. Проклятый Бонапарте!» — Я не смигнулъ при этихъ комплиментахъ, но также, ужимкою, похожею на поклонъ, пожелалъ и старушкѣ добраго утра. Она

сердито кивнула головою, какъ бы хотѣла сказать: не нужно мнѣ твоего поклона. — Женщины мало по малу разговорились между собою. Я узналъ изъ ихъ бесѣды, что сидѣвшая подлѣ меня Француженка, служитъ каммеръ-юнгферою у графини, а другая незнакомая имъ спутница, какая-то бѣдная маркиза. Графиня пустилась бѣжать изъ Парижа, по приближеніи Наполеона, и не доставъ другаго экипажа, при помощи какого-то аббата успѣла взять четыре мѣста въ дилижансѣ; остальные два заняты были маркизою и самимъ аббатомъ, котораго неумолимый кондукторъ бросилъ, за неявкою, на второй станціи. Я не разѣвалъ рта, и притворялся спящимъ. — «Странный Французъ,» сказала графиня, «молчитъ какъ стѣна. Ужъ не шпіонъ ли онъ какой, помилуй Господи!» — «Ахъ, нѣтъ, maman!» сказала Надежда: «онъ очень учтивъ и скроменъ. Мнѣ помнится даже, что я его гдѣ-то видала. Только не въ Парижѣ. Лице такое знакомое.» — «Забыла!» думалъ я: «забыла! Слава Богу. Теперь лице мое останется у ней въ памяти съ отмѣткою: тихій, учтивый человѣкъ.» — Мы пріѣхали на станцію. Дамы вышли освѣжиться и позавтракать. Я отправился въ трактиръ, и позавтракалъ такъ, чтобъ не нужно было обѣдать. Я боялся проговориться за столомъ. Паспорта у меня не спрашивали: кондукторъ взялъ съ меня деньги себѣ, а въ спискѣ показанъ былъ предмѣстникъ мой, аббатъ. Прежнимъ порядкомъ проѣхали мы еще двѣ станціи. Я молчалъ какъ

статуя. Графиня раза два спрашивала меня кое о чемъ. Я отвѣчалъ: Oui, madame; non, madame, стараясь всячески поддѣлаться подъ французское произношеніе. — «Сущій медвѣдь этотъ Французъ!» сказала графиня: «толку не добьешься.»— «Не троньте его, maman!» возразила Надежда: «у него что-то на сердцѣ. Онъ часто вздыхаетъ, и какъ будто боится смотрѣть намъ въ лице. Онъ конечно несчастливъ. Богъ знаетъ, что онъ оставилъ въ Парижѣ, и зачѣмъ ѣдетъ.»—«Ошибаешься,» думалъ я: «онъ теперь счастливѣйшій изъ людей; въ Парижѣ ничего не оставилъ, но съ трепетомъ ожидаетъ и страшится минуты, въ которую разстанется съ тобою.» — Привалъ. Дамы вышли, и я также. Онѣ отправились въ постоялый домъ; я пошелъ прогуливаться по аллеѣ. По окончаніи ихъ обѣда, опять безмолвно сѣли въ дилижансъ, и потянулись прежнимъ порядкомъ. Стало смеркаться. Мы въѣхали въ лѣсъ. Небо затянулось. Сталъ накрапывать дождикъ. По временамъ раздавался по лѣсу свистъ — будто разбойничій сигналъ. Женщины вздрагивали и крестились. Я, признаться, самъ былъ не очень спокоенъ. Послѣ войны дороги сдѣлались крайне опасными. Въ лѣсахъ, на голландской границѣ, бродили мародеры, и не разъ останавливали экипажи, ѣхавшіе изъ Франціи, въ надеждѣ поживиться богатствомъ, вывозимымъ бѣгущими за границу эмигрантами. У меня за поясомъ были два маленькіе пистолета, незаряженные; кондукторъ храбрился только словами; въ

каретѣ сидѣли четыре женщины; на имперіялѣ и въ кабріолетахъ какіе-то ободранные мужики и бабы. — Мракъ сгустился; дилижансъ ѣхалъ тихо. Вдругъ раздались громкіе голоса, и онъ остановился. Дамы перепугались. Въ темнотѣ засверкали огни фонарей, и при ихъ свѣтѣ мы увидѣли, что окружены толпою самаго подозрительнаго народа. Въ ужасѣ, который овладѣлъ мною, я забылъ всѣ предосторожности, и сказавъ по-французски: «Успокойтесь, сударыни; это, вѣроятно ничего не значитъ!» готовился отворить дверцы кареты; но меня предупредили снаружи. Какой-то высокій, широкоплечій мужикъ, въ синемъ балахонѣ, отворилъ ихъ и закричалъ: «Вылѣзайте, мошенники! Подавайте все, что у васъ есть.» — «Что вы за люди?» спросилъ я. — «Вотъ еще выискался какой таможенный! Не въ томъ дѣло! Выходите!» — «Не выйдемъ!» отвѣчалъ я твердымъ голосомъ, надѣясь испугать ихъ: «въ двухъ стахъ шагахъ за нами ѣдетъ разъѣздъ; онъ освободитъ меня изъ вашихъ рукъ.» — «Не выходите?» сказалъ мужикъ: «такъ постойте; я васъ отдамъ на руки капитану. *Руски-муски!*» закричалъ онъ: «не хотятъ выходить! Грозятъ разъѣздомъ! Что тутъ дѣлать?» — Къ каретѣ подскочилъ человѣкъ ужаснаго вида съ рыжею бородою, и закричалъ дурнымъ французскимъ языкомъ: «Выходите, канальи! Не то я васъ всѣхъ перебью!» Онъ навелъ пистолетъ въ карету; раздался крикъ; фонарь блеснулъ ему въ лице — и я узналъ въ немъ Хлыстова! —

«Помилуй!» закричалъ я по-русски: «Хлыстовъ? это ты? что это значитъ!» — Онъ опустилъ пистолетъ и спросилъ: «А ты кто?» — «Всмотрись!» отвѣчалъ я. Онъ поднялъ фонарь, посмотрѣлъ мнѣ въ лице, закричалъ: «Ветлинъ!» пошатнулся и зарыдалъ. — Всѣ были въ оцѣпенѣніи. Разбойники остановились, и съ изумленіемъ глядѣли на плачущаго атамана. Женщины съ нетерпѣніемъ ждали развязки. — «Въ какую пропасть ты низвергся!» — сказалъ я ему. — «Молчи!» вскричалъ онъ, опомнившись: «не растравляй ранъ моихъ. Я злодѣй, я извергъ, бѣжалъ изъ полку, былъ схваченъ, приговоренъ къ смерти, успѣлъ опять уйти, и — ты видишь! Ступай съ Богомъ! И если услышишь, что повѣсили русскаго мародера, вздохни и помолись за него. — Кондукторъ, почталіонъ!» прибавилъ онъ разбойничьимъ французскимъ нарѣчіемъ: «садитесь и погоняйте, а вы, ребята, назадъ за мною. — Прости, Ветлинъ! Вотъ до чего доводитъ развратъ молодыхъ лѣтъ!» Онъ захлопнулъ дверцы. Дилижансъ покатился. Чрезъ часъ мы пріѣхали въ Монсъ.

Далѣе не могу описывать. На землѣ есть краски для изображенія мрака, для подражанія всѣмъ постепенностямъ отраженія солнца, но самые лучи небесные неуловимы, неизобразимы. Я узналъ Надежду; она узнала меня, узнала мою страсть, пламенную, чистую, безотрадную; узнала мое сиротство, страданія моего дѣтства, заблужденія юныхъ лѣтъ, и возвращеніе на стезю

добра — ея рукою, ея мыслію. — Графиня поселилась въ Схевелингенѣ для употребленія тамошнихъ морскихъ банъ; я былъ у нихъ ежедневно. — При наступленіи осени, намъ сказанъ былъ походъ. Я простился съ Надеждою. Взаимная клятва, не принадлежать никому другому, была нашимъ послѣднимъ словомъ. Мы переписываемся очень рѣдко, только въ самыхъ важныхъ случаяхъ, и то языкомъ холодности, равнодушія и свѣтскихъ приличій. Повтореніе, подтвержденіе моей любви заключается въ условленномъ *парафѣ*, которымъ я оканчиваю подпись своего имени. Думаютъ, что *якорь* означаетъ мое званіе — нѣтъ! онъ значитъ Надежду. — Вотъ уже полтора года, что мы разстались. Графиня сбиралась пріѣхать въ Петербургъ, по своему процессу. Она жила врозь съ мужемъ, и пользовалась своимъ участкомъ въ общемъ имѣніи, не заботясь о формахъ. Теперь мужъ ея умеръ, и его родственники отнимаютъ у нея родовое ея имущество. — Я жду ея, жду Надежды, какъ отсрочки смертнаго часа. Увѣренъ, что она дастъ мнѣ знать о своемъ пріѣздѣ, однако вездѣ ищу ея: когда бываю въ Петербургѣ, ѣзжу въ театры, на балы — авось-либо! Гадаю на картахъ, но моя дама никакъ не хочетъ пасть на мою сторону. Я проигралъ на нее въ умѣ цѣлые милліоны. — Съ нелѣпою мыслію отыскать Надежду, отправился я и на балъ къ Лютнину, и нашелъ — васъ! Я слыхалъ о предстоящемъ вашемъ возвращеніи; думалъ, что вы

уже въ Петербургѣ; но не смѣлъ отыскивать. Прежняя жизнь набросила темную тѣнь на все мое существованіе. Меня чуждаются, бѣгаютъ; смѣшавъ исторію Хлыстова съ моею, говорятъ, что я разбойничалъ въ Голландіи на большихъ дорогахъ, и ограбилъ одну русскую графиню. Дайте злословію малую точку: люди распространятъ ее на цѣлый кругъ солнечный.—Одна Надежда меня знаетъ: теперь, вѣроятно, знаете и вы. Благодѣтель моего дѣтства! не отриньте меня. Постараюсь быть васъ достойнымъ.

Случай надѣлилъ васъ сокровищемъ, за которое я отдалъ бы жизнь свою, если бъ она еще мнѣ принадлежала. Это изображеніе младенца-ангела. Повѣрите *ли*, что это портретъ моей Надежды? Такова она была, конечно, въ своемъ младенчествѣ; такою преобразится, когда пріидетъ ей время улетѣть въ свою небесную отчизну.——Простите хитрость, употребленную мною для того, чтобъ высказать вамъ, что у меня лежало на сердцѣ. Изустно я не могъ бы передать вамъ всего этого: при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ моей жизни, я не могъ бы взглянуть на васъ; при другихъ, не нашелъ бы словъ, чтобъ ихъ выразить.

Сергѣй Ветлинъ.»

XLIX.

Чтеніе этой искренней исповѣди произвело въ Кемскомъ глубокое впечатлѣніе. Онъ долго глядѣлъ на подпись, желая удостовѣриться, точно ли это тотъ Ветлинъ, о которомъ гремитъ въ свѣтѣ такая дурная слава; подошелъ къ портрету дочери Берилова, поднялъ покрывало, и долго всматривался въ черты лица ея, повторяя въ умѣ прочитанное. Ему теперь этотъ ликъ казался знакомымъ, своимъ, роднымъ: въ улыбкѣ ангельской чудился ему привѣтъ давнишняго друга. — Онъ опустилъ покрывало въ раздумьѣ.— «Но отецъ Надежды умеръ — это точныя слова Ветлина, а этотъ Бериловъ.... можетъ быть, иной! — Нѣтъ! не можетъ статься: ее зовутъ Надеждою Андреевною.» — Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ разгадать эту непостижимую тайну. Берилова не было дома уже недѣли четыре. Кемскій велѣлъ позвать Акулину Никитичну, и сталъ расспрашивать ее о семейственныхъ отношеніяхъ живописца. Никитична разлилась широкимъ и быстрымъ потокомъ словъ, но въ нихъ нельзя было ни до чего добраться. Она поселилась у Берилова за десять лѣтъ предъ тѣмъ, чрезъ полгода по кончинѣ Настасьи Родіоновны, и только отъ сосѣдокъ слышала, что у Берилова была дочь, сирота безъ матери; что Родіоновна оставляла ее безъ всякаго призору; что Бериловъ, наконецъ отдалъ ее въ чужія руки, и потомъ получилъ извѣстіе о ея смерти. Никитична не разъ

допытывалась у самого хозяина своего о семейныхъ его дѣлахъ, но, какъ и во всемъ иномъ, не могла добиться толку; знала только, что онъ бросилъ свое дитя, и никогда о немъ не вспоминалъ. Кемскій отпустилъ Акулину Никитичну: ея слова еще болѣе смѣшали всѣ его понятія. Бериловъ неразсудителенъ, неостороженъ, забывчивъ, безтолковъ, но сердце у него доброе: могъ ли онъ бросить, забыть свое дитя? Всякой человѣкъ есть загадка! думалъ Кемскій: мало ли людей, достойныхъ уваженія во всѣхъ отношеніяхъ, платятъ дань слабости своей природы въ одномъ какомъ нибудь пунктѣ!

Душевное участіе въ горестной судьбѣ Ветлина, недоумѣніе и безотрадное чувство невозможности удовлетворить влеченію своего сердца — все это подернуло душу Кемскаго мрачнымъ покровомъ. Грудь его стѣснилась, дыханіе сжалось.... Весеннее солнце, играя въ окнахъ, манило его на чистый воздухъ. Онъ вышелъ на крыльцо. Это было въ одинъ изъ тѣхъ неизъяснимо пріятныхъ дней петербургскаго апрѣля, когда солнце, какъ будто невзначай, лучами благодатными согрѣваетъ атмосферу, и даетъ предчувствовать наслажденія лѣта. Воздухъ былъ тихъ, свѣжъ, но тепелъ. Птицы пѣли. Деревья стояли еще обнаженныя, но травка на лугахъ уже пробивалась. Кемскій прошелъ въ садъ. Подлѣ оранжерей и парниковъ выставлены были цвѣточные горшки. Заключенные дотолѣ въ душной, искусственной атмосферѣ, нѣжныя ра-

стенія пили въ себя живительное дыханіе весны. — Онъ шелъ далѣе и далѣе, къ одному завѣтному мѣсту, котораго не смѣли касаться ни топоръ, ни заступъ садовника. Одинъ этотъ уголокъ изъ всего обширнаго сада, посреди котораго построенъ былъ домъ, занимаемый Кемскимъ, оставался въ первобытномъ своемъ состояніи: два вросшіе въ землю надгробные камня уцѣлѣли на бывшемъ кладбищѣ. Вокругъ нихъ росли густыя рябины, посаженныя съ незапамятныхъ временъ. Ветхая деревянная скамья прислонялась къ дереву. При уничтоженіи бывшаго тутъ кладбища, новый владѣлецъ этого мѣста получилъ отъ неизвѣстнаго лица записку, въ которой просили его не тревожить покойниковъ, лежащихъ въ этихъ двухъ могилахъ. Онъ свято исполнилъ требованіе родственной любви: огородилъ это мѣсто, расчищалъ, окладывалъ дерномъ, осыпалъ пескомъ, и продавая домъ другому, включилъ въ кунчую условіе о храненіи двухъ могилъ въ прежнемъ ихъ видѣ. Между тѣмъ, никто не приходилъ на эти могилы; никто о нихъ не освѣдомлялся. Кемскій услышалъ эту исторію зимою, когда переѣхалъ въ новую квартиру: съ горестнымъ чувствомъ смотрѣлъ онъ въ окно, на опушенныя инеемъ деревья, осѣнявшія этотъ укромный уголокъ. Не прошло полувѣка съ тѣхъ поръ, какъ оставлено это кладбище — а уже всѣ слѣды его изгладились. Вздохи и стоны сѣтовавшихъ надъ свѣжими могилами исчезли въ воздухѣ, слезы плакавшихъ из-

сякли на сырой землѣ, пріявшей въ себя останки друзей и родныхъ. Только двѣ могилы изъ тысячъ охраняются отъ общаго уравненія, и онѣ исчезнутъ съ памятію тѣхъ, которые нашли въ нихъ пріютъ и успокоеніе.

Земля еще не совершенно обсохла, и на тропинкѣ видны были свѣжіе слѣды. Кемскій машинально шелъ по этимъ слѣдамъ, и очутился подъ рябинами. Кто-то сидѣлъ на скамьѣ, опершись на трость, и вперивъ глаза въ надгробные камни. Кемскій, увидѣвъ человѣка, хотѣлъ воротиться, но шелестъ шаговъ измѣнилъ ему. Сидѣвшій на скамьѣ оборотился въ его сторону; сребристыя сѣдины сверкнули изъ-подъ шляпы. — «Извините,» сказалъ Кемскій: «я думалъ, что здѣсь нѣтъ никого.» — «Ничего-съ!» отвѣчалъ незнакомецъ, приподнялся съ трудомъ, и Кемскій увидѣлъ въ немъ Алимари.

«Алимари, другъ мой!» вскричалъ онъ въ изступленіи, и кинулся къ нему на шею: «вы здѣсь! Узнаете ли вы меня? узнаете ли Кемскаго?» — «Князь!» воскликнулъ Алимари, и они обнялись, въ безмолвномъ восторгѣ.

Когда миновали первыя секунды радостнаго изступленія, Кемскій всмотрѣлся въ Алимари, котораго не видалъ слишкомъ семнадцать лѣтъ. Казалось, онъ не устарѣлъ съ того времени, только высохъ и сгорбился; глаза его сверкали прежнимъ пламенемъ; голосъ его раздавался въ слухѣ и душѣ собесѣдника прежнею гармоніею. Князь не могъ не изъявить своей радости, что

видитъ его бодраго и здороваго. «Да,» отвѣчалъ Алимари: «девяносто-трехлѣтняя хижина разрушается, но жительница ея не ветшаетъ. Скажу болѣе: теперь душѣ моей легче и свободнѣе; оковы тлѣнія не тяготятъ ея такъ, какъ въ бывалые годы. Куда не достигнетъ глазъ тѣлесный, туда проникаютъ взоры духа. А вы, князь?» — «Я не одинокъ съ нѣкотораго времени, и только теперь начинаю благодарить васъ за сохраненіе моей жизни: еще есть люди, которымъ мое существованіе въ мірѣ можетъ быть полезно и благодѣтельно.» — «Живите для дружбы и добра!» возразилъ Алимари: «они усладятъ ваше существованіе. Я же, по обѣту моему, пришелъ сюда, на Сѣверъ, сложить мои кости подлѣ драгоцѣннаго мнѣ праха. Зимою былъ я въ Лиссабонѣ; теперь я здѣсь — вотъ могилы отца моего и матери. Я не плачу. Слезы у меня изсякли; онѣ претворились во внутреннее ощущеніе тоски, надежды и умиленія.»

Друзья вошли въ домъ. Кемскій предложилъ новому своему гостю у него поселиться; Алимари охотно на то согласился. Съ ближняго постоялаго двора принесли его небольшой скарбъ — чемоданъ и сундучекъ, и онъ чрезъ часъ сидѣлъ уже дома, на диванѣ, съ стариннымъ другомъ, и слушалъ повѣсть жизни его со времени разлуки въ Тріестѣ.

«Вотъ, другъ мой!» сказалъ Кемскій наконецъ, «что ожидало меня въ этомъ свѣтѣ, гдѣ вы заставили меня скитаться. Если бъ я истекъ кро-

вію въ Ниццѣ, то не испыталъ бы многаго горя. Ужаснѣйшее изъ терзаній есть одиночество и разочарованіе въ людяхъ. Племянники мои, племянница — люди недостойные моей любви и уваженія, и имъ я никогда не оставлю своего имѣнія. Если бъ вы знали, какъ они терзали моихъ бѣдныхъ крестьянъ! О собственномъ имѣніи, о доходахъ, о деньгахъ я не думаю. Понуждаюсь, потерплю нѣсколько времени, чтобъ выручить имѣніе изъ залога, а тамъ — что Богъ дастъ! Дѣти Элимова не заслуживаютъ моей любви; крестникъ его, Ветлинъ, одинъ мнѣ другъ, родственникъ.... Употреблю всѣ свои силы, чтобъ сдѣлать счастливымъ хоть его. Злодѣи не довольствовались тѣмъ, что лишили его всякой помощи: они развратили было его душу!»

Никогда еще Кемскій не отзывался о своихъ родственникахъ такъ рѣшительно, никогда не дерзалъ называть ихъ злодѣями. Но въ прежнее время они дѣйствовали противъ него одного: теперь онъ вооружался за другаго. Онъ разсказалъ другу своему о судьбѣ Ветлина, и сообщилъ недоумѣнія свои о дочери живописца Берилова. — «Вотъ она! вотъ этотъ ангельскій ликъ, который услаждаетъ меня въ минуты страданій и тоски душевной!» сказалъ онъ, отдернувъ покрывало. Алимари смотрѣлъ на нее со вниманіемъ. «Портретъ долженъ быть похожъ,» сказалъ онъ наконецъ: «такая выразительность не можетъ быть вымысломъ. А это вы?» спросилъ онъ, оборотясь къ портрету Берилова. — «Видно,

зрѣніе ваше притупляется,» сказалъ Кемскій, улыбаясь: «это портретъ моего жильца и друга, добрѣйшаго человѣка въ мірѣ, Андрея Ѳедоровича Берилова, съ которымъ я познакомился въ Токсовѣ, въ тотъ самый вечеръ, какъ въ первый разъ увидѣлся съ вами. Помните ли? Это было на другой день послѣ страннаго видѣнія на петербургскомъ небѣ.» — Алимари, вооружась увеличительнымъ стекломъ, посматривалъ на изображеніе дитяти, на портретъ Берилова, на князя — и размышлялъ о чемъ-то въ недоумѣніи...

Свиданіе съ почтеннымъ Алимари преисполнило душу Кемскаго благоговѣйною признательностію къ Провидѣнію: оно позволило ему увидѣть въ здѣшней жизни человѣка, къ которому онъ былъ привязанъ всею душею. Теперь онъ еще съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ Берилова, чтобъ раздѣлить съ нимъ радость этой неожиданной встрѣчи: воображалъ, какъ усладительно втроемъ будутъ жить во временахъ прошедшихъ.... Алимари душею дѣйствительно былъ прежній, но тѣломъ склонялся къ землѣ. Можно было сказать, что онъ жилъ съ солнцемъ: доколѣ благотворные лучи дневнаго свѣтила озаряли горизонтъ, онъ ходилъ, говорилъ, дѣйствовалъ, какъ всегда или еще съ бо́льшею ясностью, твердостью и силою, но при наступленіи сумерекъ впадалъ въ тихую дремоту, и пробуждался не ранѣе восхода солнечнаго: тогда мало по малу просыпалась душа его, и когда солнце появлялось все на горизонтѣ, исчезала и дремота его

совершенно. Душа обновлялась. Всѣ воспоминанія въ немъ воскресали: онъ жилъ поспѣшно, быстро, жадно — до новаго наступленія ночи.

Бесѣда друзей дня чрезъ два склонилась на предметъ, который задолго до того занималъ ихъ мысли. Кемскій повѣдалъ другу своему, что прежняя мечта его живетъ съ нимъ донынѣ; что она не оставляетъ его ни въ шумѣ свѣтской жизни, ни въ тиши уединенія. — «Я ужъ перестаіъ называть ее черною женщиною,» сказалъ онъ: «это моя Наташа! И прежде, въ первые дни знакомства моего съ покойною женою моею, я находилъ въ ней поразительное сходство съ моею мечтою; теперь обѣ онѣ слились въ одно; теперь появленіе милаго призрака есть для меня награда, утѣшеніе, отрада. Въ зимніе вечера она сидитъ подлѣ меня, склоняясь на плечо мое; она закрываетъ нѣжною рукою усталыя мои вѣжди, когда я кончаю дневные труды свои; она отходитъ отъ одра моего, когда я поутру открываю глаза. И въ эту самую минуту — Наташа! я вижу тебя!» — «Вы увидите ее!» сказалъ Алимари: — «не въ мечтѣ! И я съ священнымъ трепетомъ помышляю каждый вечеръ объ ожидающемъ меня блаженствѣ; думаю: не наступилъ ли уже часъ свиданія съ Антигоною и дѣтьми моими? и погружаюсь въ забвеніе земнаго существа моего, но воображеніе мое совершенно истощилось: ни какое видѣніе, ни какой призракъ не нарушаетъ, не услаждаетъ моего покоя. При восходѣ солнечномъ возникаю вновь

изъ ничтожества, и думаю: еще день! Боже мой! чѣмъ долѣе ты меня испытываешь въ здѣшнемъ мірѣ, тѣмъ вѣрнѣе моей душѣ залогъ благости твоей въ будущемъ!»

Кемскій спросилъ у него, занимается ли онъ, попрежнему, изученіемъ природы. «Это мое всегдашнее занятіе,» отвѣчалъ Алимари: «хотя послѣдствіе всѣхъ моихъ наблюденій и умозрѣній одно и то же: знаю, что я ничего не знаю. Многія явленія и случаи въ жизни и въ свѣтѣ, кажущіяся намъ теперь непостижимыми и чудесными, сдѣлаются ясны и понятны со временемъ; но общіе законы, по которымъ міръ и все въ немъ сущее раждается, живетъ и преходитъ, останутся тайною. Успѣхи наши въ теченіе тысячелѣтій — это десять шаговъ человѣческихъ, пройденныхъ муравьемъ на странствіи вокругъ Земнаго Шара. Но если бренными глазами, слабыми орудіями чувствъ не могу проникнуть въ глубину земнаго и небеснаго творенія — мысль моя, незнающая веригъ пространства и времени, возлетаетъ къ невидимому, но познаваемому средоточію. Къ сознанію собственнаго нашего ничтожества необходимо присоединяется сознаніе Верховнаго Разума, въ которомъ теряется и мысль моя, и вся огромная видимая вселенная. Изученіе природы нынѣ облеклось для меня свѣтлымъ лучемъ духовнаго міра. Прежде сего удивлялся я съ одной стороны огромности небесныхъ свѣтилъ, неизмѣримости безвоздушнаго пространства, съ другой мелкости животныхъ

и растеній микроскопическихъ; старался истолковать себѣ восхожденіе существъ отъ грубаго, безжизненнаго камня къ совершеннѣйшему земнородному — человѣку. Теперь, наоборотъ, мыслію низвожу на землю могущество и благость Бога, духомъ его проникаю все бывшее, сущее и будущее въ мірѣ, и дыханіемъ его оживляю, какъ гранитные утесы, такъ и мысли человѣческія. Я удостовѣрился теперь, болѣе нежели когда нибудь, что смерти нѣтъ въ природѣ; что видимые нами предметы, исчезая въ вещественномъ мірѣ, только принимаютъ другой видъ, и духъ нашъ, оставляя бренное тѣло, стремится невѣдомыми путями къ началу, недоступному въ здѣшнемъ мірѣ.»

— «Такъ вы принимаете общую жизнь во всей природѣ, вѣчное круговращеніе, безпрерывное самоизмѣненіе формъ ея?» спросилъ Кемскій.

«Принимаю это,» отвѣчалъ Алимари: «но причину существованія и жизни природы нахожу внѣ ея, въ Существѣ высочайшемъ, премудрѣйшемъ. Намъ невозможно вообразить себѣ въ мірѣ что либо сущее безъ причины и безъ послѣдствій. И самые злѣйшіе безбожники согласны въ томъ, что окружающій человѣка міръ разнородныхъ силъ, являющійся въ своихъ дѣйствіяхъ на него, долженъ имѣть свою начальную причину. Они говорятъ, что эта причина всѣхъ явленій въ мірѣ заключается въ таинственныхъ, согласныхъ между собою дѣйствіяхъ силъ природы, которыхъ существа мы познать

не можемъ. Природа, толкуютъ они, существуетъ такъ отъ вѣка, дѣйствовала такъ всегда, производила явленія и перемѣны, сама того не зная. Слѣдственно, по этому ученію, самое совершенное существо въ мірѣ есть человѣкъ, ибо онъ сознаетъ свое существованіе? Слѣдственно, природа произвела существа, которыя совершеннѣе, выше, превосходнѣе ея самой? Слѣдственно вселенная есть мертвая машина, которая сама себя не знаетъ, а производитъ существа, достойныя, въ сравненіи съ нею, быть божествами? — Нелѣпость этой мысли очевидна. Если, по законамъ моего разума, должна быть всему общая, начальная причина, то она не можетъ быть несовершеннѣе меня. Эта чудесная гармонія въ мірозданіи, эти разсчитанные, измѣренные, взвѣшенные законы тайныхъ силъ природы, движущихъ вселенною, суть мысль столь великая, какой ни я, ни другой смертный никогда изъ себя родить не можетъ. И изъ этой мысли вывожу я существованіе произведшей ее, соразмѣрной съ нею силы, самодѣятельной и познающей, какъ душа моя — только въ высшей, недосягаемой, невообразимой степени. Во сколько кратъ дѣла рукъ и ума человѣческаго слабѣе, ничтожнѣе устройства вселенной, во столько кратъ мудрость и сила человѣка ниже мудрости и силы всевысочайшаго Существа. Не разрушая законовъ разума, не можемъ изгнать изъ міра сего — всеустрояющей, владычествующей, всеоживляющей Силы. Человѣкъ, по самопознанію души своей,

но отличнымъ своимъ качествамъ, стоитъ на высшей ступени въ земномъ порядкѣ вещей. И важнѣйшее доказательство превосходства его есть то, что онъ разумомъ своимъ принужденъ вѣрить въ Бога: онъ видитъ въ Богѣ источникъ своего существа, и въ душѣ своей созерцаетъ отблескъ вѣчнаго, святаго Виновника всего сущаго въ мірѣ. Пусть своекорыстный лжемудрецъ, не для убѣжденія другихъ, а для удовлетворенія своему тщеславію, сбиваетъ понятія, нижетъ сомнѣнія, и мечтаетъ быть великимъ, доказавъ, что нѣтъ Бога! Гласъ всей природы заглушаетъ его дерзкія слова! — И этотъ гласъ громче всего раздается въ глубинѣ нашей души, которая есть отблескъ, искра того духовнаго свѣтила, вокругъ котораго вращаются миріады міровъ видимыхъ. Есть Богъ всемогущій, всемилосердый — не мертвая природа, безъ воли, безъ самопознанія! Я созданіе этого высочайшаго, святѣйшаго Существа; я духомъ съ нимъ одинъ. Смерть меня не устрашаетъ: она есть не уничтоженіе существа моего, а разрѣшеніе духа отъ узъ, называемыхъ у насъ тѣломъ. Духъ, исходящій отъ Бога, знаетъ свою родину: онъ стремится туда, изъ конечнаго въ безконечное, изъ временнаго въ вѣчное. И въ здѣшней жизни человѣкъ начинаетъ воспитаніе свое для будущей, освобожденіемъ себя отъ чувственнаго, земнаго, растительнаго, животнаго, пробужденіемъ въ себѣ жизни духовной. Чистота тѣлесная есть охраненіе нашего тѣла отъ прикосновенія безжизнен-

ной природы; чистота духовная освобожденіе души отъ наростовъ грубыхъ, животныхъ. Добрыя дѣла, заглушеніе самолюбія, своекорыстія, зависти, гнѣва — суть слабыя подражанія Благости Вышней, мерцающіе отблески солнечнаго луча, преломленнаго тучами и туманами земной атмосферы. — Изученіе окружающей насъ природы предшествуетъ изслѣдованію способностей и силъ нашей души, и познавъ свойство души своей, возносимся мы къ вѣчному ея источнику. И здѣсь Благость небесная не оставляетъ насъ, слабыхъ и близорукихъ. Тамъ, гдѣ земныя наблюденія, сбивчивыя умозаключенія человѣка теряютъ нить въ темномъ лабиринтѣ — возникаетъ искра Божественнаго Откровенія, и ведетъ насъ къ началу свѣта. Религія Христіанская есть окончаніе, довершеніе, освящѐніе нашихъ благоговѣйныхъ наблюденій, и въ ея ученіи разрѣшаются всѣ вопросы, какіе только могутъ возникнуть въ умѣ человѣка о причинѣ и конечной цѣли существованія міра и души его!»

L.

Слова Алимари были прерваны шумомъ и крикомъ въ сѣняхъ. Кемскій поспѣшилъ узнать о причинѣ этого нарушенія тишины въ укромномъ его пріютѣ, и увидѣлъ въ передней комнатѣ Берилова, но въ какомъ положеніи! Онъ былъ блѣденъ, разстроенъ, глаза его сомкнуты;

два человѣка ввели его въ комнату подъ руки, и посадили въ кресла. Онъ открылъ глаза, томные, мутные, и увидѣвъ князя, сказалъ прерывающимся голосомъ: «Слава Богу, что еще васъ вижу! Я думалъ, что живой не доѣду. Отпустите этихъ добрыхъ людей, и дайте мнѣ опомниться. Дайте пожить, чтобъ я могъ разсказать вамъ все — все!» — Онъ впалъ въ безпамятство отъ истощенія силъ этимъ продолжительнымъ разговоромъ. Его раздѣли, положили въ постель, привели въ чувство, напоили теплымъ чаемъ. Онъ заснулъ, но во снѣ вздрагивалъ, какъ будто отъ испуга, стоналъ и произносилъ невнятныя слова.

Князь спросилъ у провожатыхъ, кто они, и откуда привезли Берилова. Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ, что они служители живущаго на петергофской дорогѣ, коллежскаго ассесора Лемешова, у котораго Бериловъ провелъ нѣсколько дней, занимаясь работою; дня за четыре онъ занемогъ, но сегодня утромъ болѣзнь его усилилась; онъ началъ бредить, и требовалъ, чтобъ его немедленно отвезли домой. Желаніе его исполнили: дорогою онъ тосковалъ и жаловался, что живой до дому не доѣдетъ. Болѣе люди ничего сказать не могли. Ихъ отпустили.

Бериловъ проснулся чрезъ нѣсколько времени. Призвали врача: онъ нашелъ, что больной страдаетъ нервами; что болѣзнь его усилена, вѣроятно, испугомъ или какимъ либо другимъ потрясеніемъ; что она можетъ сдѣлаться опас-

ною. Это было сказано не въ присутствіи Берилова, но онъ самъ догадывался, что находится въ сомнительномъ положеніи, и лишь только собрался съ мыслями, потребовалъ, чтобъ князь непремѣнно его выслушалъ. Какая-то сверхъестественная сила оживляла его душу; мысли его были связнѣе, выраженія короче и яснѣе обыкновеннаго.

Кемскій и Алимари съ нетерпѣніемъ и страхомъ сѣли подлѣ его постели, и узнали причину страданій и испуга добраго артиста.

Онъ жилъ около мѣсяца въ Нарвѣ, у одного тамошняго помѣщика, человѣка добраго и зажиточнаго, и перерисовывалъ старинный альбомъ, въ которомъ хозяинъ его, на странствіяхъ своихъ по разнымъ землямъ Европы и Азіи, изображалъ предметы, казавшіеся ему достойными вниманія. Работа кончилась. Помѣщикъ, привыкшій въ деревнѣ разсчитывать всякую наличную копѣйку, впрочемъ тороватый на хлѣбъ-соль, заплатилъ Берилову очень скудно. Художникъ принялъ плату безъ возраженія, но на прощаньѣ замѣтилъ, что едва ли за эти деньги доѣдетъ до Петербурга. Тогда помѣщикъ взялся доставить ему случай проѣхать даромъ, и въ тотъ же день нашелъ попутчика, который согласился довезти Берилова безъ платы съ тѣмъ, чтобъ онъ, по пріѣздѣ, снялъ съ него портретъ. Что могло быть лучше этого? Простодушный Бериловъ искренно поблагодарилъ своего хозяина за угощеніе и попеченіе, и пустился въъ путь съ

новымъ своимъ знакомцемъ въ покойномъ дормезѣ, со всѣми дорожными удобствами. Этотъ новый знакомецъ былъ Лемешовъ, одинъ изъ самыхъ искусныхъ, безсовѣстныхъ и опасныхъ ябедниковъ во всей Россійской Имперіи. Онъ прiѣзжалъ въ Нарву на юридическое совѣщаніе къ сосланному туда на жительство взяточнику, имѣвшему надобность въ его пособіи для того, чтобъ низложить и уничтожить враговъ своихъ, и доказать правительству и свѣту свою честность, безкорыстіе и усердіе къ службѣ.

На первыхъ верстахъ пути, Бериловъ, при всей недальновидности своей, догадался, съ кѣмъ ѣдетъ. Коварный, звѣрскій нравъ Лемешова, гнусный образъ мыслей, самыя мошенническія правила, прикрываемыя ссылками на законы и набожными возгласами, устрашили боязливаго художника. Онъ прижался къ углу кареты, разсматривалъ лице Лемешова, на которомъ изображалась яркими чертами черная его душа, и старался затвердить въ памяти эту рѣдкую физіономію, чтобы, съ случаѣ надобности, воспользоваться ею для изображенія нечистаго духа. Онъ не могъ дождаться пріѣзда въ Петербургъ, считалъ версты съ нетерпѣніемъ. Оставалось до города семь верстъ. Бериловъ разсчитывалъ, что чрезъ часъ времени будетъ онъ въ своемъ пріютѣ, увидитъ своего ненаглядняго князя; закаивался впредъ отлучаться такъ далеко и ѣздить съ чужими людьми. Вдругъ карета своротила съ большой дороги направо. «Что это значитъ?»

спросилъ Бериловъ въ испугѣ: «развѣ нѣтъ прямой дороги?» — «Я живу на дачѣ,» холодно отвѣчалъ Лемешовъ. — «На дачѣ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ?» подумалъ Бериловъ: «странный вкусъ!» — Лемешовъ дѣйствительно жилъ на дачѣ, но не по вкусу: ему воспрещенъ былъ, за ябедничество, въѣздъ въ столицу, и онъ основалъ свой разбойничій вертепъ въ семи верстахъ отъ Петербурга. Туда являлись къ нему челобитчики за совѣтами и пособіемъ; помощники и повѣренные его, практическіе ходатаи по судамъ — за наставленіями и приказаніями.

Карета остановилась въ верстѣ отъ большой дороги, у подъѣзда огромной дачи, окруженной рощею. Бериловъ, вышедши изъ экипажа, поблагодарилъ Лемешова за одолженіе, и объявилъ, что дойдетъ до города пѣшкомъ. «А условіе написать мой портретъ?» спросилъ Лемешовъ. — «Не премину исполнить, Степанъ Назарьевичъ,» отвѣчалъ Бериловъ: «куплю новыхъ красокъ, да и кисточки мои поистерлись. Не позже недѣли явлюсь къ вамъ, и все исправлю.» — «Те, те, те!» захрюкалъ Лемешовъ: «обманешь, да въ лѣсъ уйдешь. Знаю я васъ, художниковъ: вы всѣ плуты, лѣнтяи и пьяницы. Нѣтъ, братецъ! уговоръ лучше денегъ: оставайся у меня, да исполни условіе. До окончанія портрета тебя не выпущу, а за красками и пензелями самъ пошлю въ городъ. Ты еще чортъ знаетъ какой счетъ подашь за эту дрянь!» Бериловъ ужаснулся, догадавшись, въ какія руки попалъ, но дѣлать было нечего:

онъ обязанъ былъ оставаться. Въ самомъ домѣ ожидали его картины и сцены еще непріятнѣйшія. У Лемешова была хозяйка, матросская жена, развратная, грубая, пьяная тварь, которой онъ во всемъ повиновался, и отъ этой четы произошли достойныя ея исчадія, человѣкъ шесть уродовъ физическихъ и нравственныхъ. Лемешовъ нянчился съ младшими какъ орангъ-утангъ, и съ наслажденіемъ слушалъ разсказы старшихъ о томъ, какъ они убиваютъ собакъ и кошекъ, разоряютъ птичьи гнѣзда, и крадутъ огурцы въ сосѣднихъ огородахъ. Бериловъ прилежно занялся работою, и она шла съ рукъ очень скоро, потому, что вообще звѣрей писать легче, нежели людей, да и самъ художникъ горѣлъ нетерпѣніемъ вырваться изъ этой преисподней. Отвратительныя явленія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, разстроили его нервы: онъ чувствовалъ головокруженіе и дурноту; сидя за жирнымъ обѣдомъ и ужиномъ Лемешова, который къ прочимъ нравственнымъ качествамъ своимъ присовокуплялъ обжорство и пьянство, онъ [illegible] могъ ни ѣсть, ни пить: всякая пища казалась ему тамъ отравленною. Въ одинъ вечеръ пьяный Лемешовъ подрался съ нетрезвою своею Венерою, и чуть было не прибилъ своего гостя, который хотѣлъ укрыть дѣтей отъ его бѣшенства. На другой день Бериловъ проснулся съ зарею, и раздумавъ о своемъ положеніи, чувствуя безпрерывно возрастающее изнеможеніе, рѣшился собрать всѣ силы, и въ этотъ же день кончить портретъ,

чтобы еще до вечера выбраться домой. Онъ одѣлся, сошелъ изъ свѣтелки, въ которой была отведена ему квартира, въ нижній этажъ, пробрался въ залу, гдѣ обыкновенно работалъ, и тихохонько занялся своимъ дѣломъ. Въ ближней комматѣ, отдѣлявшейся отъ залы досчатою стѣною, раздавались голоса, въ которыхъ онъ съ отвращеніемъ различилъ хриплый органъ своего хозяина. Онъ продолжалъ работу, стараясь не слушать, что тамъ говорится, но вдругъ былъ пораженъ слѣдующими словами, громко прочитанными Лемешовымъ: «А въ слѣдствіе сего и просятъ, дабы благоволено было помянутаго дядю ихъ, отставнаго полковника Князя Алексѣя, Княжъ Өедорова сына Кемскаго, яко находящагося въ сумасшествіи, въ силу высочайшаго указа Іюля 8-го 1815 года, посадить въ домъ ума лишенныхъ.» — «Браво! лихо!» закричалъ другой голосъ, и кто-то захлопалъ въ ладоши. — «Не бывалъ ли дядюшка вашъ въ Италіи?» спросилъ Лемешовъ. — «Былъ, во время Суворова,» отвѣчалъ другой голосъ: «раненъ, отдался въ плѣнъ и подъ разными предлогами шатался тамъ нѣсколько лѣтъ; отъ этого и началось разстройство нашего имѣнія.» — «Весьма хорошо и прилично,» возразилъ Лемешовъ. «Къ доказательствамъ его сумасшествія прибавимъ, что онъ находится безъ ума и памяти, въ какое безпамятное состояніе люди легко приводятся въ Италіи, какъ то извѣстно по статистикѣ.» — «Благодѣтель, спаситель мой!» закричалъ второй голосъ: «позвольте

выпить еще за ваше здоровье!» Хлопнула пробка, зашипѣло шампанское, и бокалы чокнулись.— Бериловъ, ни живой, ни мертвый, подошелъ къ стѣнѣ, отдѣлявшей его отъ разговаривавшихъ, сѣлъ на стулъ, притаилъ дыханіе, и прилежно вслушиваясь, узналъ о гнуснѣйшемъ заговорѣ противъ его друга. — У Лемешова сидѣлъ Платонъ Сергѣевичъ Элимовъ, который, за нѣсколько времени до того, принужденъ былъ выйти изъ военной службы по поводу пощечины (данной имъ или полученной — объ этомъ показанія разногласятъ), и теперь занялся устроеніемъ фамильныхъ дѣлъ. Онъ объявилъ матери, что намѣренъ спасти родовое свое имѣніе, доказавъ, что князь помѣшался въ умѣ, и даже, для общественной безопасности, долженъ быть посаженъ на цѣпь. Алевтина изумилась, испугалась, и умоляла сына бросить это намѣреніе. Даже Тряпицынъ совѣтовалъ оставить сіи экстренныя мѣры, обнадеживая Платона, что дядя его и безъ того скоро отправится на тотъ свѣтъ отъ своихъ *сумасбродныхъ воображеній*. Платонъ разбранилъ свою мать, едва не прибилъ вотчима и его наставника, и обратился съ своимъ искомъ къ Лемешову, котораго ему рекомендовали, какъ человѣка, весьма искуснаго въ веденіи тяжебныхъ дѣлъ. Платонъ производилъ это дѣло съ согласія брата и сестры, которые дали ему совершенное полномочіе, и пріѣзжая къ Лемешову по вечерамъ, просиживалъ ночи съ этимъ достойнымъ помощникомъ. Не было гнусности, кото-

рой бы они не вилели въ свое прошеніе: Ветлина объявили они побочнымъ сыномъ князя, а Хвалынскаго, управлявшаго его имѣніемъ, обвинили въ подлогахъ, кражѣ и грабежахъ, въ слѣдствіе которыхъ князь приведенъ въ совершенную нищету, отъ чего разстроенный его разсудокъ еще болѣе повредился. — Бериловъ слышалъ все это, потому, что нынѣшнее совѣщаніе было окончательное: бумаги были изготовлены, только переписать на гербовой и подать. Когда пробило шесть часовъ, Лемешовъ и Элимовъ разстались, съ неоднократными лобызаніями и увѣреніями съ одной стороны въ усердномъ стараніи и неминуемомъ успѣхѣ дѣла, съ другой въ чувствительнѣйшей благодарности.

Бериловъ видѣлъ изъ окна, какъ Платонъ Элимовъ, въ партикулярной шинели, но еще въ военной фуражкѣ, сѣлъ на парныя дрожки, и онѣ полетѣли со двора. Испуганный, встревоженный артистъ съ трудомъ взобрался въ свою свѣтелку, и тамъ, въ ужасѣ и лихорадкѣ, бросился на постель. Его долго дожидались внизу, но видя, что онъ не сходитъ, послали за нимъ слугу. Живописецъ велѣлъ сказать, что онъ боленъ, что портретъ конченъ, и что онъ непремѣнно хочетъ воротиться въ городъ. Лемешовъ не повѣрилъ слугѣ, отправился самъ къ своему гостю, и дѣйствительно нашелъ его въ величайшемъ разстройствѣ. Опасаясь слѣдствій и посѣщенія земскаго суда въ случаѣ скоропостижной смерти человѣка, забредшаго къ нему въ глушь,

онъ отправилъ его въ Петербургъ, съ двумя слугами......

Кончивъ разсказъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ своихъ, Бериловъ обнялъ князя, и вскричавъ: «Спасайтесь, спасайтесь отъ этихъ злодѣевъ!» опять лишился чувствъ.

«Вотъ вамъ,» сказалъ Кемскій другу своему: «свидѣтельство образа мыслей и дѣлъ моихъ племянниковъ.»

«Ради Бога,» возразилъ Алимари: «воспользуйтесь этимъ случайнымъ открытіемъ, и предупредите, если не несчастія, то большія непріятности. И одно свидѣтельствованіе васъ со стороны правительства будетъ для васъ тягостнѣе самаго тяжелаго процесса. Поѣзжайте, куда должно. Я присмотрю за больнымъ.»

Кемскій обѣщалъ послѣдовать этому совѣту, но не прежде того, какъ удостовѣрится, что Бериловъ пришелъ въ себя и успокоился.

LI.

Но какимъ образомъ предупредить, отклонить исполненіе адскаго замысла? Кемскій рѣшился обратиться къ Алевтинѣ, образумить, усовѣстить ее. Онъ поѣхалъ къ ней.

«Генеральши нѣтъ дома,» сказалъ ему швейцаръ: «изволили уѣхать въ благотворительный комитетъ въ пользу разорившихся въ Россіи Французовъ, а генералъ дома-съ.» —Кемскій по-

шелъ къ зятю. Въ передней не было никого; въ другихъ комнатахъ также. Князь дошелъ до кабинета, долго ждалъ кого нибудь, чтобъ о немъ сказали, но потерявъ терпѣніе, отворилъ двери кабинета, и вошелъ.

Фонъ-Дракъ сидѣлъ за столомъ, подперши руками голову, въ глубокомъ размышленіи; онъ не слыхалъ и не видалъ вошедшаго.

«Иванъ Егоровичъ!» скаалъ ему князь тихимъ голосомъ: «скажите, ради Бога, что вы со мною сдѣлали!» Фонъ-Дракъ вздрогнулъ, послышавъ звуки его голоса, вскочилъ и бросился въ его объятія: «Такъ вы все знаете, князь! Простите ли вы меня?» вскричалъ онъ голосомъ отчаянія.— «Знаю многое,» отвѣчалъ князь: «но все ли, не могу сказать.»—«Такъ я вамъ открою!» возразилъ фонъ-Дракъ. «Садитесь, выслушайте меня! Я несчастнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ. Вся жизнь моя прошла въ трудахъ, заботахъ, горѣ и страхѣ. Долѣе не могу терпѣть мученій моей совѣсти и обхожденія со мною дѣтей Алевтины Михайловны. Если бъ вы не пожаловали ко мнѣ, я самъ отыскалъ бы васъ — избавьте меня отъ адскихъ мученій. Вѣдь и у меня есть совѣсть — да-съ, есть вѣра...съ.»

Онъ былъ дѣйствительно въ изступленіи. Глаза налились у него кровью; подбородокъ дрожалъ; всѣ мускулы лица были въ движеніи. Онъ задыхался и едва могъ говорить. Что съ нимъ сдѣлалось? Отъ чего это раскаяніе, эти порывы великодушія?

Фонъ-Дракъ не былъ золъ и коваренъ отъ природы. Лишась въ дѣтствѣ своемъ отца и матери, заѣзжихъ изъ Баваріи въ полуденную Россію, онъ былъ воспитанъ чужими людьми, строго и глупо; вступилъ четырнадцати лѣтъ унтеръ-офицеромъ въ армейскій полкъ, выросъ посреди безграмотныхъ рапортичекъ, палокъ и горѣлки, никогда не видалъ ничего далѣе своей команды, никогда не разсуждалъ, не смѣлъ противорѣчить другимъ, считая себя набитымъ дуракомъ, и плылъ въ жизни по теченію обстоятельствъ. Въ немъ были начатки добра: трезвость, трудолюбіе, безкорыстіе, стараніе исполнять долгъ свой, вести себя честно и добропорядочно, угождать начальникамъ и повиноваться ихъ волѣ, но все это было заглушено чувствомъ своего ничтожества и боязнію, въ случаѣ умничанья, быть предоставленнымъ самому себѣ, и въ слѣдствіе этого умереть съ голоду. Иногда, измученный, растерзанный своими приближенными, онъ выходилъ изъ себя, но не надолго: послѣ бурнаго изліянія внутренняго негодованія, онъ впадалъ въ прежнюю безчувственность, и вновь переминалъ въ себѣ убійственную мысль: что я значу въ свѣтѣ? если меня бросятъ — я пропалъ навѣки. — По мѣрѣ приближенія старости, эти мгновенныя вспышки становились рѣже и рѣже, но тѣмъ тягостнѣе, томительнѣе было для него влачить свою безотрадную жизнь. Онъ могъ еще повиноваться Алевтинѣ, считая ее своею благодѣтельницею; могъ слушаться Тряпицына, помня, что этотъ

человѣкъ не разъ спасалъ его отъ бѣды, впрочемъ обыкновенно имъ самимъ накликанной; но обращеніе пасынковъ и падчерицы преисполняло дни его горечью и страданіями. Григорій обращался съ нимъ холодно, гордо, грубо. Платонъ смѣялся ему въ глаза, дурачилъ его при всякомъ случаѣ, и не разъ при немъ спрашивалъ мать, какъ она могла выбрать себѣ въ мужья такого болвана. Китти вторила обоимъ братьямъ. Англичанинъ, конюхъ, взятый въ домъ для обученія ея верховой ѣздѣ, къ которой она имѣла страстную охоту, и сдѣлавшійся потомъ ея задушевнымъ пріятелемъ, обходился съ нимъ, какъ съ старою негодною клячею, и, что всего болѣе оскорбляло бѣднаго старика, называлъ его при всѣхъ не иначе, какъ господинъ Дрекъ.—Главною виною безотрадности фонъ-Драка было въ немъ отсутствіе всякаго возвышеннаго, духовнаго, религіознаго чувства. Онъ рожденъ былъ въ католическомъ исповѣданіи, и находился въ дѣтствѣ своемъ нѣсколько времени на рукахъ одного ксендза, который, вмѣсто всякаго наставленія въ ученіи и правилахъ Церкви, заставилъ его вытвердить наизустъ нѣсколько латинскихъ молитвъ безъ перевода и поясненія. Въ полку онъ не могъ усовершенствовать своего духовнаго воспитанія, говѣлъ ежегодно, если случалось въ мѣстѣ стоянки полка католическая церковь, но исполнялъ это, какъ служебную обязанность: ежедневно должно быть на разводѣ, а ежегодно говѣть. Вступивъ въ бракъ съ Алев-

тиной, онъ часто принужденъ былъ слушать насмѣшки надъ папою, надъ католическими обрядами, и болѣе и болѣе отчуждался своего исповѣданія, впрочемъ не приставая и къ другому, ибо воспитатель успѣлъ внушить въ него мысль, что Римская Вѣра одна въ мірѣ истинная. — — Наканунѣ того дня, въ который явился къ нему князь, бѣдный старикъ былъ свидѣтелемъ и жертвою ужаснѣйшей сцены между Алевтиною и ея дѣтьми, требовавшими принятія крайнихъ мѣръ, для возвращенія имѣнія, отнятаго, какъ они говорили, у нихъ Княземъ Кемскимъ. Фонъ-Дракъ не могъ вытерпѣть неистовства своихъ пасынковъ, не имѣлъ и духу удержать ихъ: онъ выбрался по-тихоньку изъ комнаты, надѣлъ сюртукъ, нахлобучилъ шляпу, и вышелъ со двора. Сердце его было сжато, слезы столпились въ глазахъ, но не могли выступить; дыханіе занималось. Къ счастію, на дворѣ уже смеркалось; въ противномъ случаѣ, его могли бы почесть за сумасшедшаго. Онъ шелъ по Невскому Проспекту, самъ не зная куда. Вдругъ удары звонкаго колокола возбудили его вниманіе: онъ посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда несся звонъ, и увидѣлъ себя подлѣ паперти католической церкви. Двери церковныя были отперты. Онъ машинально вошелъ въ церковь. Въ ней господствовалъ мракъ; вдали, въ одномъ придѣлѣ теплилась лампада, и при ея мерцающемъ свѣтѣ можно было видѣть, что посреди церкви, на катафалкѣ, стоитъ гробъ. Фонъ-Дракъ сѣлъ на скамью. Вдругъ раздались

тихіе, унылые звуки органа, и проникли въ душу, непривычную къ этимъ впечатлѣніямъ, но жестокою горестью къ нимъ приготовленную. Слезы, невѣдомыя дотолѣ слезы потекли по изсохшему лицу старца: онъ самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается, что онъ слышитъ, видитъ, чувствуетъ. Влѣво отъ него, на перилахъ каѳедры, зажглась свѣчка, другая. Нѣсколько человѣкъ подошли къ каѳедрѣ; онъ за ними. На каѳедрѣ появился монахъ, человѣкъ не молодой, съ кроткимъ, страдальческимъ лицемъ, съ выраженіемъ чувства и ума въ томныхъ глазахъ. Онъ началъ говорить проповѣдь на нѣмецкомъ языкѣ. Фонъ-Дракъ слушалъ со вниманіемъ. Проповѣдникъ говорилъ о ничтожествѣ благъ земныхъ, о сокровищѣ, уготовляемомъ добрыми дѣлами на небесахъ, о томъ, что никогда не поздно приносить Богу покаяніе въ грѣхахъ своихъ, что всегда есть время человѣку исправить свои проступки, но что надобно спѣшить, не страшась навѣтовъ и гоненій свѣта: лучше погубить тѣло, нежели душу свою. —«Кто изъ васъ, любезные слушатели,» сказалъ онъ наконецъ: «можетъ быть увѣренъ, что завтра, въ эту пору, онъ не будетъ мертвъ, подобно этому усопшему брату?» и указалъ на гробъ. Фонъ-Дракъ взглянулъ въ ту сторону, и вздрогнулъ. Мысль о смерти, о Страшномъ Судѣ возникла въ первый разъ въ его умѣ, и озарила пустыню его воображенія. Проповѣдь кончилась. Онъ пошелъ вслѣдъ за монахомъ, заговорилъ съ нимъ, проводилъ его

въ келью, и просидѣлъ съ нимъ до глубокой ночи. Онъ открылъ свою душу достойному пастырю, просилъ у него совѣта и утѣшенія, и оставилъ его, перерожденный и обновленный.— Ума у него не было, но было сердце — и это сердце лежало шестьдесятъ лѣтъ подъ гнетомъ безвѣрія, людской злобы и ничтожныхъ земныхъ и свѣтскихъ привычекъ.

Проснувшись на другой день, онъ съ душевною отрадою припоминалъ вчерашній случай, повторялъ слова: лучше погубить тѣло, нежели душу свою, и сбирался непремѣнно отыскать князя, открыть ему все, и испросить у него прощеніе. Но Алевтина, но дѣти ея, но Тряпицынъ? Что скажутъ они? Эта мысль его остановила и повергла въ жестокую борьбу съ самимъ собою. Онъ велѣлъ сказать Алевтинѣ и всѣмъ домашнимъ, что онъ боленъ, что имѣетъ надобность въ отдохновеніи, и остался весь день въ своемъ кабинетѣ. Никто о немъ не заботился. Между тѣмъ страданія его дошли до высшей степени, и онъ сбирался отправиться къ вчерашнему проповѣднику, и просить у него совѣта, помощи, подкрѣпленія: вдругъ вошелъ въ его комнату Кемскій. Фонъ-Дракъ обрадовался ему, какъ ангелу-избавителю, и увѣрился, что самъ Богъ послалъ къ нему шурина его, для разрѣшенія мучительныхъ сомнѣній.

Кемскій сообщилъ ему о намѣреніи Платона посадить дядю своего въ сумасшедшій домъ. «Знаю-съ, знаю-съ,» отвѣчалъ фонъ-Дракъ. —

„Знаете, и позволяете, Иванъ Егоровичъ! На что это похоже?»—«Да какъ бы я осмѣлился?» спросилъ фонъ-Дракъ жалобно.—«Какъ бы вы осмѣлились быть честнымъ человѣкомъ! Подумайте, что вы допускали; вы, глава семейства, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, одною ногою стоите въ гробу.»—«Знаю-съ, знаю-съ,» отвѣчалъ фонъ-Дракъ: «да-съ, точно-съ, одною ногою.»—«Я никогда не имѣлъ намѣренія обижать вашу жену и пасынковъ: воля отца для меня священна.»—«Какая воля-съ?»—«Вы знаете, Иванъ Егоровичъ, что покойный мой отецъ завѣщалъ все свое имѣніе, въ случаѣ моей смерти, своей надчерицѣ. Если бъ онъ зналъ, какимъ страданіямъ и бѣдствіямъ меня подвергаетъ!»...«Знаю-съ, знаю-съ,» отвѣчалъ фонъ-Дракъ: «знаю и болѣе-съ. Батюшка вашъ никогда не оставлялъ этого завѣщанія: оно подложное.»—«Подложное? Помилуйте....»—«Точно подложное-съ. Вы его никогда не видали—не такъ ли-съ?»—«Никогда»!—«Такъ извольте знать, что все это обманъ и фальшь-съ.»

Кемскій съ изумленіемъ выслушалъ покаяніе фонъ-Драка. Отецъ его, больной, преслѣдуемый настояніями, жалобами и слезами второй жены своей, написалъ было проектъ завѣщанія въ пользу падчерцы, на случай смерти сына, но не подписывалъ его, не могъ рѣшиться на совершеніе дѣйствительнаго акта. Онъ умеръ, и чрезъ нѣсколько времени появилось его завѣщаніе, составленное подложнымъ образомъ, утвержденное не извѣстно гдѣ и кѣмъ. Нѣкому было оспоривать актъ,

нѣкому было изслѣдовать его подлинность. Княгиня Прасковья Андреевна и Алевтина Михайловна успокоивали свою совѣсть тѣмъ, что такова̀ была воля покойника, написанная собственною его рукою, а форма-де-вещь посторонняя и излишняя. Элимовъ женился на Алевтинѣ, въ той увѣренности, что все имѣніе ея вотчима принадлежитъ ей по закону. Послѣ брака сталъ онъ требовать крѣпостныхъ актовъ, но старуха княгиня не хотѣла ихъ выдать. Элимовъ, наскучивъ ея отговорками, воспользовался однажды ея отсутствіемъ, вошелъ въ ея спальню, какъ бывало въ Туречинѣ въ непріятельскій городъ, выломалъ замокъ въ коммодѣ, и вынулъ бумаги. Ничтожность этихъ актовъ узналъ онъ по первому взгляду, и въ изступленіи гнѣва хотѣлъ было все обнаружить предъ правительствомъ. Теща и жена съ трудомъ убѣдили его не губить ихъ; онъ обѣщалъ молчать, съ твердымъ намѣреніемъ объявить объ этомъ Кемскому, лишь только онъ выйдетъ въ офицеры. Между тѣмъ онъ попривыкъ къ роскошной жизни, и со дня на день отлагалъ очищеніе своей совѣсти. Однажды, раздраженный женою, онъ хотѣлъ было описать князю все дѣло; но въ ту самую минуту получилъ извѣщеніе, что пришли свѣжія устрицы. «Устрицы! Подождемъ отказываться отъ имѣнія!» пробормоталъ онъ, и поѣхалъ на биржу. — При всемъ томъ мысль объ этомъ гнусномъ обманѣ его не оставляла, и превратилась въ самое мучительное чувство, ко-

гда онъ, тяжело раненый, увидѣлъ необходимость освободить душу отъ грѣха на этомъ свѣтѣ. Онъ призвалъ къ себѣ адъютанта, и приказалъ ему, въ случаѣ его смерти, непремѣнно отправиться въ Петербургъ, и объявить женѣ и тещѣ, чтобъ онѣ побоялись Бога, и уничтожили воровской актъ; въ случаѣ же отказа, принудить ихъ къ тому сначала угрозою, а потомъ и доносомъ правительству. Можно себѣ представить, каково было ихъ смятеніе, когда фонъ-Дракъ явился къ нимъ съ этимъ порученіемъ. Онѣ ужаснулись, увидѣвъ, что чужой человѣкъ обладаетъ ихъ тайною; увѣрили фонъ-Драка, что Элимовъ, вѣроятно, въ бреду, выдумалъ эту исторію; показали ему собственнручное завѣщаніе покойнаго князя. Но этого было мало. Фонъ-Дракъ могъ, по глупости своей, разсказать тайну другимъ: надлежало связать его неразрывными узами, и Алевтина рѣшилась выйти за него замужъ. Въ послѣдствіи принуждены были открыть исторію завѣщанія Тряпицыну, и отъ этого происходило, съ одной стороны, что Алевтина ужасалась порывовъ гнѣва въ своемъ мужѣ, а съ другой, что Тряпицынъ сдѣлался властелиномъ ихъ судьбы: онъ могъ однимъ словомъ осрамить, погубить ихъ. Какъ при этомъ не вспомнить изрѣченія одного писателя, нынѣ вышедшаго изъ моды: «Только добрый человѣкъ свободенъ. Злые томятся въ цѣпяхъ, которыя они сами на себя сковали!»

Дѣти Алевтины не знали этихъ обстоятельствъ,

и полагали, что имѣніе Кемскаго принадлежитъ имъ по всѣмъ правамъ, тѣмъ болѣе, что онъ, вѣроятно, умретъ бездѣтнымъ. Они поддѣлывались къ нему, чтобъ выманить себѣ кое-что заживо; но когда эти маневры не удались, когда они увидѣли, по образу жизни князя, что дѣла его приходятъ въ разстройство, то рѣшились искать своего достоянія, какъ они говорили, путемъ законовъ.

Фонъ-Дракъ, кончивъ свою исповѣдь, прибавилъ: «Теперь я все открылъ вамъ, Князь Алексѣй Ѳедоровичъ! Душѣ моей стало легче, но что будетъ со мною, когда о моей откровенности узнаютъ Алевтина Михайловна, ея дѣти, Яковъ Лукичъ! Мнѣ и такъ житья въ домѣ нѣтъ-съ. Ради Бога, защитите несчастнаго отъ крайней погибели!» Кемскій старался увѣрить его, что приложитъ все усердіе къ огражденію его отъ преслѣдованій, и самъ, въ свою очередь, просилъ, чтобъ фонъ-Дракъ подалъ ему средства къ прекращенію этого непріятнаго дѣла. «Извольте, ваше сіятельство!» вскричалъ фонъ-Дракъ: «Я отдамъ вамъ всѣ ваши фамильныя бумаги, всѣ-съ! Покойный Сергѣй Борисовичъ наказывалъ мнѣ, въ случаѣ нужды, обратиться къ правительству, давалъ полную волю: теперь я этимъ воспользуюсь. Ради Бога, снимите съ меня грѣхъ предъ Богомъ, а тамъ (прибавилъ онъ съ трепетомъ, смотря на портретъ Алевтины, висѣвшій надъ его письменнымъ столикомъ) да будетъ воля Божья! Да-съ! Лучше погубить тѣло,

нежели душу! — Вотъ-съ,» сказалъ онъ Кемскому, подавая кипу бумагъ: «отчеты по управленію вашимъ имѣніемъ. Я составлялъ ихъ самъ, по документамъ Якова Лукича. Увѣряю васъ честью, что въ нихъ все записано. Ей Богу-съ! И они давно готовы, да-съ, готовы-съ.»—«Такъ что жъ вы мнѣ ихъ не доставляли?» спросилъ князь. — «Не посмѣлъ-съ, ваше сіятельство! Я человѣкъ военный, не законникъ, не знаю всѣхъ счетныхъ формъ — такъ я просилъ Якова Лукича просмотрѣть, да поисправить-съ. Онъ началъ было приводить ихъ въ порядокъ и около половины поочистилъ; потомъ же, какъ вы изволили съѣхать на Выборгскую Сторону-съ, такъ съ тѣхъ поръ ему не досужно было-съ. Слѣдовало бы, по надлежащемъ исправленіи, переписать на основаніи узаконеній по счетной части, да, ей Богу-съ, не могли удосужиться. Извините великодушно-съ. Потрудитесь посмотрѣть, такъ увидите-съ, а я между тѣмъ пойду въ спальню-съ, и принесу все прочее-съ. Ей Богу, такъ-съ!»

Кемскій, оставшись одинъ, началъ перебирать счеты, не думая впрочемъ повѣрять ихъ. Перевертывая листы, онъ въ самомъ началѣ остановился на расходахъ, причиненныхъ родами Наташи — смертью дочери, погибелью матери. Съ тяжелымъ вздохомъ прочиталъ онъ имена первѣйшихъ петербургскихъ врачей, которыхъ, какъ видно было изъ счетовъ, осыпали деньгами для облегченія страданій и сохраненія жизни кня-

гини. Блѣдными чернилами фонъ-Драка поставлены были суммы довольно значительныя; дегтемъ Тряпицына выправлено вдвое. Съ трепетомъ сердечнымъ князь слѣдилъ на безмолвныхъ листахъ различныя эпохи своего бѣдствія, и вовсе не думалъ огорчаться явнымъ плутовствомъ. Онъ хотѣлъ узнать, когда окрестили дочь его, когда схоронили. Первое онъ нашелъ: священнику, дьякону, дьячку и пр., въ день разрѣшенія отъ бремени, столько-то, столько-то, но далѣе слѣдъ исчезалъ совершенно. Только осталось черновое письмо Алевтины въ отвѣтъ Хвалынскому, на вопросъ о обстоятельствахъ погибели княгини. Она извѣщала его, что княгиня, испуганная по неосторожности своей собесѣдницы, разрѣшилась отъ бремени дочерью; что дочь эта скончалась чрезъ два часа послѣ рожденія, а княгиня впала въ сумасшествіе, и, по прошествіи двухъ недѣль, обманувъ окружавшихъ ее людей, вышла изъ дому и утопилась въ Невѣ. На другой день полиція нашла на берегу, подлѣ Литейнаго Двора, бывшій на ней платокъ. Тѣла не могли отыскать. — Это письмо было извѣстно Кемскому: Хвалынскій сообщилъ ему подлинникъ; но ему и страшно, и любопытно было видѣть черновое: оно было написано Алевтиною, нѣсколько разъ выправлено разными руками, и сохранилось въ бумагахъ потому, вѣроятно, что на немъ отмѣчены были нѣкоторыя выдачи. Кемскій не проронилъ ни буквы: вдругъ поразили его слѣдующія слова, руки фонъ-Драка,

написанныя карандашемъ: «Октября 23-го (это былъ день разрѣшенія Наташи) на отвезеніе младенца въ Воспитательный Домъ, 50 копѣекъ; за труды при семъ случаѣ Пелагѣѣ, 2 рубля.»

«Это что?» спросилъ онъ грознымъ голосомъ у фонъ-Драка, вошедшаго въ ту минуту въ кабинетъ съ кипою бумагъ подъ мышкою. —»Что такое-съ?» — «Какого младенца отсылали вы въ Воспитательный Домъ?» повторилъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва. —«Ей Богу, не помню-съ,» отвѣчалъ фонъ-Дракъ съ трепетомъ. —«Какъ не помните? чья же это рука?» вскричалъ онъ въ изступленіи, взявъ его одною рукою за сюртукъ, и другою показывая ему бумагу. —«Ахъ, Боже мой-съ! Откуда вы взяли эту бумагу-съ? Бѣдовое дѣло-съ!» — «Откуда взялъ? Вы сами мнѣ отдали. Скажите, что это значитъ, или я — за себя не отвѣчаю.» Фонъ-Дракъ просилъ князя поуспокоиться, и обѣщалъ все разсказать. Кемскій усмирилъ въ себѣ на время порывъ отчаянія, и выслушалъ его.

Фонъ - Дракъ признался ему, что дитя, свезенное въ Воспитательный Домъ, было — дочь его. — «Васъ считали убитымъ-съ,» говорилъ онъ: «княгиня лежала въ безпамятствѣ-съ, и мы ежеминутно ждали ея кончины. Такъ Алевтина Михайловна и Яковъ Лукичъ разсудили отдать младенца на воспитаніе-съ. Что-де онъ, то есть ребенокъ, знаетъ-съ? Какъ прожить ему въ свѣтѣ круглою сиротою-съ? Замѣнятъ ли чужіе люди отца и мать-съ! А опекуны и попечители —

все плуты-съ. Къ тому же въ то время конфирмованы были новые штаты для Воспитательнаго Дома-съ; заведены были покойныя кареты для кормилицъ — такъ и рѣшились, какъ ни жалко было-съ, новорожденнаго младенца, окрестивъ, отправить на попеченіе правительства-съ. А я впрочемъ ни въ чемъ не виноватъ-съ. Даже не могу сказать, какое было дано имя при крещеніи-съ. Ей Богу-съ!»

Кемскій сидѣлъ въ забытьи, переминая въ рукѣ бумагу. Онъ не отвѣчалъ своему зятю ни слова; вдругъ вскочилъ, схватилъ шляпу и бросился изъ дому; сѣлъ на дрожки, и велѣлъ гнать къ Воспитательному Дому. Фонъ-Дракъ изумился: князь перенесъ равнодушно потерю своего имѣнія, спокойно выслушалъ исторію фальшиваго завѣщанія, а отъ такой бездѣлицы, отъ того, что новорожденнаго, безсмысленнаго ребенка отдали въ Воспитательный Домъ, пришелъ въ бѣшенство. «Чуть ли не правъ Платонъ Сергѣевичъ!» думалъ онъ, качая головою.

Кемскій пріѣхалъ къ начальнику Воспитательнаго Дома, и просилъ его справиться по книгамъ, что сталось съ младенцемъ женскаго пола, принесеннымъ въ домъ такого-то числа, мѣсяца и года. Желаніе его исполнили безъ замедленія; но по справкѣ съ книгою, оказалось, что въ тотъ день не было принесено ни одной дѣвочки. На другой, на третій день принесено было нѣсколько. «Что значатъ нули противъ именъ въ другой графѣ?» спросилъ Кемскій.—«Сіи дѣти умерли,»

отвѣчали ему. — Онъ мялъ безмолвный листъ книги, глядѣлъ пристально на имена принесенныхъ около того времени дѣтей, и не зналъ, что дѣлать. Въ какомъ онъ былъ положеніи — сказать невозможно. Это было какое-то мертвенное оцѣпенѣніе: ему казалось, что весь міръ вокругъ него превратился въ ничто, что онъ носится въ безпредѣльномъ пустомъ пространствѣ, ищетъ чего-то глазами, слухомъ и осязаніемъ, и ничего найти не можетъ. Въ наружности это не было примѣтно; только необыкновенная блѣдность лица, неподвижность глазъ и рѣдкія вздрагиванія измѣняли внутреннему боренію. — Увѣрившись въ безполезности своихъ розысковъ, онъ вновь отправился къ зятю. Фонъ-Дракъ сидѣлъ въ кабинетѣ, и приводилъ въ порядокъ бумаги, раскиданныя неистовымъ княземъ. Кемскій объявилъ ему, что ребенка въ Воспитательный Домъ не приносили, и требовалъ подробнѣйшаго объясненія.—«Да не утратились ли книги-съ?» спросилъ фонъ-Дракъ: «въ гражданской службѣ и въ канцелярскомъ порядкѣ это иногда случается-съ!»— «Нѣтъ! нѣтъ!» вскричалъ князь: «книги цѣлы, но въ нихъ нѣтъ того, чего я искалъ. Объясните мнѣ это дѣло, или я поступлю съ вами и со всѣми вашими, какъ съ злодѣями и смертоубійцами.» — «Успокойтесь, ваше сіятельство,» отвѣчалъ фонъ-Дракъ: «мы въ скорѣйшемъ времени объяснимъ этотъ казусъ. Женщина, отвозившая новорожденную княжну въ благотворительное заведеніе, жива и находится у насъ въ домѣ-съ.

Она покажетъ вамъ по всей справедливости-съ.»— «Гдѣ она? позовите ее, ради Бога!»—Фонъ-Дракъ отправился, и чрезъ нѣсколько минутъ воротился съ старухою Егоровною, покровительницею Ветлина. Узнавъ, въ чемъ дѣло, она бросилась князю въ ноги, и молила простить ее. Князь умолялъ ее разсказать, когда и какъ она отдала ребенка въ Воспитательный Домъ. — «Виновата, батюшка, виновата! не отдавала» — «Гдѣ жъ онъ?» — «А Богъ знаетъ!»

Старуха разсказала, что по разрѣшеніи княгини отъ бремени, Алевтина призвала ее въ свою комнату, и осыпавъ, противъ обыкновенія своего, ласками, поручила ей снести новорожденную въ Воспитательный Домъ; обѣщала, въ случаѣ исполненія этого дѣла, отпустить на волю и ее и дѣтей ея, а если она не согласится или не сдѣлаетъ, грозила отдать сына ея въ солдаты, а дочь въ работу на фабрику. Егоровна слезно просила избавить ее отъ такого тяжкаго грѣха; но слово было вымолвлено, и Алевтина поклялась ей предъ образомъ, что непремѣнно исполнитъ свои угрозы. Егоровна согласилась. Алевтина сама вынесла ей ребенка, закутаннаго въ одѣяло. — Яковъ Лукичъ досталъ, неизвѣстно откуда, мертвое тѣльце, и его свезли на кладбище. — Егоровна, заглушая въ себѣ вопль совѣсти и Вѣры, отправилась съ ребенкомъ къ Красному Мосту, и искала въ обширномъ зданіи Воспитательнаго Дома того мѣста, гдѣ принимаютъ дѣтей. Нечаянно набрела она на толпу воспитанницъ, шедшихъ

по-парно по двору. На блѣдныхъ лицахъ ихъ начертаны были тоска сиротства и одиночества, отсутствіе любви родительской и благодарности, которыхъ ничѣмъ замѣнить не можно. Онѣ шли медленно, безъ всякаго выраженія дѣтской веселости; одна дѣвочка прихрамывала, другая горько плакала. Егоровна взглянула на нихъ, и ужаснулась. Она въ эту минуту вообразила, что несчастный младенецъ, который теперь покоится на рукахъ ея, обреченъ этой же безотрадной судьбѣ, что дочь Князя Алексѣя Ѳедоровича и Княгини Натальи Васильевны, добрыхъ, кроткихъ, великодушныхъ, выростетъ посреди сихъ несчастныхъ существъ, отъ которыхъ родители отказались въ часъ ихъ рожденія. Она рѣшилась не отдавать ребенка, принести его обратно домой, и объявить барынѣ, что не принимаетъ на себя этого грѣха. Дѣйствительно она воротилась домой, но лишь только вошла во дворъ, услышала голосъ Алевтины Михайловны: «Ѳедька! Дуняшка! гдѣ это запропастилась Пелагѣя! Всѣхъ пересѣку, да этого еще мало!» — Несчастная мать опрометью бросилась со двора назадъ, но въ страхѣ забѣжала не въ ту улицу; не знала, гдѣ очутилась, боялась спросить, куда итти: ей казалось, что съ одной стороны преслѣдуетъ ее полиція, съ другой Алевтина. Начало смеркаться: пора явиться домой. Въ этомъ недоумѣніи увидѣла она дрожки, отъ которыхъ отошелъ кучеръ. На дрожкахъ стояла большая корзина, прикрытая холстиною; глядь подъ холстину,

тамъ лежатъ какіе-то свертки, но есть еще мѣсто. Егоровна положила туда спавшаго ребенка, а сама опрометью побѣжала въ сторону. Раздался стукъ дрожекъ; сердце у ней сжалось; она очутилась предъ церковью Спаса на Сѣнной; шла вечерня. Бѣдная въ отчаяніи кинулась въ церковь, пала ницъ предъ алтаремъ, и молила Бога сохранить и призрѣть несчастнаго младенца. — Дома ожидала ея Алевтина Михайловна съ величайшимъ нетерпѣніемъ, и допытывалась о причинахъ замедленія. Егоровна отвѣчала, что долго не могла найти дороги, и тѣмъ дѣло кончилось. Ей дали два рубля. Сына ея отдали, по желанію его, въ ученье къ парикмахеру, а дочь въ модный магазинъ, и вообще съ тѣхъ поръ начали обходиться съ нею человѣколюбиво. Егоровна не могла утѣшиться, проклинала злодѣйку, виновницу своего грѣха, но, боясь гнѣва Князя Алексѣя Ѳедоровича за потерю дитяти, не дерзала ему открыться, какъ прежде намѣревалась.....

Кемскій былъ въ оцѣпенѣніи: онъ не слышалъ, не видѣлъ ничего, что послѣ того вокругъ него происходило. «Этого еще не доставало!» произнесъ онъ наконецъ, поводя себя руками по лбу, и какъ будто сомнѣваясь еще въ своемъ существованіи. Фонъ-Дракъ отдавалъ ему отчеты и бумаги. «На что это?» спросилъ князь. — «Не прикажете ли доставить ихъ вамъ послѣ?» молвилъ фонъ-Дракъ. — «Очень хорошо, какъ угодно!» отвѣчалъ князь, взялъ шляпу, и не простившись съ хозяиномъ, вышелъ изъ комнаты.

Фонъ-Дракъ, оставшись одинъ, почувствовалъ всю неосторожность своихъ поступковъ. Онъ самъ не зналъ, какъ случилось, что онъ открылъ князю всѣ злодѣянія жены своей. Старуха Егоровна стояла еще въ его кабинетѣ, и плакала. Вдругъ раздался подъ воротами стукъ Алевтининой кареты. «Барыня пріѣхала!» вскричала старуха съ ужасомъ, и бросилась изъ комнаты. — «Пріѣхала!» повторилъ фонъ-Дракъ съ трепетомъ: «что будетъ со мною!»

LII.

Князь воротился домой поздно. Всѣ спали. Онъ не спрашивалъ ни о больномъ, ни объ Алимари. Отдавъ Мишѣ фуражку и шинель, онъ вошелъ въ спальню, сѣлъ въ кресла и сказалъ: «Поди! я позову тебя, когда надобно будетъ.» Миша повиновался, вышелъ въ залу, и присѣлъ въ ожиданіи зову. Но князь не подавалъ ни какого знаку. Нѣсколько разъ устрашенный слуга подходилъ къ двери, и смотрѣлъ въ замочную скважину. Князь неподвижно сидѣлъ въ креслахъ, уставивъ глаза на портретъ дочери Берилова. Въ глазахъ его выражалось внутреннее бореніе; мускулы лица иногда приходили въ движеніе, но дыханіе его было свободно, и ни одинъ вздохъ не вырывался изъ груди. Видно было, что тѣло его здорово и спокойно, а страждетъ одна душа, и страждетъ жестоко. — Миша долгое время бодрствовалъ, но наконецъ долженъ

былъ уступить природѣ — уснулъ. — Проснувшись отъ дѣйствія яркихъ лучей восходящаго солнца, онъ испугался при мысли, что баринъ, можетъ быть, его не доокликался: подошелъ бережно къ дверямъ, и увидѣлъ, что князь, все еще сидя въ креслахъ, покоится тихимъ сномъ. На лицѣ спящаго изображалось спокойствіе, даже удовольствіе: казалось, сладостныя мечтанія утѣшали во снѣ его утомленную наяву душу. Въ самомъ дѣлѣ, изнеможенный сильными впечатлѣніями того дня, онъ долго сидѣлъ въ какомъ-то тягостномъ забвеніи; но когда силы тѣлесныя отказались ему повиноваться, онъ впалъ въ дремоту, и сонъ на легкихъ крыльяхъ своихъ перенесъ его въ отрадный для страдальца міръ таинственныхъ мечтаній. И тамъ сначала носился онъ надъ бездонными, темными пропастями, во мглѣ и туманѣ, разрѣзываемыхъ молніями, посреди страшныхъ чудовищъ, зіявшихъ на него кровавыми глазами, но мало по малу это броженіе стихій и враждебныхъ духовъ улеглось и стихло; воздухъ очистился; солнечные лучи освѣтили его на лугу, подлѣ оврага, гдѣ онъ игралъ во младенчествѣ. Наташа, въ черномъ платьѣ, шла подлѣ него, взявъ его подъ руку, и вела за руку прекрасное дитя, лѣтъ трехъ. Вдали, за оврагомъ, стояли Алимари и Бериловъ, и, казалось, звали ихъ къ себѣ. Это усладительное сновидѣніе не прекратилось вдругъ испугомъ или внезапнымъ потрясеніемъ, а разлилось туманными видѣніями въ глазахъ мечтателя. Спа-

чала исчезли отдаленныя лица друзей его, но тогда Наташа и дитя прижались къ нему ближе, ближе: онъ давно уже не спалъ, когда милые лики тѣснились еще къ его сердцу. Опамятовавшись, онъ всталъ, подошелъ къ окну, взглянулъ на землю, оживленную вѣчнымъ солнцемъ послѣ временнаго ночнаго сна, обратился къ портрету дитяти, приподнялъ покрывало. «Надежда!» сказалъ онъ протяжно: «не обмани меня!»— Искренняя молитва къ Богу довершила ожиданіе души и подкрѣпленіе силъ его.

Когда Алимари вошелъ къ нему въ кабинетъ, князь былъ твердъ и спокоенъ. «Что нашъ больной?» спросилъ онъ съ участіемъ. — «Не очень хорошъ,» отвѣчалъ Алимари: «испугъ подѣйствовалъ на его тѣло и на душу сильнымъ образомъ, но — странное дѣло! — дѣйствіе этого потрясенія является въ душѣ совсѣмъ не такъ, какъ въ тѣлѣ. Физическій составъ его ослабленъ, разстроенъ, раздраженъ до чрезвычайности; но душа его, нѣжная и прекрасная, теперь является во всей своей чистотѣ — и это заставляетъ меня опасаться дурныхъ послѣдствій для его здоровья и для самой жизни.—Вчера, послѣ обѣда, онъ заговорилъ со мною такъ довѣрчиво, откровенно и притомъ такъ ясно, такъ отчетисто, что я усомнился, тотъ ли это Бериловъ, о которомъ вы мнѣ разсказывали. — Онъ какъ будто спѣшитъ открыть свою душу, боится умереть, не кончивъ разсчета съ здѣшнимъ міромъ. Я спросилъ, нѣтъ ли у него родственниковъ.

«Нѣтъ!» отвѣчалъ онъ: «я выросъ въ свѣтѣ круглымъ сиротою. Меня отдали въ академію на седьмомъ году — какъ это было, что̀ происходило прежде того, не знаю. Помню только, что чувство сиротства терзало меня съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ. Наступало воскресенье, праздникъ; къ товарищамъ моимъ являлись родители, родственники, друзья, знакомые. Я былъ одинъ. Мнѣ дали по экзамену золотую медаль. Какъ охотно помѣнялся бы я этою медалью съ моимъ товарищемъ: онъ получилъ серебряную, но показалъ ее своей матери; она въ радости заплакала и обняла сына своего съ горячностію. Когда наступило время выпуска, и мнѣ слѣдовало получить свидѣтельство, я справился въ спискахъ воспитанниковъ, и увидѣлъ отмѣтку подлѣ моего имени: «неизвѣстнаго происхожденія, принятъ по приказанію высшаго начальства.» Старикъ швейцаръ академіи сказывалъ мнѣ, что меня привезъ туда старичекъ священникъ — и только. Эта неизвѣстность моего рожденія, моего званія очень меня огорчала: не зная почему, я стыдился своей безродности, и Богъ знаетъ что́ бы далъ, если бъ мнѣ можно было назвать своимъ отцемъ перваго раба или нищаго. Только въ тѣ минуты, которыя я посвящалъ занятію художествомъ, былъ я свободенъ отъ преслѣдованія этой тягостной мысли. Я не имѣлъ духу сообщить ее никому, даже благодѣтелю моему, князю, и бѣгалъ по свѣту, чтобъ уйти отъ нея.» — «Такъ у васъ нѣтъ и не было никого

родни?» — спросилъ я. — «Было одно существо,» отвѣчалъ онъ: «которое меня привязывало къ себѣ, но его ужъ нѣтъ на свѣтѣ. — Дайте мнѣ взглянуть на нее!» примолвилъ онъ: «велите принести ко мнѣ портретъ ея.» — Я снялъ со стѣны портретъ дитяти, и подалъ ему. «Наденька!» сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ: «Богъ далъ мнѣ, Богъ и взялъ тебя!» — «Такъ она умерла?» спросилъ я. — «Умерла — и не на моихъ рукахъ. Гдѣ мнѣ было усмотрѣть за ребенкомъ! Настасья Родіоновна, правду сказать, не очень хорошо и опрятно ее держала. Однажды пріѣхала ко мнѣ, для заказа работы, Графиня Елисавета Дмитріевна Лезгинова; увидѣла Наденьку, и влюбилась въ нее. Ребенокъ въ самомъ дѣлѣ былъ прекрасный, умный, ласковый. «Что это, говоритъ она, держите вы дочку такъ неопрятно?» — «Какъ мнѣ присмотрѣть за нею, ваше сіятельство? Работаю весь день, а иногда и по цѣлымъ днямъ дома не бываю.» — «У меня нѣтъ дѣтей; уступите мнѣ дочь вашу. Я буду воспитывать ее какъ родную. Давно искала я такого дитяти. Даю вамъ честное слово, что не упущу ничего для ея воспитанія, для ея счастія.» — Что мнѣ было дѣлать? Я взглянулъ на Наденьку; подумалъ: ты не въ правѣ мѣшать ея счастію! и согласился. Мы ее обмыли, вычесали, принарядили, и на другой день я свезъ ее къ графинѣ. Тамъ ее мигомъ переодѣли въ тонкое бѣлье, въ новое, щегольское платье; надавали ей сластей, игрушекъ и всего, что только вообразить можно.

Я отъ души радовался счастію бѣдной сироты. Графиня оставила меня у себя обѣдать. Въ гостяхъ у ней было множество знатныхъ людей. Трудно и неловко было мнѣ въ этой компаніи, но я надѣялся какъ нибудь высидѣть. Только, на бѣду мою, одинъ какой-то баронъ, недавно пріѣхавшій изъ Италіи, вздумалъ толковать о художествахъ, и понесъ такой вздоръ, что у меня уши завяли. Однако я скрѣпился, молчу. «Что жъ вы ничего объ этомъ не скажете, Андрей Ѳедоровичъ?» спросила графиня.—Я почелъ долгомъ сказать правду, и отвѣчалъ, что баронъ судитъ, какъ сторожъ въ академіи. Баронъ разсердился, началъ спорить, грубить; я вдвое, и кончилось тѣмъ, что насъ съ трудомъ розняли. Графиня крайне прогнѣвалась на меня за эту дерзость: баронъ былъ ей племянникъ. И если бъ она при всѣхъ не объявила, что беретъ къ себѣ дочь мою, то непремѣнно отослала бы ее назадъ. Я пошелъ домой, проклиная глупую мою запальчивость. На другой день получилъ я увѣдомленіе, что графиня уѣхала въ Ревель, и увезла Наденьку съ собою. Признаюсь въ слабости: разставшись съ бѣднымъ ребенкомъ, я мало о немъ заботился. Чрезъ годъ мѣста, получилъ я отъ графини письмо, въ которомъ она просила меня, чтобъ я отказался отъ Наденьки, чтобъ никогда не предъявлялъ на нее своихъ отеческихъ правъ, и предоставилъ ее въ полную волю графини. Я, можетъ быть, на это бы и согласился, да къ этому предложенію она прибавила обѣщаніе дать

мнѣ, въ случаѣ моего согласія, тысячу рублей. Что жъ это значитъ? Я долженъ былъ продать ее, продать этого ангела! Нѣтъ, нѣтъ, ваше сіятельство! Я написалъ къ ней письмо, то есть, написалъ его, по моимъ словамъ, одинъ мой другъ, человѣкъ умный и ученый. Письмо было написано, вложено въ конвертъ, но не запечатано; я ждалъ почтоваго дня; — вдругъ получаю отъ нея, то есть, отъ графини, письмо съ черною печатью. Что бъ это было такое? Она увѣдомляла меня, что Наденька скончалась. Жаль мнѣ ея было, да дѣлать нѣчего. Письмо мое къ графинѣ осталось неотправленнымъ. — Такимъ образомъ лишился я и одного существа, которое Богъ даровалъ мнѣ въ этой жизни. Портретъ этотъ, написанный мною очень счастливо — вотъ все, что осталось у меня послѣ Наденьки. Этотъ портретъ отдалъ я тому, кто мнѣ всѣхъ дороже, Князю Алексѣю Ѳедоровичу. Такъ! онъ дороже мнѣ всѣхъ людей въ свѣтѣ, и если мнѣ прійдется умирать, то съ нимъ однимъ мнѣ тяжело будетъ разставаться. Благодѣтель, утѣшитель мой!»

Вдругъ раздался крикъ Акулины Никитичны въ другой комнатѣ: «Помогите! помогите! кончается.»

Алимари и князь бросились къ Берилову.

Онъ лежалъ въ постелѣ, на высокомъ изголовьѣ, почти сидя. Руки его были сложены крестомъ. На блѣдномъ лицѣ вспыхивала краска. Глаза выкатились и на что-то глядѣли присталь-

но. — «Вижу,» говорилъ онъ протяжно: «вижу берегъ, конецъ. Вижу эту картину; не я писалъ ее, но я ее помню. Вотъ они — бѣгутъ за нами, злодѣи! Нянюшка, спаси меня! Не бросай — ахъ! страшно, страшно! падаю, лечу!» Онъ умолкъ, зажмурилъ глаза. Чрезъ минуту открылъ ихъ, увидѣлъ, узналъ князя, и сказалъ тихо: «Ахъ! это ты, другъ мой! Прійди ко мнѣ, въ послѣдній разъ!» Онъ протянулъ къ нему руки. Князь обнялъ его. «Какъ я радъ, что еще разъ тебя увидѣлъ!» слабымъ голосомъ произнесъ Бериловъ: «теперь — все — кончено! Прости!» Онъ покатился на изголовье. Послышалась хрипота предсмертная. Блѣдность покрыла его лице. Князь закрылъ ему глаза, со слезами искренняго огорченія. Алимари вывелъ его въ другую комнату. Князь, выплакавъ первое горе, непремѣнно хотѣлъ еще разъ взглянуть на лице добраго Берилова, пока перстъ тлѣнія еще его не коснулся. Онъ вошелъ къ нему. Алимари провожалъ его. Покойникъ лежалъ еще въ постелѣ. На лицѣ его изображались спокойствіе и удовольствіе. Уста сжаты были съ улыбкою — казалось, онъ глядитъ на прекрасную картину. Князь смотрѣлъ на него съ умиленіемъ, и припоминалъ жизнь свою, проведенную со времени знакомства съ добрымъ артистомъ. Крупныя слезы катились по его щекамъ. — «Видите ли, узнаете ли вы его, князь?» спросилъ Алимари. — «Кого?» — «Вашего брата!» — «Брата? Вы полагаете ...» — «Не полагаю, а точно знаю. И при жизни его

замѣчалъ я необыкновенное сходство съ вами, возраставшее съ теченіемъ лѣтъ, а теперь, когда смерть совлекла съ лица его случайную кору обстоятельствъ, воспитанія, привычекъ — оно приняло свой истинный, первоначальный видъ. Если бъ вы могли сами это видѣть!» Князь бросился на мертвое тѣло, и облобызалъ охладѣвшія уста. — «И я любилъ его, какъ брата!» сказалъ онъ. «Но для чего судьба не позволила намъ при жизни узнать истину?» —

«Вы знали, вы любили другъ друга!» сказалъ Алимари: «благодарите Провидѣніе.»

LIII.

Одно изъ этихъ сильныхъ потрясеній могло бы взволновать, поколебать, истерзать Кемскаго, но стеченіе всѣхъ ихъ въ одно время, произвело въ немъ какую-то сверхъестественную твердость, усилило въ душѣ его вѣру во всеблагое, неисповѣдимое Провидѣніе, и дало ему силы перенесть испытанія еще сильнѣйшія.

Мысль о дочери наполняла всю его душу, но въ душѣ его былъ просторъ и для любви братской, для дружбы и благодарности. Онъ положилъ похоронить брата своего на томъ мѣстѣ, гдѣ его лишился, и надъ прахомъ любезнымъ и драгоцѣннымъ построить храмъ, для принесенія Богу молитвъ благодарственныхъ.

По минованіи первыхъ минутъ оцѣпенѣнія,

произведеннаго неожиданнымъ жестокимъ ударомъ, друзья отправились въ комнату Берилова, чтобъ привесть въ порядокъ его имущество, принадлежащее отнынѣ дочери, которую онъ почиталъ умершею.

Это имущество состояло изъ множества рисунковъ, конченныхъ и неконченныхъ, которые во всѣхъ своихъ видахъ запечатлѣны были геніемъ творческимъ и пламеннымъ воображеніемъ. Душа Берилова жила именно въ этихъ твореніяхъ, произведенныхъ имъ не по заказу другихъ, не по влеченію нужды, но по свободному вдохновенію въ часы видѣній божественныхъ.

«Какъ вы думаете, князь,» спросилъ Алимари, перебирая прекрасные рисунки съ наслажденіемъ знатока: «обрадовало ли бы артиста открытіе его породы? Въ молодыя лѣта, не спорю. Но нынѣ, когда онъ свыкся съ своимъ благороднымъ званіемъ, оно было бы ему въ тягость и преогорчило бы послѣдніе дни его жизни. Онъ былъ бы выдвинутъ изъ своей сферы, насильно перенесенъ въ другой, чуждый міръ, а вы говорите, что онъ боялся и новаго сюртука. Одно утѣшило бы его — открытіе, что вы братъ ему; но это открытіе сдѣлалъ онъ теперь и такъ!»

«Это что?» спросилъ князь, поднявъ изъ кучи рисунковъ, которыми былъ наполненъ ветхій сундукъ, два пакета: одинъ, большаго размѣра, запечатанный и надписанный на имя Берилова. Весь онъ покрытъ былъ глазками, головками, цвѣтками, арабесками руки покойника, набросан-

ными карандашемъ, и, какъ видно было, въ разныя времена. Кемскій распечаталъ этотъ пакетъ, и нашелъ въ немъ похвальные листы воспитаннику академіи Берилову, свидѣтельство на золотую медаль, и еще нѣсколько другихъ бумагъ, при слѣдующемъ письмѣ:

«Любезный другъ, Андрей Ѳедоровичъ! При выпускѣ нашемъ изъ академіи, ты, взявъ свидѣтельство изъ рукъ президента, вышелъ въ открытыя двери, на свободу. По окончаніи акта начали тебя искать, чтобъ отдать тебѣ аттестаты и другія бумаги, можетъ быть, для тебя важныя, но не могли доискаться. Я взялся доставить тебѣ эти бумаги, но вотъ прошло пять лѣтъ, что я не могу найти тебя дома и залучить къ себѣ. Отправляясь завтра въ Италію, считаю обязанностью препроводить ихъ къ тебѣ. Остаюсь вѣрный товарищъ и другъ твой.

Василий Рифеевъ.»

18-го мая 1796 года.

«Узнаю моего друга!» воскликнулъ Кемскій: «онъ забылъ въ академіи свои аттестаты, получилъ ихъ чрезъ пять лѣтъ, и въ двадцать лѣтъ не могъ удосужиться, чтобъ распечатать пакетъ!» — Въ числѣ бумагъ была копія съ прошенія священника села Берилова, Вятской Губерніи, о принятіи сироты въ академію. Священникъ говорилъ, что въ 1772 году, спасаясь на пути изъ Астраханской Губерніи въ Вятку отъ преслѣдованій разбойничьихъ шаекъ Пугачева, онъ гдѣ-то, въ какой губерніи не помнитъ, услышалъ

крикъ младенца, остановился и нашелъ на днѣ глубокаго оврага мальчика, какъ казалось, отъ роду менѣе году, поднялъ его, и въ ту минуту раздались вопли, крики, выстрѣлы. Онъ бросился на повозку, и поспѣшилъ далѣе. По прибытіи въ домъ свой, онъ рѣшился воспитать найденыша наравнѣ съ своими дѣтьми, и дѣйствительно содержалъ его пять лѣтъ, но нынѣ, не имѣя средствъ дать ему приличное воспитаніе, проситъ о принятіи его въ Академію Художествъ, потому особенно, что ребенокъ большой охотникъ рисовать, и исписалъ дома углемъ и мѣломъ всѣ стѣны. Ребенокъ этотъ долженъ быть не изъ простаго званія: на немъ было тонкое бѣлье, помѣченное словами *Андр. Ѳед.*, и на шеѣ золотой крестъ. Его назвали, по-этому, Андреемъ Ѳедоровичемъ, а прозвище дано ему отъ села, въ которомъ онъ воспитанъ. — На просьбѣ была и резолюція И. И. Бецкаго: *Принять.*

«Теперь нѣтъ ни какого сомнѣнія,» сказалъ Кемскій: «брата моего звали Андреемъ, и, странно, когда я называлъ Берилова по имени, мнѣ иногда чудилось, что братъ мнѣ откликается.»

Алимари развернулъ другой пакетъ, незапечатанный, и надписанный: «Ея Сіятельству Графинѣ Елисаветѣ Дмитріевнѣ Лезгиновой,» и началъ читать его вслухъ:

«Милостивая государыня! Я получилъ почтеннѣйшее письмо ваше, въ которомъ вы, описывая чувства любви и привязанности къ моей Надеждѣ, изъявляете желаніе взять ее на мѣсто род-

ной своей дочери. Что могло бъ быть для меня лестнѣе и пріятнѣе! Я не въ состояніи не только дать ей порядочное воспитаніе, но и присмотрѣть за нею. И я, конечно, безъ всякаго отлагательства, согласился бы на ваше милостивое предложеніе, если бъ вы не присовокупили къ тому обѣщанія выдать мнѣ тысячу рублей, въ случаѣ моего согласія отречься отъ моей дочери, не называться отцемъ ея, уступить вамъ всѣ права, никогда не видаться съ нею. Милостивая государыня! Подумали ль вы, что вы дѣлаете? Можно ли было предлагать сіе отцу? Можно ли было вообразить, что найдется человѣкъ, который въ состояніи взять деньги за уступку своего дѣтища? И вы сдѣлали это предложеніе художнику, человѣку, обрекшему себя на служеніе благороднѣйшее въ мірѣ? Если бъ вы знали, какъ этимъ меня огорчили, то конечно почувствовали бы въ сердцѣ своемъ жесточайшія угрызенія совѣсти! — Оставьте при себѣ свои деньги! Ради Бога, забудьте, что вздумали предлагать ихъ мнѣ! — Послѣ этого вы конечно ожидаете, что я стану требовать у васъ возвращенія Надежды; что возьму назадъ слово, которымъ отдалъ ее вамъ на воспитаніе! Нѣтъ, ваше сіятельство! Пусть она останется у васъ, пусть пользуется вашими милостями, вашею любовію. Я не имѣю права лишать ее счастія, которое дано ей Провидѣніемъ, приведшимъ васъ въ домъ мой, и внушившимъ въ васъ съ перваго взгляда состраданіе и любовь къ несчастной сиротѣ. Я

*

долженъ открыть вамъ тайну, которую хотѣлъ было сохранить до могилы. Надежда не дочь мнѣ. Важное обстоятельство принуждало меня скрывать это, и только крайность, только мысль о томъ, что дальнѣйшее умолчаніе можетъ быть вредно ей самой, заставляетъ меня сказать истину. Вообразите мое положеніе. Когда ей минуло два года, я, въ одну изъ тѣхъ счастливыхъ минутъ вдохновенія, которыя и у великихъ артистовъ не часто случаются, вздумалъ написать ея портретъ — вышло одно изъ лучшихъ произведеній моей кисти, и я выставилъ это произведеніе при открытіи академіи. Президентъ нашъ, осматривая выставку предварительно, остановился предъ этимъ портретомъ, восхитился имъ, и сказалъ: «Прелестно, несравненно! Это не можетъ быть вымысломъ. Конечно это портретъ вашей дочери?» — Я былъ осчастливленъ, восторженъ привѣтомъ этого почтеннаго любителя художествъ, и въ то же время сердился на одного изъ его спутниковъ, который, ставъ между картиною и окошкомъ, загородилъ свѣтъ, и тѣмъ лишилъ ее половины достоинства. «Это конечно дочь ваша?» повторилъ президентъ. — «Точно такъ-съ, ваше сіятельство!» отвѣчалъ я, запинаясь. — «Прекрасный ребенокъ,» сказалъ онъ: «но врядъ ли въ натурѣ онъ можетъ быть такъ милъ, какъ на картинѣ.» — Я хотѣлъ прибавить, что графъ ошибается, что именно въ этотъ разъ, въ первый разъ въ жизни моей, я не успѣлъ поравняться съ природою; но онъ пошелъ далѣе,

и уже не могъ бы слышать словъ моихъ. Дня чрезъ два Государь изволилъ быть на выставкѣ, отличилъ мою работу, любовался ею, и чрезъ недѣлю я получилъ бриллiантовый перстень при запискѣ, въ которой сказано было, что я награжденъ за написанный мною портретъ моей дочери. Я душевно обрадовался царской милости — такого вниманiя я не надѣялся заслужить. Правда, перстень у меня украли изъ кармана тутъ же на выставкѣ, но бумага съ подписью начальника, за нумеромъ, осталась у меня. Въ ней Надежда именно названа была моею дочерью, названа такъ отъ имени Государя. Что мнѣ было дѣлать: объявить, что я обманулъ, оболгалъ начальство, или молчать? Я рѣшился на послѣднее. Никто не зналъ въ семъ дѣлѣ истины, кромѣ покойной моей хозяйки, Настасьи Родiоновны, и одного друга моего, который пишетъ это письмо по моимъ словамъ. — Теперь, когда нашелся случай дать Надеждѣ приличное воспитанiе, устроить ея судьбу въ будущемъ, я не смѣю долѣе скрывать истины, но прошу васъ убѣдительнѣйше сохранить тайну мою между нами. Прошло нѣсколько лѣтъ съ того времени, какъ я получилъ хвалу и награду за портретъ моей дочери. Если узнаютъ правду, я погибъ навсегда въ мнѣнiи моего почтеннаго начальника и благодѣтеля.

«Вы теперь захотите знать, чья дочь Надежда: я самъ этого не знаю. Года четыре тому назадъ, осенью, я закупалъ краски и другiя для себя

снадобья въ одной лавкѣ близъ Гостинаго Двора, и всѣ свои закупки сложилъ въ большой корзинѣ. Пріѣхавши домой и отпустивъ извощика, я внесъ корзину въ комнату, и лишь только хотѣлъ вынуть оттуда мои покупки, раздался крикъ младенца. Я перепугался до смерти. Глядь въ корзину, а тамъ, между свертками, лежитъ спеленатый ребенокъ. Я призвалъ на помощь Настасью Родіоновну; мы вынули его изъ корзинки: въ свивальникѣ торчала бумажка, на которой было написано: «Младенецъ незаконнорожденный, крещенъ, имя ему Надежда.» — Видно, ребенка положили въ корзинку, когда я былъ въ лавкѣ и извощикъ отошелъ отъ дрожекъ. Мы, съ Настасьею Родіоновною» —

Что-то грохнуло объ полъ. Алимари, прервавъ чтеніе, оглянулся. Кемскій лежалъ въ обморокѣ. Алимари бросился къ своему другу. Въ это время вошелъ въ комнату Вышатинъ и помогъ ему привести князя въ чувство.

«Гдѣ я? что со мною?» спросилъ Кемскій, открывъ глаза: «сонъ это или въ самомъ дѣлѣ? Скажите, ради Бога, Петръ Антоновичъ — и ты, Вышатинъ, точно ли?»

— «Что такое?» спросилъ испуганный Алимари: «я читалъ письмо Берилова о его дочери, а вы вдругъ» —

«Такъ это точно!» вскричалъ Кемскій: «такъ это не мечта? Бериловъ не отецъ Надежды? Онъ воспиталъ дитя, нечаянно найденное?»

«Да! онъ это писалъ къ графинѣ. Но дайте

кончить.» — — «Нѣтъ! нѣтъ!» воскликнулъ Кемскій: «довольно! Надежда дочь Наташи — дочь моя!»

LIV.

Прошло три недѣли. Вышатитъ, пріѣхавшій по первому извѣстію о болѣзни Берилова, и ненашедшій его уже въ живыхъ, сдѣлался свидѣтелемъ открытія, которое возвратило Кемскому жизнь и любовь къ жизни. Въ то же время узналъ онъ и всѣ прочія обстоятельства жизни своего друга, боявшагося дотолѣ обременять его своимъ горемъ: увидѣлъ, что бо́льшая часть этихъ непріятностей произошла отъ излишней кротости, терпѣливости и нѣжности князя, и почелъ обязанностію вступиться за него, быть его помощникомъ и руководителемъ. Онъ безъ труда растолковалъ и себѣ и другу своему дѣйствія и поступки Графини Лезгиновой: мужъ ея былъ Вышатину дальній родственникъ, и двоюродная сестра его, Марія Петровна Василькова, имѣла право на большую часть наслѣдства, оставшагося послѣ покойнаго графа.— Графиня была женщина добрая, умная, благородная, но въ то же время гордая, своенравная, повелительная: уважая внутреннее достоинство человѣка, она однако еще болѣе обращала вниманія на внѣшность. Съ мужемъ своимъ, человѣкомъ добрымъ и почтеннымъ, она разошлась за то, что онъ дурно го-

ворилъ по-французски, и нюхалъ зеленый табакъ. Чтобъ не встрѣчаться съ нимъ никогда, хотѣла она удалиться въ чужіе краи; но, не имѣя возможности исполнить это предположеніе, удовольствовалась тѣмъ, что жила въ Эстляндіи. Сердце ея искало пищи, искало существа, съ которымъ могло бы жить — и нашло его въ Надеждѣ. Дитя, прекрасное собою, привѣтливое, благодарное, вселило въ нее, можно сказать, страстную къ себѣ любовь. Неловкое обращеніе Берилова, грубая его откровенность раздражали строгую чтительницу этикета, вѣжливости и приличій; она непремѣнно хотѣла освободиться отъ посѣщеній артиста, порывалась было возвратить ему дитя, но не могла на то рѣшиться: Надежда овладѣла ея сердцемъ. Это обстоятельство усилило въ ней желаніе выѣхать изъ Петербурга, но и въ Ревелѣ она безпрерывно страшилась, чтобъ артистъ не вздумалъ какъ нибудь навѣстить дочь свою. Привыкнувъ судить о людяхъ и о вещахъ по наружности, она не могла вообразить, чтобъ человѣкъ, небрежно одѣтый, небритый и нечесаный, который не умѣетъ войти въ комнату, и управиться за столомъ съ серебряною вилкою, засовываетъ салфетку за галстухъ, и плюетъ на паркетъ и на ковры, — могъ быть благороденъ и нѣженъ въ душѣ своей. Она рѣшилась предложить ему, чтобъ онъ отрекся отъ своей дочери за хорошее вознагражденіе. Онъ долго не отвѣчалъ. Графиня приписала это молчаніе какому нибудь съ его стороны замыслу:

боялась, что онъ явится самъ, и въ надеждѣ получить большую плату, станетъ требовать возвращенія ребенка. Что было дѣлать! Графиня употребила послѣднее средство — написала къ нему, что дочь его умерла. Бериловъ не отвѣчалъ и на это: тѣмъ дѣло кончилось.

Между тѣмъ графиня тревожилась мыслію, что отецъ Надежды какъ нибудь узнаетъ о существованіи своей дочери, но лѣтъ чрезъ пять нашла она въ петербургскихъ газетахъ извѣстіе о продажѣ имѣнія безъ вѣсти пропавшаго живописца Андрея Берилова, и успокоилась. Это случилось послѣ одной слишкомъ долговременной отлучки Берилова, въ продолженіе которой скончалась Настасья Родіоновна. Его имѣніе описали и назначили было въ продажу. Въ день аукціона онъ явился изъ-за тридевяти земель, и вступилъ въ свои права. — Надежда выросла въ той мысли, что она круглая сирота, а у Берилова остались портретъ ея и темное о ней воспоминаніе. Родственники Графа Лезгинова знали, что жена его воспитываетъ бѣдную сироту, но имя и порода ея были имъ неизвѣстны. Тщеславная барыня подавала видъ, что Надежда дочь дворянина, офицера, убитаго на войнѣ.

Вышатинъ взялся увѣдомить графиню объ открытіи Кемскаго, и просить ее о возвращеніи Надежды истинному ея отцу. Кемскій хотѣлъ извѣстить объ этомъ Ветлина, но не могъ написать ничего связнаго: нѣсколько разъ начиналъ онъ письмо, и лишь только доходилъ до описа-

нія счастливаго своего открытія, голова, глаза и рука ему измѣняли. Между тѣмъ получилъ онъ отъ Ветлина увѣдомленіе, что его отправляютъ на эскадрѣ, идущей во Францію. Бѣдный молодой человѣкъ, не получая отвѣта на свои признанія, былъ въ самомъ мучительномъ недоумѣніи. Кемскій наконецъ собрался съ силами, написалъ къ нему, но уже было поздно: эскадра снялась съ якоря наканунѣ прихода письма въ Кронштадтъ.

Въ это время кончилось, къ душевному удовольствію Кемскаго, дѣло офицера, за котораго онъ хлопоталъ слишкомъ годъ. Подсудимый получилъ прощеніе въ уваженіе прежней его службы и ходатайства начальства; ему зачли въ наказаніе долговременный арестъ. «И знаешь ли, князь,» спросилъ Вышатинъ, привезшій Кемскому эту радостную вѣсть: «кому ты обязанъ счастливою развязкою? Никогда не отгадаешь! Волочкову. Жалкій этотъ лицемѣръ запутался въ собственныхъ своихъ сѣтяхъ. Въ сумасбродномъ изступленіи безпристрастія онъ хотѣлъ сдержать данное тебѣ слово — судить виновнаго, не спрашивая о его имени. Что жъ вышло? Всѣ члены суда полагали простить офицера, тѣмъ болѣе, что послѣ его проступка объявленъ былъ милостивый манифестъ. Только Волочковъ и Лютнинъ стояли на томъ, что измѣна въ полѣ противъ непріятеля не подходитъ подъ всепрощеніе.» — «И Лютнинъ?» спросилъ Кемскій въ изумленіи. «Да, Лютнинъ, то есть Пелагѣя Степановна.

Она, не знаю за что, сердится на тебя, и никакъ не позволяла мужу пристать къ большинству. Волочковъ далъ свое мнѣніе, но когда поднесли ему чистое опредѣленіе для подписанія, и онъ прочиталъ имя подсудимаго, съ нимъ сдѣлался ужаснѣйшій припадокъ. Вообрази: онъ сгубилъ было своего роднаго сына! Бѣдный офицеръ этотъ былъ плодъ древнихъ любовныхъ связей лицемѣра, воспитанъ въ провинціи подъ чужимъ именемъ, и отданъ въ военную службу. — Надобно было видѣть испугъ, ужасъ и отчаяніе Волочкова: онъ никакъ не хотѣлъ признаться въ близкомъ родствѣ съ подсудимымъ, и увѣрялъ, что только по прочтеніи опредѣленія вникъ въ точное существо дѣла. Прочіе члены порадовались образумленію Волочкова, но Пелагѣя Степановна стояла на своемъ, и онъ принужденъ былъ подарить ей прекрасную картину, которая висѣла у него въ кабинетѣ, но, по соблазнительности изображенныхъ на ней предметовъ, всегда завѣшена была покрываломъ. Она сжалилась, и Максимъ Ѳомичъ подписалъ опредѣленіе вмѣстѣ съ другими.»

LV.

Ревель.

Надежда сидѣла въ своей комнатѣ, и съ унылымъ чувствомъ смотрѣла на письмо Ветлина, прочитанное ею уже нѣсколько разъ. Онъ увѣдомлялъ ее, что нашелъ друга и благодѣтеля своего младенчества, описывалъ ей Князя Кемскаго самыми нѣжными, самыми пріятными красками: говорилъ о его умѣ и образованіи; о его сердцѣ и правилахъ; о безотрадной, одинокой его старости, услаждаемой утѣшеніями чистой совѣсти и пламенной Вѣры. — «Князь Алексѣй Ѳедоровичъ,» писалъ онъ: «осуществилъ предо мною идеалъ благороднаго, великодушнаго, истиннаго человѣка. Основательность сужденій, поэтическая мечтательность, равнодушіе къ благамъ земнымъ, и уваженіе ко всему духовному, сверхчувственному, строгость къ самому себѣ, кротость къ другимъ; безропотное перенесеніе всѣхъ страданій и искренняя признательность къ Провидѣнію за малѣйшій даръ — все это составляетъ самое благородное существо, какое только я могъ бы себѣ вообразить. И наружность его являетъ уже человѣка необыкновеннаго: высокое чело, покрытое рѣдкими сѣдыми волосами, глаза томные, но выразительные, остатокъ юношеской свѣжести на щекахъ, свидѣтельствующій о свѣжести души его; уста, окруженныя какимъ-то неизобразимымъ проявленіемъ добродушія, кротости и любви къ ближнему;

осанка благородная, воинская, неизмѣнившаяся отъ изнурительныхъ трудовъ и тяжкихъ ранъ; всегдашнее спокойствіе, пристойность, вѣжливость прошлаго вѣка. Ахъ, Надежда Андреевна! Есть еще въ свѣтѣ люди истинно благородные, и человѣчество не переродилось. Увидѣвъ моего благодѣтеля, вы со мною согласитесь.» — Далѣе Ветлинъ сообщалъ ей, что рѣшился открыть князю свое положеніе, свои надежды и ожиданія; что послалъ къ нему длинное письмо, но прошло уже десять дней, а нѣтъ еще отвѣта, Въ заключеніе онъ писалъ, что наряженъ въ походъ, что теперь отправляется неохотно, что будетъ считать дни и часы до свиданія съ своимъ благодѣтелемъ. — Въ этихъ учтивыхъ, равнодушныхъ, холодныхъ выраженіяхъ, Надежда видѣла совсѣмъ не то, что другіе: любовь по-своему читала эти шифры, въ которыхъ ни какой посторонній дипломатъ не могъ бы доискаться истиннаго смыслу.

«Пожалуйте поскорѣе къ графинѣ,» сказала ей поспѣшно вошедшая въ кабинетъ горничная. — «Что это значитъ? не сдѣлалось ли съ нею чего?» спросила Надежда въ испугѣ: графиня нѣсколько дней была очень нездорова. «Ничего-съ,» отвѣчала дѣвушка: «только онѣ-съ получили какое-то письмо изъ Петербурга, прочитали, и приказали просить васъ какъ можно скорѣе.» — Надежда полетѣла. Графиня, завидѣвъ ее, хотѣла встать съ креселъ, но не могла, упала на спинку, и залилась слезами. Письмо выпало изъ рукъ

ея. «Что это съ вами, maman!» вскричала Надежда: «вѣрно худыя вѣсти изъ Петербурга.»— «Нѣтъ, душа моя! нѣтъ, другъ мой! не худыя — отрадныя, утѣшительныя, — ты не сирота! — вотъ письмо — прочитай, что пишутъ мнѣ о твоей участи — прежней и будущей. Наденька! Богъ наградилъ тебя за любовь твою ко мнѣ.» — Надежда, не зная, что это значитъ, что съ нею дѣлается, взяла письмо, и начала читать. Выпатинъ описывалъ въ немъ всю исторію своего друга, бракъ его, несчастную кончину жены, судьбу дитяти, обстоятельства, заставившія Берилова назвать Надежду своею дочерью, и непозволившія ему открыться графинѣ; наконецъ открытіе Кемскаго, что Надежда есть дочь его, дочь, оплакиваемая съ минуты рожденія.—Прочитавъ письмо въ первый разъ, Надежда не поняла его; стала читать вновь — и завѣса спала съ глазъ ея. Она поблѣднѣла, задрожала и съ громкимъ рыданіемъ пала ницъ предъ образомъ.

Чрезъ нѣсколько часовъ пришла она въ себя: стала припоминать, размышлять, сравнивать; терла себѣ глаза, думая, что все это происходитъ во снѣ; спрашивала графиню, что съ нею дѣлается, потомъ бралась за письмо, и повторяла то, что уже знала. Свѣтъ въ глазахъ ея измѣнился; ей казалось, что она сама переродилась. Исчезло томительное чувство сиротства, одиночества, зависимости отъ людей. Она принадлежитъ отнынѣ семейству; у ней есть свои, родные; у ней есть отецъ, и этотъ отецъ человѣкъ

благородный во всѣхъ отношеніяхъ. «А маменька?» повторила она съ чувствомъ тоски и умиленія: «Маменька! ты была жертвою любви къ моему отцу, ты не хотѣла пережить меня! Маменька! теперь я тебя знаю! я горжусь тобою! Маменька моя была такова, какою я ее себѣ воображала — нѣтъ! какою я не въ состояніи была вообразить ее себѣ. Если бъ я была на нее похожа! Если бъ мой отецъ» — — Всѣ эти разнообразныя чувствованія, помыслы, страсти волновали поперемѣнно и умъ ея и сердце: она была въ неописанномъ изступленіи.

Графиня понимала ея восторги, но не могла удержаться отъ легкой укоризны. «Теперь я не нужна тебѣ, Наденька! Теперь у тебя есть отецъ, есть имя, есть состояніе.» — «Maman!» закричала Надежда съ выраженіемъ отчаянія: «не говорите мнѣ этого! Вы, вы дали мнѣ жизнь, вы ее облагородили, усладили! Вамъ обязана я всѣмъ своимъ счастіемъ, и если теперь мой отецъ найдетъ меня не недостойною своего имени, своей любви — кому я этимъ обязана? Вы будете всегда первою, первою въ моемъ сердцѣ — вы моя мать!» Она бросилась на колѣни предъ графинею, взяла ея руки, осыпàла ихъ поцѣлуями, обливала слезами.

Надежда въ тотъ же день написала къ отцу своему: самыми нѣжными и благородными выраженіями описала она ему свое сиротство, котораго не могли усладить ни какія блага этого міра, изображала сладостное чувство дѣтской

любви, возникшее въ душѣ ея не постепенно, а вдругъ, во всемъ своемъ объемѣ, какъ прекрасный цвѣтокъ, долго таившійся въ своей оболочкѣ, разверзается въ мгновеніе отъ перваго луча живительнаго солнца. — Она горѣла нетерпѣніемъ увидѣть своего отца, котораго давно уважала и любила, по сказаніямъ Ветлина; считала минуты до того блаженнаго мгновенія, въ которое заплатитъ этому благородному человѣку за цѣлые годы страданій въ одиночествѣ, но не смѣла показать того своей благодѣтельницѣ, и отъ этого боренія священныхъ чувствъ природы съ гласомъ обязанности и благодарности, въ ней возникла дотолѣ неизвѣстная ей жизнь, восторженная, напряженная: она иногда воображала себѣ, что лишается разсудка отъ столкновенія разнородныхъ ощущеній. «Ахъ, если бъ Ветлинъ былъ здѣсь!» думала она: «онъ помогъ бы мнѣ растолковать самой себѣ это бурное волненіе всѣхъ моихъ чувствованій и мыслей; онъ вывелъ бы меня на чистый, небесный воздухъ изъ этой удушливой атмосферы недоумѣнія и борьбы душевной!»

Графиня замѣтила безпокойство, тоску, принужденность Надежды, и сама освободила ее изъ затруднительнаго положенія. Не имѣя силъ ѣхать въ Петербургъ съ своею питомицею, она рѣшилась отправить ее безъ себя, и объявила ей о томъ. Надежда отвѣчала слезами: и совѣстилась показать свою радость, и не умѣла скрыть ее. Напутствуемая благословеніемъ хранительницы

своего дѣтства, она поѣхала въ сопровожденіи графининой домоправительницы.

Въ продолженіе дороги, она ничего не видала и не слыхала: не замѣтила даже, какъ переѣхала изъ Эстляндіи на русскую землю; только считала станціи и версты. На третій день въѣхала она въ Петербургъ, и остановилась въ Ревельской Гостиницѣ. Съ пятилѣтняго возраста провела она всю жизнь свою въ Эстляндіи и за границею. Огромность, великолѣпіе, блескъ и шумъ столицы ослѣпили, оглушили ее, но не изумили, не восхитили: въ ея душѣ была одна мысль: я приближаюсь къ моему отцу. Отдохнувъ и переодѣвшись въ гостиницѣ, она бросилась съ проводницею своею въ наемную карету, и полетѣла на Выборгскую Сторону. Ей казалось, что она никогда не доѣдетъ. «Скоро ли? близко ли?» спрашивала она у старушки. — «Скоро, скоро, барышня!» отвѣчала та: «вотъ Троицкій Мостъ, Петербургская Сторона, Самсоніевскій Мостъ, а тутъ и есть!»

LVI.

С. Петербургъ.

Кемскій также терзался сладостнымъ нетерпѣніемъ: порывался самъ ѣхать въ Ревель, но боялся разъѣхаться съ Надеждою, не смѣлъ просить графиню, чтобъ она привезла или прислала къ нему дочь, и желалъ, чтобъ она догадалась сама. Онъ написалъ Надеждѣ отвѣтъ, въ которомъ отражалась вся душа его, но этотъ отвѣтъ уже не засталъ ея. Въ ожиданіи ея пріѣзда, онъ устроилъ для ней комнаты, въ которыхъ жилъ Бериловъ; надъ письменною конторкою повѣсилъ портретъ Наташи, смятый французскою пулею. Графиня предувѣдомила Кемскаго, что отправляетъ къ нему дочь его, но дѣтская любовь опередила почту.

Алимари сидѣлъ въ саду на скамьѣ, подлѣ любезныхъ своихъ могилъ, и питался живительными лучами солнца. Кемскій въ раздумьѣ расхаживалъ по комнатѣ. Раздался на улицѣ звукъ ѣдущаго экипажа. Сердце его сильно забилось. Звукъ утихъ, когда карета въѣхала на немощеный дворъ. Слышится, отворяютъ дверцы, опускаютъ ступеньки. Онъ остановился съ трепетомъ. Растворяется дверь комнаты. Въ ней появляется женщина въ шляпкѣ и вуалѣ; она останавливается, поднимаетъ вуаль, вглядывается въ него. «Наташа!» восклицаетъ Кемскій, и заключаетъ дочь свою въ объятія.

Годы страданій, жестокія утраты, тяжкія раны сердца — все было забыто въ это блаженное мгновеніе, все заглажено, вознаграждено однимъ взглядомъ! — Молитва, усердная, общая молитва счастливаго отца, счастливой дочери — не краснорѣчивая, но доступная и пріятная Вѣчной Благости, заключила торжество отраднаго свиданія.

Надежда смотрѣла на отца своего съ любовію и благоговѣніемъ. Это мой отецъ, это мой другъ — это благодѣтель, хранитель Ветлина — повторяла она въ умѣ, не сводя глазъ съ прекраснаго, обновленнаго радостью мужа. — Князь глядѣлъ на нее съ чувствомъ, которому нѣтъ ни имени, ни описанія. Онъ искалъ въ лицѣ, въ глазахъ, въ осанкѣ, въ поступи ея сходства съ Наташею — и находилъ при каждомъ взглядѣ. Только Надежда казалась ему вообще живѣе, быстрѣе, пламеннѣе своей матери. Когда же слезы останавливались въ ея глазахъ — они принимали въ точности выраженіе небеснаго взгляда Наташи.

Кемскій познакомилъ ее съ другомъ своимъ, Алимари; открылъ ей, что ему одному она обязана сохраненіемъ отца своего; потомъ повелъ ее въ комнату, для нея назначенную, указалъ ей портретъ ея матери, бывшій неразлучнымъ его спутникомъ, и портретъ Берилова, который, дѣйствуя во всемъ по внушенію неизвѣстнаго ему, тайнаго чувства, сохранилъ сироту, дочь своего брата.

Радостные порывы скоро уступили мѣсто

тихому наслажденію счастіемъ отцовской и дѣтской любви, днямъ спокойнымъ, богатымъ воспоминаніями и надеждами. Отецъ и дочь въ одинъ день свыклись, какъ будто всю жизнь провели вмѣстѣ. Князь вздумаетъ сказать, сообщить, предложить что нибудь своей дочери: она объ этомъ уже думала, уже предупредила его. Веселый нравъ ея, остроуміе и прямота душевная восхищали старика. «Ты Наташа,» говорилъ онъ: «но Наташа девятнадцатаго вѣка, безпокойнаго, торопливаго. Мы встарину жили тише, едва успѣвали за временемъ, а вы его опережаете. Такъ, милая Наденька, ты мнѣ сообщила свои сердечныя склонности, прежде нежели я тебя увидѣлъ.» — «Какъ это? какія склонности?» спросила она, смутившись. — «Знаю, знаю! Будь спокойна!» отвѣчалъ онъ улыбаясь: «сердце твое найдетъ отголосокъ въ моемъ — ты будешь счастлива!»

LVII.

Вышатинъ раздѣлялъ блаженство своего друга, но не носился съ нимъ въ пространствахъ надзвѣздныхъ: теперь, болѣе нежели когда нибудь, былъ нуженъ Кемскому твердый защитникъ и ходатай; самъ онъ, предавшись сладостному чувству своего новаго существованія, не заботился ни о чемъ земномъ, ничего не помнилъ, ничего не видѣлъ. Вышатинъ взялся привести въ порядокъ дѣла его.

Сначала отправился онъ къ Алевтинѣ Михайловнѣ. Тамъ успѣли уже оправиться отъ перваго испуга, причиненнаго болтливостью Ивана Егоровича: показанія, признанія его были сдѣланы не при свидѣтеляхъ, толковалъ Тряпицынъ, слѣдственно ни какого законнаго дѣйствія имѣть не могутъ. Свидѣтельство крѣпостной женщины равномѣрно силы не имѣетъ. Вышатинъ пріѣхалъ къ Алевтинѣ въ то время, когда она была окружена всѣми своими домашними, мужемъ, дѣтьми, Тряпицынымъ и Горсомъ. Онъ былъ принятъ учтиво и холодно. На извѣщеніе его, что князь нашелъ дочь свою, отвѣчали улыбкою недовѣрчивости и жалости, а на воспоминаніе объ отсылкѣ дитяти въ Воспитательный Домъ гордымъ взглядомъ оскорбленной добродѣтели. — «Постойте же,» думалъ онъ: «васъ должно образумить геройскими средствами: нѣжность здѣсь не у мѣста.» — «Вы, какъ дама,» сказалъ онъ Алевтинѣ: «вѣроятно, не знаете ни степени преступленій, ни положенныхъ имъ по законамъ наказаній. Но вамъ, Иванъ Егоровичъ, конечно извѣстно, что за поддѣлку акта законы опредѣляютъ ссылку въ Сибирь?» Всѣ поблѣднѣли. — «Но земская давность,» произнесъ въ полголоса Тряпицынъ. — «А за продажу и залогъ чужаго имѣнія, за составленіе фальшивыхъ свидѣтельствъ о смерти человѣка, помнится, положено законами то же наказаніе. Не такъ ли, господинъ Тряпицынъ? — «Ей, ей, запамятовалъ, ваше превосходительство!» сказалъ Тряпицынъ трепещу-

щимъ голосомъ. — «Вы всѣ въ моихъ рукахъ,» произнесъ Вышатинъ твердо и равнодушно: «Князь Алексѣй Өедоровичъ имѣетъ, можетъ быть, побужденія щадить васъ, но у меня ихъ нѣтъ. Пора кончить ваши злодѣйскіе подвиги. Даю вамъ недѣлю сроку. Извольте внести все, что вы у него забрали — какъ это видно изъ бумагъ, полученныхъ княземъ отъ Ивана Егоровича,— и тогда, я даю вамъ честное слово, если хотите и письменно, что васъ оставятъ въ покоѣ. Но малѣйшее противорѣчіе или замедленіе повлечетъ за собою уголовный судъ и наказаніе.» —Тряпицынъ разинулъ ротъ:— «Ваше. . . . .»— «Ни слова! кончите добромъ или ступайте въ Сибирь!» сказалъ Вышатинъ, вышелъ и хлопнулъ за собой дверью. Всѣ были въ оцѣпенѣніи.

— «Это что такое?» спросилъ Горсъ.

— «Сибирь! ссылка!» закричала Китти: «ужасно! Вотъ, что вы надѣлали, маменька!»

— «Для кого жъ я это дѣлала, какъ не для васъ!» произнесла Алевтина съ выраженіемъ отчаянія.

— «Слуга покорный!» сказалъ Григорій: «осрамить всю фамилію, испортить всѣмъ намъ карьеру! А вы что, Яковъ Лукичъ?»

— «Смѣю увѣрить васъ, Григорій Сергѣевичъ,» отвѣчалъ Тряпицынъ: «что во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ соблюдены законная форма и указный порядокъ. И если бъ не откровенность Ивана Егоровича. . . . . .»

Платонъ расхохотался: «Нашли виноватаго!»

Это быкъ, на котораго теперь всѣ взваливаютъ свои грѣхи. Но толковать и медлить нечего. Должно все отдать, чтобъ кончить эту непріятную исторію. Мнѣ ничего не нужно. Я никого не знаю и знать не хочу: кто плутовалъ и мошенничалъ, тотъ пусть и отвѣчаетъ.»

Онъ вышелъ изъ комнаты. Григорій за нимъ послѣдовалъ.

Оставшіеся молчали, глядя другъ на друга въ недоумѣніи.

Горсъ прервалъ это безмолвіе вопросомъ Ивану Егоровичу:

«Господинъ Дрекъ! скажите мнѣ, это все равно въ Россіи — Сибирь или кнютъ?»

«Ужасно!» возопила Алевтина, и кинулась въ свою комнату.

Еще до истеченія недѣли Тряпицынъ явился къ Вышатину съ настоящимъ расчетомъ и — банковыми билетами. Вышатинъ принялъ его своимъ манеромъ: взялъ бумаги, деньги, далъ расписку, и позвавъ слугу, сказалъ: «Выпроводить этого господина со двора и впредь не впускать.»

Но отъ чего произошло такое благородное равнодушіе Платона къ семейственному достоянію? Видя запутанность дѣлъ своей фамиліи и невозможность ограбить дядю, онъ взялся за крайнее средство — рѣшился жениться на богатой купеческой дочери, на которой давно его сватали. Глупые родители пожертвовали счастіемъ своего дѣтища пустому тщеславію вы-

дать ее за благороднаго. Авдотья Кузьминична, дѣвица миловидная и не глупая, была воспитана въ модномъ пансіонѣ, то есть, выучена всему, чему можно выучить за деньги. Ее взяли оттуда наканунѣ сговора, и объявили ей, что она выходитъ замужъ. Явился Платонъ Сергѣевичъ, обошелся гордо и дерзко съ тестемъ, грубо съ тещею; но старики воображали, что благородный иначе съ ними обращаться не можетъ, и когда, по отъѣздѣ Платона Сергѣевича, бѣдная Дуняша со слезами объявила, что не въ состояніи выйти замужъ за такого ужаснаго человѣка, нравоучительная пощечина, отвѣшенная рукою нѣжной матери, заградила ей уста. На другой день былъ сговоръ; чрезъ недѣлю сыграли свадьбу. Платонъ взялъ триста тысячъ рублей наличными деньгами и два дома. Тестю и тещѣ объявилъ онъ, чтобъ они не дерзали являться у него въ домѣ, а женѣ запретилъ не только видѣться съ своими родителями, но и упоминать объ нихъ. Не было униженія и оскорбленія, которымъ бы не подвергалась несчастная жертва тщеславія родителей и жадности мужа.

LVIII.

Кемскій предался всѣмъ наслажденіямъ любви родительской, и какъ ребенокъ радовался поправленію дѣлъ своихъ стараніями Вышатина, имѣя теперь возможность окружить милую дочь свою всѣми удовольствіями свѣта. Явились великолѣпный экипажъ, блистательная прислуга, отборный гардеробъ, всѣ тѣ разнометальныя звенья, изъ которыхъ составляется электрическій столбъ, приводящій въ трепетъ женское сердце. Надежда плавала въ океанѣ развлеченій и удовольствій, и не такъ уже часто, какъ прежде, помышляла о другѣ своего сердца, плавающемъ по морю дѣйствительности. Кемскій примирился съ свѣтомъ, съ его забавами, причудами и предразсудками. При помощи Вышатина, свелъ онъ знакомство съ домами, въ которыхъ дочь его могла проводить время пріятнымъ образомъ. Изъ новыхъ знакомыхъ болѣе всѣхъ была ему по сердцу Марія Петровна Василькова, главная участница въ процессѣ съ графинею. Надежда воспользовалась этимъ знакомствомъ, чтобъ примирить свою благотворительницу съ родственниками ея мужа, и успѣла въ этомъ лучше всякаго мирнаго судьи, потому что поводомъ къ раздорамъ и требованіямъ были не столько жадность къ пріобрѣтенію, сколько гордость и упрямство, непозволявшія уступить имѣніе въ чужой родъ. Надежда подружилась съ Маріею Петровною, познакомила ее заочно съ

противницею ея, которой она не знала и никогда не видала; успѣла увѣрить, что графиня желаетъ сохранить только законно причитающуюся ей часть имѣнія, а остальное отдастъ безпрекословно роднѣ своего мужа. Марія Петровна, полюбивъ Надежду, убѣдилась ея доводами, и склонила прочихъ участниковъ къ миру и къ уступкѣ болѣе противъ того, что графинѣ причиталось дѣйствительно. Надежда, восхищенная мыслію, что успѣла отчасти возблагодарить своей благотворительницѣ, привязалась къ Маріи Петровнѣ, женщинѣ умной, образованной и добродѣтельной, бывала у ней ежедневно, ѣздила съ нею въ общества, проводила съ нею и часы уединенія. Кемскій радовался этому знакомству, и съ удовольствіемъ душевнымъ слѣдилъ дочь свою во всѣхъ ея дѣлахъ, помыслахъ и чувствованіяхъ: во всемъ проявлялись чистая душа, свѣтлый умъ, доброе сердце!

Но эти удовольствія были непродолжительны: посѣщая свѣтскія собранія, князь не могъ не встрѣтиться съ своими злодѣями-родственниками, которые, какъ драконъ Лаокоона, обвили змѣиными головами своими его и все его семейство, и смертоноснымъ жаломъ дощупывались сердца, чтобъ излить въ него весь ядъ свой. Мучительное свиданіе произошло въ одномъ большомъ собраніи, на дачѣ, куда Кемскій поѣхалъ съ дочерью, въ сопровожденіи Вышатина и Маріи Петровны. Погода сдѣлалась ненастною, холодною; молодые люди затѣяли танцы, старики

расположились за картами. Кемскій бесѣдовалъ съ Вышатинымъ и еще нѣкоторыми пріятелями въ отдаленной комнатѣ, и слыша веселые звуки фортепіана, порывался отправиться въ танцовальную залу, чтобъ взглянуть на веселящуюся Надежду. При первомъ перерывѣ разговора, онъ исполнилъ свое желаніе: вошелъ въ залу, отыскалъ Надежду, прыгавшую въ кадрилѣ, и провожалъ ее глазами и сердцемъ. Кончивъ туръ, она сѣла на стулъ, и оглянувшись назадъ, съ улыбкою отвѣчала одной дамѣ, которая съ нею заговорила. Кемскій всмотрѣлся въ эту даму, и обмеръ: это была Алевтина Михайловна. Она давно искала случая видѣть Надежду, и невзначай нашла ее въ этомъ домѣ; умѣла завлечь ее въ разговоръ, заинтересовать ее, не давая знать, кто она сама. Надеждѣ понравились ея тонъ, образованность, умъ, привѣтливость: она влеклась къ ней, какъ птичка въ пасть удава. Князь, избѣгая гласной сцены, отыскалъ Марію Петровну, и просилъ ее, ради Бога, увезти Надежду домой; но это было невозможно: надлежало оставаться нѣсколько времени. Кемскій, терзаемый самыми мучительными чувствами, сталъ за стеклянною дверью, и наблюдалъ, что происходитъ въ залѣ. Алевтина разсказывала Надеждѣ что-то забавное и пріятное. Простодушная княжна, слушая ее внимательно, смѣялась отъ души. Въ противоположномъ концѣ залы сидѣла Китти и, съ выраженіемъ злобы и бѣшенства на лицѣ, смотрѣла въ лорнетъ на Надежду. Подлѣ нея

сидѣла жена Платона, погруженная въ грустную думу, а самъ Платонъ стоялъ позади стула сестры, посматривая на Надежду, наклонялся, и говорилъ что-то сестрѣ на ухо: его замѣчанія производили на устахъ Китти ядовитую улыбку. Надежда была словно жертва, привязанная очарованіемъ къ столбу, и служившая цѣлію тупымъ стрѣламъ свирѣпыхъ дикарей. При первой возможности, Марія Петровна подошла къ Надеждѣ, и сказала ей, что отецъ ея хочетъ ѣхать домой. Кемскій видѣлъ, какъ Алевтина уговаривала ихъ остаться еще нѣсколько времени, какъ Надежда извинялась; наконецъ Алевтина, видя ея непреклонность, простилась съ нею, обняла ее; онѣ поцѣловались. Ударъ кинжала въ сердце не могъ бы поразить Кемскаго такъ, какъ это лобызаніе невинности, добродѣтели и простодушія съ порокомъ, злобою и коварствомъ. Надежда вышла изъ залы, и подала руку отцу съ словами: «Какъ мила эта дама, съ которою я познакомилась! Жаль, что я не знаю, кто она!» — «Узнаешь!» сказалъ Кемскій голосомъ, который привелъ ее въ трепетъ. Она взглянула на отца, увидѣла, что онъ блѣденъ, смущенъ, разстроенъ; вообразила, что онъ нездоровъ, и спѣшила отправиться домой. Въ другой комнатѣ должно было дожидаться Маріи Петровны, которая заговорилась между тѣмъ съ хозяйкою. Кемскій горѣлъ нетерпѣніемъ бѣжать изъ этого дому, какъ будто за нимъ гнались непріятели. Надежда молчала, робко посматривая на отца. Вдругъ раз-

дался за ними громкій голосъ Платона Элимова: «Не дивитесь, что онъ, увидѣвъ насъ, бѣжитъ отсюда! Вообразите, онъ имѣлъ дерзость привести въ порядочный, благородный домъ свою побочную дочь! И послѣ этого вы спрашиваете, почему мы съ нимъ разстались? Вотъ добродѣтели вольтеровскаго вѣка!» — Терпѣніе Кемскаго лопнуло; онъ оборотился, чтобъ дать отвѣтъ, но, къ счастью, увидѣлъ предъ собою Вышатина съ сестрою: «Владиміръ Павловичъ!» сказалъ онъ съ выраженіемъ сильнѣйшаго негодованія: «Вы знаете меня, знаете, съ кѣмъ я сюда пріѣзжалъ, и почему бѣгу изъ этого дому. Вамъ предоставляю оправдать меня передъ хозяевами!» — Сказавъ эти слова, онъ поспѣшилъ съ Надеждою и Маріею Петровною изъ дверей, сѣлъ въ карету, и велѣлъ гнать, что есть силы. Дорогою открылъ онъ Надеждѣ, что она сидѣла подлѣ виновницы ея сиротства и всѣхъ бѣдствій ея родителей. Надежда узнала въ эту минуту всѣ подробности страданій своего отца и злобы его родственниковъ; узнала, что на щекахъ ея горѣли поцѣлуи губительницы ея матери! — Ночь была ненастная и бурная; вѣтеръ вылъ; дождь и градъ били въ стекла кареты. Князь завезъ домой Марію Петровну, и отправился на Выборгскую Сторону; но Воскресенскій Мостъ былъ разведенъ, и онъ долженъ былъ дожидаться въ каретѣ. Надежда, испуганная и встревоженная неожиданнымъ случаемъ, не говорила ни слова, прижалась въ уголъ кареты, и уснула отъ уто-

мленія. Кемскій долго не могъ прійти въ себя. Въ туманѣ, окружавшемъ его, долго чудились ему страшныя видѣнія; они разсѣялись при первомъ свѣтѣ утренней зари, и ангельскій ликъ Наташи съ улыбкою утѣшенія на устахъ затрепеталъ предъ усталыми его вѣждями. — «Готово!» закричалъ мостовой унтеръ-офицеръ; карета полетѣла по мосту, и мечты исчезли.

По удаленіи Кемскаго, Вышатинъ, огорченный и раздраженный до крайней степени, пошелъ за Платономъ Элимовымъ; но этотъ гнусный человѣкъ, по благому обычаю всѣхъ дерзкихъ подлецовъ и трусовъ, искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Вышатинъ не нашелъ въ залѣ ни Платона, ни родныхъ его: они выбрались изъ дому по заднему крыльцу. Вышатинъ громогласно объявилъ хозяину и хозяйкѣ о причинѣ удаленія князя, и поспѣшнаго бѣгства Платона: разсказалъ въ короткихъ словахъ исторію своего друга, и просилъ всѣхъ и каждаго изъ присутствующихъ стараться о разглашеніи истины, для оправданія добродѣтели и обличенія порока. Всѣ слушали его со вниманіемъ, какъ обыкновенно слушаютъ всякую *скандалёзную* исторію; но дѣйствіе пламенной рѣчи не соотвѣтствовало его намѣренію и ожиданію: половина присутствующихъ не поняла его, другая нашла, что разсказъ Платона Элимова вѣроятнѣе и интереснѣе, и на другой день непріятная для Кемскаго сцена разошлась по городу въ тысячѣ разныхъ изданій, съ перемѣнами, опущеніями и прибавленіями. Вы-

шатинъ, выведенный изъ терпѣнія, измѣнилъ въ семъ случаѣ всегдашнему своему благоразумію и осторожности, и надѣлалъ другу своему болѣе вреда, нежели сколько могъ сдѣлать пользы.

Платонъ не унялся этимъ урокомъ: напротивъ того, хотѣлъ оправдаться дерзостью и безстыдствомъ; старался вездѣ встрѣчаться съ Кемскимъ и его дочерью, смотрѣлъ на нее съ гордостію и презрѣніемъ, смѣялся въ глаза дядѣ. Къ довершенію своихъ преслѣдованій, вздумалъ онъ поселиться подлѣ нихъ, чтобъ измучить, истерзать ихъ своимъ безпрерывнымъ присутствіемъ. Вышатинъ, узнавъ объ этомъ, поклялся, что проучитъ негодяя, хотя бъ это стоило ему собственной его жизни.

Кемскій увидѣлъ себя въ самомъ непріятномъ, въ самомъ тягостномъ положеніи. Дочь его, жившая сиротою въ довольствѣ и спокойствіи, сдѣлалась нынѣ предметомъ клеветы и жертвы злодѣевъ. Другъ его, Вышатинъ, подвергался самымъ жестокимъ непріятностямъ. А Ветлинъ! Счастье, что его нѣтъ въ Петербургѣ: онъ не кончилъ бы добромъ съ Элимовымъ. Алимари видѣлъ недоумѣніе и страданія своего друга, и старался ободрить, успокоить его своимъ участіемъ, но не успѣлъ въ томъ. Наконецъ подалъ онъ ему совѣтъ уклониться отъ своихъ враговъ, оставить Петербургъ на нѣсколько времени, и если нужно ему жить здѣсь, то воротиться не прежде замужества своей дочери. Эта мысль понравилась и князю, и Вышатину, и Надеждѣ,

которая терзалась страданіями отца своего болѣе, нежели онъ самъ. Кемскій рѣшился исполнить давнишнее свое желаніе — отправиться въ симбирскую свою вотчину, и провести тамъ лѣто. Ветлина ждали съ часу на часъ. Кемскій оставилъ письмо къ нему у Вышатина: извѣщалъ его о своемъ отъѣздѣ, просилъ взять отпускъ и ѣхать къ нему; говорилъ, что въ ожиданіи его, останется нѣсколько времени въ Москвѣ. — — Всего труднѣе была для Кемскаго разлука съ любезнымъ ему Алимари. — «Увижу ли васъ еще въ этой жизни?» говорилъ онъ, прижимая старца къ своему сердцу. — «Это извѣстно Богу,» отвѣчалъ Алимари: «съ радостью увидѣлся бы я съ вами еще разъ, но если этого не случится, утѣшьтесь мыслію, что въ то время, когда вы вздохнете о разлукѣ со мною, буду я у Антигоны и дѣтей моихъ. Тамъ мы увидимся навѣрное!»

LIX.

Москва.

Надежда, въ этихъ обстоятельствахъ охотно оставила Петербургъ: жаль ей было только, что свиданіе съ Графинею Лезгиновою отлагается на долгое время, и еще, что разлука съ Ветлинымъ продолжится сверхъ обыкновеннаго; но всѣ эти сожалѣнія заглушались мыслію, что спокойствіе отца зависитъ отъ ея доброй воли.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ непріятной сцены съ Элимовымъ были они уже въ Москвѣ. Надежда нашла тамъ еще болѣе пищи своему сердцу и воображенію, нежели на берегахъ Невы. Переселеніе ея въ Петербургъ произошло такъ внезапно, посреди такихъ сильныхъ душевныхъ волненій, что она не могла ни подивиться сѣверной столицѣ, ни насладиться ею. Въ Москвѣ было иное: она пріѣхала туда довольная, спокойная, счастливая. Видѣть Москву было давнишнее ея желаніе. Воспитанная на чужбинѣ, далеко отъ родной стороны, пламенная патріотка не знала ничего выше, любезнѣе, святѣе Руси Православной, и не понимала, какъ можно говорить равнодушно о Кремлѣ, объ Успенскомъ и Архангельскомъ Соборахъ, о Новодѣвичьемъ Монастырѣ, даже о большой московской пушкѣ. Лѣтнее время благопріятствовало ея поэтическимъ наблюденіямъ и мечтаніямъ: ни какія собранія, вечеринки, спектакли не развлекали ея наслажденій. Съ одною знакомою Марьи Петровны, всегдашнею жительницею Москвы, она ѣздила по

городу и его окрестностямъ, и осматривала всѣ ихъ достопамятности. Отецъ радовался ея развлеченіямъ, но самъ не могъ раздѣлять ихъ: онъ хлопоталъ въ московскихъ присутственныхъ мѣстахъ по запутаннымъ дѣламъ своимъ. Надежда, набожная и благочестивая, начинала всѣ свои прогулки и поѣздки слушаніемъ обѣдни въ которомъ либо изъ монастырей московскихъ или загородныхъ. Служба въ монастыряхъ женскихъ, которыхъ она дотолѣ не видала, преисполняла ея душу неизъяснимою сладостью. Когда она была въ первый разъ у обѣдни въ Вознесенскомъ Монастырѣ, въ Кремлѣ, ей казалось, что она перенесена въ другой, лучшій міръ. Тихое пѣніе монахинь настроило душу ея къ благоговѣнію; строгія, но спокойныя лица старицъ, осѣняемыя флеромъ, выходъ ихъ предъ священникомъ со свѣчами въ рукахъ, паденіе ихъ ницъ предъ алтаремъ въ безмолвной молитвѣ, — все это возносило ея чувства къ небесамъ, и переселяло воображеніе въ давноминувшія времена: въ отшельницахъ отъ здѣшняго міра чудилась ей Царевна Софія Алексѣевна, Царица Евдокія Ѳедоровна или иная изъ древнихъ Россіянокъ, испытавшихъ тщету земнаго величія, и въ тиши уединенія нашедшихъ отраду своимъ страданіямъ. Сердце ея трепетало при взглядѣ на сихъ жилицъ инаго міра. Она остерегалась близко знакомиться съ монахинями, чтобъ не разрушить своего набожнаго очарованія, избѣгала случаевъ говорить съ ними о предметахъ жизни обыкно-

венной, и только немногихъ старицъ посѣщала въ ихъ келіяхъ; къ двумъ, къ тремъ питала она душевное уваженіе и искреннюю дружбу. Но нигдѣ умъ, воображеніе и сердце ея не были такъ очарованы и восхищены, какъ въ одномъ загородномъ монастырѣ, верстахъ въ сорока отъ Москвы. Посреди густаго лѣса возвышается древнее зданіе, посвященное уединенію и молитвѣ; съ одной стороны простирается прекрасный видъ на нѣсколько верстъ; внизу, подъ горою, течетъ рѣка. Церковь монастырская, сооруженная въ средніе вѣки, мрачная и угрюмая, едва освѣщается скудными лампадами. Кельи инокинь устроены въ стѣнѣ, служившей встарину оградою монастырю, и нынѣ во многихъ мѣстахъ обрушившейся. Игуменья монастыря, почтенная и умная старушка, приняла княжну и ея спутницу ласково и радушно. Пѣніе въ церкви было необыкновенно пріятное и гармоническое. Надежда не могла удержать слезъ своихъ при звукахъ, которыми отшельницы отъ міра, среди глухой пустыни, возсылали хвалы и молитвы къ Богу-сердцевѣдцу. Умиленіе ея не укрылось отъ монахинь. Одна изъ нихъ, стоявшая подлѣ клироса, поглядывала на нее съ особеннымъ участіемъ, радуясь, какъ видно, изліянію благоговѣйныхъ чувствъ въ молодой, свѣтской дѣвицѣ. Надежда, замѣтивъ это вниманіе, вглядѣлась пристально въ лице ея. Монахиня была женщина не молодая, но прекрасная собою; не безусловное обреченіе себя вѣчному одиночеству, а глубокое бла-

юговѣніе изображалось въ правильныхъ чертахъ лица ея, въ томныхъ глазахъ, измѣнявшихъ скрытой повѣсти долголѣтнихъ страданій. Благородная осанка, величественный взглядъ, нѣжная рука, всѣ пріемы и движенія обличали женщину свѣтскую, образованную. — Обѣдня кончилась. Монахиня, выходя съ сестрами, взглянула еще разъ на княжну съ ласкою и любовью. — Игуменья пригласила посѣтительницъ въ свою келью, гдѣ ожидала ихъ трапеза скудная, приправленная искреннимъ гостепріимствомъ и простительнымъ, въ самыхъ отшельницахъ, любопытствомъ узнать, что дѣлается въ свѣтѣ. Гостьи удовлетворили этому желанію хозяйки, и, въ свою очередь, стали распрашивать ее о житьѣ-бытьѣ монастырскомъ. Игуменья подробно описала имъ немногія достопамятности своей обители, собственную свою жизнь въ свѣтѣ и въ монастырѣ, свойства и обычаи своихъ старицъ и бѣлицъ, жаловалась на нѣкоторыхъ, хвалила другихъ. Надежда полюбопытствовала узнать, кто та прекрасная, почтенная монахиня, которая стояла подлѣ нея въ церкви. — »Это, къ сожалѣнію моему,» отвѣчала игуменья: «не изъ моихъ, — гостья. Она пріѣхала издалека въ Москву за семейными дѣлами; привыкнувъ къ тишинѣ, не могла оставаться въ шумномъ городѣ, и переѣхала къ намъ. Вотъ уже двѣ недѣли, что она живетъ у меня, и съ каждымъ днемъ я привязываюсь къ ней болѣе и болѣе: набожная, добродѣтельная, скромная, умница. Зовутъ ее Еленою; болѣе я о ней

ничего не знаю. Нѣсколько разъ пыталась я расспросить ее, кто она такова, откуда и зачѣмъ пріѣхала, но не могла собраться съ духомъ: она внушаетъ мнѣ такое почтеніе ко всему существу своему, что я не могу обращаться съ нею запросто, какъ съ другою. По всему видно, что она воспитана въ знатности и въ богатствѣ; что жестокія потери и страданія заставили ее покинуть свѣтъ, но кажется, какая-то надежда на примиреніе съ судьбою еще не совершенно ее оставила.» Словоохотная старушка, осыпая хвалами сестру Елену, нечувствительно перешла къ прежнимъ разсказамъ о своихъ монахиняхъ, которыя составляли для нея весь міръ.. — Послѣ обѣда повела она посѣтительницъ своихъ въ кельи, входила къ монахинямъ; онѣ разговаривали съ Надеждою и ея спутницею, но молодая княжна, безъ вѣдома своего, стремилась мыслію къ сестрѣ Еленѣ, «Вотъ ея келья,» сказала въ полголоса игуменья, проходя мимо двери: «но я не смѣю ея безпокоить.» Въ эту самую минуту дверь растворилась. Сестра Елена, послышавъ голосъ игуменьи, вышла къ нимъ и пригласила ихъ къ себѣ. Надежда съ какимъ-то неизъяснимымъ трепетомъ вошла въ укромное жилище благочестія и добродѣтели. Елена привѣтствовала гостью свою голосомъ, который проникъ до глубины ея сердца — такъ онъ былъ нѣженъ, пріятенъ, выразителенъ. «Я не думала принимать въ этой уединенной обители такихъ милыхъ гостей,» сказала она. — «Ахъ! если бъ вы знали,» съ живостью

отвѣчала Надежда: «какъ меня восхищаетъ это уединеніе! Я выросла на чужбинѣ, посреди людей добрыхъ и почтенныхъ, но не Русскихъ. Русское Отечество, Русская Вѣра, Москва, Волга — съ дѣтскихъ лѣтъ были предметомъ всѣхъ моихъ мыслей, могу сказать, моего обожанія. И теперь я увидѣла все это на самомъ дѣлѣ. Теперь узнала въ отечествѣ моемъ людей, съ которыми желала бы породниться, если бъ родилась Англичанкою или Италіянкою. А они мнѣ свои, родные!» Она бросилась въ объятія Елены, и съ дѣтскою нѣжностію поцѣловала ей руку.

«Тамъ, гдѣ я воспитана, прибавила она: «это назвали бы предразсудкомъ, суевѣріемъ; но я чувствую, знаю, увѣрена, что такъ быть должно.» — «Такъ быть должно!» сказала Елена своимъ очаровательнымъ голосомъ: «чтите эти предразсудки, храните это суевѣріе! Берегитесь привязываться къ тому, что въ свѣтѣ называется существеннымъ. Всего для насъ святѣе Религія, отечество, любовь къ отцу и матери.» — Къ матери!» воскликнула Надежда: «у меня нѣтъ матери! Я ея не видала, но нѣтъ — я ее знаю! Я ношу образъ ея въ моемъ сердцѣ; въ толпѣ людей ищу той, которую желала бы имѣть матерью, съ которою она, невиданная, незабвенная, имѣла сходство душевное.» — «И конечно не находите?» сказала Елена. — «Не находила до нынѣшняго дня!» воскликнула Надежда, приникла къ монахинѣ, и покрыла руки ея жаркими поцѣлуями. Сестра Елена прижала ее съ нѣжностью

къ груди своей. «Милое, милое дитя!» повторяла она, лобзая ея щеки, горѣвшія пламенемъ искренняго чувства и орошенныя слезами душевнаго восторга: «да утѣшитъ тебя Богъ въ твоемъ сиротствѣ!» — И игуменья, и спутница княжны были тронуты этою умилительною сценою. Онѣ пробыли у Елены нѣсколько времени, въ кроткой, усладительной бесѣдѣ. Наконецъ спутница напомнила Надеждѣ, что пора ѣхать въ городъ, что отецъ ея можетъ потревожиться продолжительнымъ ея отсутствіемъ. «Ахъ, точно!» сказала Надежда, испугавшись: «онъ не знаетъ, гдѣ я. Сохрани меня Богъ, быть причиною его безпокойства!» — Елена смотрѣла на нее съ выраженіемъ искренней любви. «Счастливъ отецъ такой дочери!» произнесла она протяжно. Надежда простилась съ нею, обѣщаясь посѣщать ее какъ можно чаще, и поспѣшила въ городъ.— Во всю дорогу она то говорила о сестрѣ Еленѣ, то задумывалась и мечтала о ней. «И эта почтенная, прекрасная женщина обречена на вѣчное затворничество! И свѣтъ не знаетъ, какимъ сокровищемъ обладалъ въ ней!» — Спутница замѣтила, что Елена не пострижена, что она еще не вовсе отреклась отъ міра.

Пріѣхавъ домой, Надежда съ радостію узнала, что отецъ ея еще не возвращался домой, слѣдственно не могъ обезпокоиться ея продолжительнымъ отсутствіемъ. Онъ къ вечеру пріѣхалъ, и былъ встрѣченъ привѣтомъ милой дочери. Кемскій сѣлъ у окна, посадилъ дочь свою къ себѣ

на колѣни, и съ сердечнымъ наслажденіемъ слушалъ ея разсказы о сестрѣ Еленѣ. — «Ахъ! какое прекрасное существо!» сказала Надежда съ восторгомъ: «такою я воображаю свою маменьку!» — Князь поцѣловалъ дочь свою, обратилъ взоры въ окно, и вдругъ задумался. Что-то грустное, страшное мелькало у него въ глазахъ. Надежда испугалась, смотрѣла на него пристально, не смѣя спросить о причинѣ внезапной его задумчивости. Онъ всталъ; не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты, въ сѣни, съ крыльца, на улицу..... Надежда послѣдовала за нимъ съ трепетомъ, и остановилась въ воротахъ.

Что сдѣлалось съ княземъ? Въ ту минуту, какъ Надежда, съ безпечностію юныхъ лѣтъ, тронула самую нѣжную струну его сердца, и звукъ ея глубоко отозвался въ душѣ его, онъ выглянулъ въ окно, на улицу. Что-то знакомое, давно виданное проснулось въ душѣ его. Онъ сталъ всматриваться, и увидѣлъ, что находится въ прежнемъ жилищѣ своихъ родителей, что сидитъ у окна, которое съ младенческимъ любопытствомъ отворилъ въ страшное время чумы; что насупротивъ этого окна домъ съ балкономъ, съ котораго бросилась на мертвое тѣло черная женщина. Онъ всталъ въ раздумьѣ, и самъ не зная зачѣмъ, пошелъ на улицу; подошелъ къ дому съ балкономъ и смотрѣлъ вверхъ; только балконъ, въ младенчествѣ казавшійся ему высокимъ, теперь представился гораздо ниже. Балюстрада быяа снята....

Вдругъ растворились двери на балконѣ. Въ нихъ появилась женщина въ черномъ платьѣ, взглянула на Кемскагѡ, и бросилась къ нему съ громкимъ крикомъ.

Онъ подхватилъ ее, взглянулъ ей въ лице. Въ его объятіяхъ лежала Наташа!

LX.

С. Петербургъ, Октября 1799.

Нѣсколько недѣль не получали въ Петербургѣ ни какихъ извѣстій изъ арміи нашей: оставивъ Италію, она двинулась въ ущелія Альпійскихъ Горъ, и тамъ боролась съ враждебными людьми и стихіями. Въ это время обнародованъ былъ списокъ офицеровъ, раненыхъ и убитыхъ въ разныхъ сраженіяхъ сей знаменитой кампаніи. Въ числѣ послѣднихъ былъ Князь Кемскій. Иванъ Егоровичъ фонъ-Дракъ, прочитавъ списокъ въ газетахъ, приказалъ навязать флеръ на шляпу, на ефесъ шпаги и на лѣвый рукавъ своего мундира, и въ траурной формѣ явился къ Алевтинѣ Михайловнѣ за приказаніями. «Это что?» вскричала она въ радостномъ изумленіи. — »Къ общему сожалѣнію,» — началъ Иванъ Егоровичъ: «въ цвѣтѣ лѣтъ, храбрый защитникъ отечества,» — на этомъ словѣ риторика его споткнулась: — «то есть отечества-съ» мямлилъ онъ въ замѣшательствѣ. — «Договаривай!» кричала Алев-

тина: «братецъ, что ли?»—«Точно такъ-съ! Жребій войны-съ....»—«Убитъ?»—«Именно-съ!», произнесъ онъ протяжно.—«Счастливецъ!» тихо прошептала Алевтина, опустивъ взоры, и выдавливая изъ глазъ слезы: «желаніе его свершилось: онъ палъ на полѣ брани! Миръ его праху!»—«Ѣду къ княгинѣ-съ,» продолжалъ фонъ-Дракъ: «къ ея сіятельству-съ, извѣстить ее-съ, что отечество-съ....»—«Что ты! что ты!» закричала Алевтина: «да ты убьешь ее бѣдную! Такое ли время, чтобъ пугать ее. Несчастная! Предоставь это мнѣ! Ее должно поберечь, приготовить. А то и Богъ знаетъ, что злые люди скажутъ.» Иванъ Егоровичъ долженъ былъ снять трауръ, и предоставить своей почтенной супругѣ исполненіе печальнаго родственнаго долга. Алевтина приняла всѣ средства, чтобъ жестокій ударъ нанесенъ былъ со всею силою и тяжестью. Княгиню, нѣсколько недѣль не получавшую писемъ, извѣстила она о пріятной новости: одинъ знакомый ей человѣкъ получилъ изъ арміи письмо отъ своего сына, и въ этомъ письмѣ сказано, что Князь Алексѣй Ѳедоровичъ, слава Богу, живъ и здоровъ, что онъ представленъ къ мальтійскому кресту, и не пишетъ, вѣроятно, по той причинѣ, что его посылали въ командировку.— Это письмо было отправлено вечеромъ, а на другой день, утромъ, Алевтина послала записку, въ которой просила у нея позволенія пріѣхать къ ней за важнымъ дѣломъ. Наташа, восхищенная радостною вѣстію съ вечера, провела ночь

въ тихомъ снѣ, разцвѣченномъ усладительными мечтами, и встала поутру счастливая, оживленная любовью и надеждою. Прочитавъ записку Алевтины, она вообразила, что ее ожидаетъ еще какое нибудь пріятное извѣстіе; что, можетъ быть, хотятъ ее увѣдомить о скоромъ пріѣздѣ мужа; поспѣшно одѣлась и отправилась къ ней сама. Пошли доложить о ея пріѣздѣ; она вошла въ гостиную, и увидѣвъ на столѣ разложенныя въ порядкѣ газеты, бросилась къ нимъ, схватила первый листъ, начала читать, вдругъ закричала и лишилась чувствъ.

Расчетъ Алевтины былъ вѣренъ: быстрый переходъ отъ радости къ печали, отъ надежды къ отчаянію, сильно поразилъ Наташу; но злодѣйка не расчитала, что въ жизни женщины есть минуты, въ которыя природа бережетъ ее непостижимымъ образомъ, на зло всѣмъ ударамъ судьбы: Наташѣ наступило время сдѣлаться матерью, и убійственная вѣсть только нѣсколькими часами ускорила ея разрѣшеніе. Она была въ безпамятствѣ: ее снесли въ спальню Алевтины. Крикъ дитяти разбудилъ ее. «Что это?» спросила она: «гдѣ я? что со мною?» — «Вы дома, у себя,» сказала ей незнакомая женщина: «а вотъ дитя, вотъ дочь ваша!» — «Моя дочь! его дочь!» воскликнула она: «подайте мнѣ ее.» Она взглянула на дитя томнымъ взоромъ, въ которомъ изображались и страхъ и любовь, и вѣра и отчаяніе. — «Здѣсь и священникъ, чтобъ дать молитву новорожденной,» сказала женщина: «какъ прикаже-

те назвать ее?» — «Надеждою!» произнесла Наташа слабѣющимъ голосомъ. Съ нею сдѣлалась жесточайшая горячка. Въ теченіе девяти дней она была безъ памяти, бредила безостановочно, звала отца, мужа, дитя.... На десятый день она очнулась. — «Гдѣ дочь моя?» были первыя слова ея. — «Успокойтесь,» отвѣчалъ ей печальнымъ голосомъ врачъ, сидѣвшій у постели: «она спитъ.» — «Нѣтъ, не спитъ! не обманывайте меня! А если спитъ, подайте спящую.» — «Не тревожьтесь,» примолвила Алевтина Михаиловна: «да будетъ воля Божія!» — «Такъ ея нѣтъ въ живыхъ?» вскричала Наташа, поднявшись въ постелѣ. — «Точно такъ,» отвѣчалъ врачъ: «ради Бога, успокойтесь.» — Наташа, почувствовавъ весь ужасъ своего одиночества, предалась жесточайшему отчаянію, но это отчаяніе вскорѣ превратилось въ тихое уныніе: она не жаловалась, не тосковала, не плакала, не говорила ни слова. Силы ея возвращались. На пятыя сутки, когда уже перестали бдительно присматривать за нею, она встала ночью съ постели, одѣлась кое-какъ, набросила на себя салопъ, повѣсила себѣ на шею портретъ князя, взяла бумажникъ съ деньгами, и тихонько прокралась изъ дому. Съ необычайною твердостью дошла она до заставы города: увидѣла часовыхъ, вообразила, что ее остановятъ, отведутъ домой какъ сумасшедшую, и воротилась, но не домой, а прошла по всей Литейной Улицѣ къ берегу Невы. Ночь была темная и бурная; рѣка волновалась; вѣтеръ вылъ. «Несвезти ли

куда, барыня?» спросилъ гребецъ маленькаго ялика. — «На шлиссельбургскую дорогу, къ Фарфоровымъ Заводамъ!» сказала Наташа, оглядываясь: «вотъ тебѣ рубль.» — «Извольте садиться!» отвѣчалъ гребецъ. Въ эту минуту ей почудилось, что за нею гонятся; она поспѣшно бросилась въ яликъ, и уронила платокъ на пристани.

Какое было ея намѣреніе! Что побудило ее къ бѣгству, и куда хотѣла она бѣжать? — Въ первые часы послѣ открытія всѣхъ своихъ утратъ, она рѣшилсь было лишить себя жизни, умереть съ голоду, броситься въ воду — только бы не жить одинокою въ этомъ свѣтѣ. Съ этою мыслію встала она въ одну ночь, и молитвою начала готовиться къ смерти; но молитва не шла ей на умъ, не согрѣвала сердца предъ совершеніемъ тяжкаго грѣха. И слезы ея остановились, и отрадная надежда, что она свидится на томъ свѣтѣ съ любезными ея сердцу, ее оставила. Въ ней возникла мысль: «они въ райской обители, мой великодушный, благородный, добродѣтельный другъ, моя невинная дочь — а я, самоубійца — отлучена буду навѣки отъ ихъ свѣтлаго лика!» Она обратила вопрошающій взглядъ на иконы, освѣщаемыя слабымъ свѣтомъ лампады, и увидѣла маленькій эмалевый образъ, подаренный ей теткою ея, монахинею; вспомнила послѣднія слова отца своего, упоминавшаго въ часъ смерти о сестрѣ, и рѣшилась удалиться къ ней — рѣшилась бѣжать тайкомъ, — чтобъ никто не могъ догадаться, куда она скрылась — чтобъ ее

сочли погибелью. Не теряя ни минуты, она исполнила свое намѣреніе. И тѣло и душа ея были въ необыкновенномъ, сверхъестественномъ напряженіи: она едва себя помнила, но твердо стремилась къ своей цѣли. Разными, невѣдомыми ей путями, посреди тысячи опасностей и лишеній, она достигла конца своего странствія. Монастырь, въ который удалилась тетка ея, лежалъ далеко отъ большихъ дорогъ и жилыхъ мѣстъ, посреди густыхъ лѣсовъ и непроходимыхъ дебрей, на границѣ Курской Губерніи. Чрезъ три недѣли по выходѣ ея изъ дому Алевтины, сверкнула передъ нею, изъ-за густаго бора, золотая маковка монастырской церкви. Она удвоила шаги, и вскорѣ очутилась въ кельѣ старицы Екатерины, бросилась къ ногамъ ея, и воскликнула: «Тетушка, примите меня подъ свой покровъ! спасите меня отъ отчаянія и самоубійства!»

Екатерина съ любовію и состраданіемъ встрѣтила, призрѣла, утѣшила страдалицу. Кроткая бесѣда, истинное соучастіе, тихая, общая молитва мало по малу возвратили Наталію къ жизни и разсудку. Она сообщила теткѣ повѣсть своего счастія и своихъ утратъ, и молила ее о позволеніи обречь себя монашеству. Екатерина выслушала ее съ терпѣніемъ, но на просьбу ея отвѣчала: «Еще не время, дочь моя! Богу не угодны обѣты отчаянія и бурныхъ страстей, возмущенныхъ свѣтскою жизнію.» — Наталія повиновалась, жила у Екатерины, исполняя всѣ обязанности иночества, и ждала только ея позволе-

нія, чтобъ постричься. Волненіе отчаянія утихло въ ея сердцѣ; осталось кроткое, усладительное воспоминаніе о предшедшихъ друзьяхъ, и благоговѣйное чувство благодаренія Богу: онъ даровалъ ей въ жизни нѣсколько счастливыхъ дней, недѣль, мѣсяцевъ, озарившихъ своимъ отраднымъ свѣтомъ остальные темные часы ея существованія. Прошло три года. Она повторила просьбу свою, и получила прежній отвѣтъ: «Рано, дочь моя!» — Еще протекло нѣсколько лѣтъ. Наталія возобновила вопросъ: отвѣтъ былъ тотъ же. — «Когда жъ наступитъ эта пора?» спросила она. — Екатерина поглядѣла на нее съ горестною улыбкою, и отвѣчала: «Не знаю. Но доколѣ сердце твое привязано не только къ благамъ, но и къ воспоминаніямъ о благахъ здѣшняго міра, тебѣ нельзя, по совѣсти, произнести вѣчнаго обѣта. Богъ требуетъ сердца чистаго, горящаго одною любовію къ нему, а твое сердце трепещетъ при мысли о твоемъ другѣ, пьетъ отраду въ воспоминаніи о прошедшихъ дняхъ любви, — можетъ ли оно исключительно принадлежать Богу? Не осуждаю твоихъ чувствъ и помышленій: помни, люби друзей своихъ, живи ихъ памятью, наслаждайся мыслію о свиданіи съ ними на томъ свѣтѣ — но притомъ не постригайся.» — «Такъ неужели вы, тетушка, забыли свѣтъ, забыли друзей своихъ, забыли блага, которыми Провидѣніе наградило васъ въ жизни, забыли съ той минуты, какъ обрекли себя на служеніе Богу? Нѣтъ! ваше сердце бьется еще для ближнихъ,

для прежнихъ друзей!» — «Такъ, другъ мой!» отвѣчала Екатерина съ глубокимъ вздохомъ: «сердце мое еще привязано къ свѣту — и по этой самой причинѣ, по собственному опыту, я не совѣтую тебѣ спѣшить обреченіемъ себя на вѣчное затворничество. Годы изсушили мое тѣло, волосы мои побѣлѣли, глаза померкли, сердце бьется тихо, тихо; но есть воспоминанія, которыя приводятъ его въ волненіе, возмущаютъ душу мою, переселяютъ въ міръ былой и невозвратный, и прерываютъ нить моихъ иноческихъ помышленій и занятій. Тебѣ скажу я, другъ мой: я любила; я лишилась того, кто былъ мнѣ дороже жизни; заключилась въ стѣнахъ монастырскихъ, но не ушла отъ своего одиночества, отъ своихъ мученій, и въ то время, когда окружающіе меня славятъ мою набожность, мое смиреніе, ставятъ меня въ примѣръ моимъ сестрамъ, я въ душѣ своей чувствую, что не достойна ихъ хвалы. И въ сію минуту, когда я говорю съ тобою, ликъ милый и незабвенный, давно истлѣвшій подъ гробовымъ покровомъ, живетъ въ сердцѣ, носится въ глазахъ моихъ. — Знай, Наташа: я любила пламенно, страстно, любила человѣка, который былъ достоинъ моего сердца. Мы были обручены. Совершеніе брака отложено было на три мѣсяца, до окончанія траура по одной моей дальней родственницѣ. Вдругъ открылась въ Москвѣ чума. Мой женихъ, пламенный и усердный къ общему благу, сострадательный къ бѣдствующему человѣ-

честву, бросился помогать зараженнымъ, и сдѣлался жертвою своего великодушія. Ужасная болѣзнь открылась въ немъ, когда онъ сидѣлъ у меня, отдыхая отъ тягостныхъ трудовъ своихъ — и въ нѣсколько часовъ прекрасный юноша превратился въ безобразный трупъ. При самомъ началѣ его болѣзни, всѣ домашніе меня оставили; домъ нашъ оцѣпили, и лишь только онъ испустилъ дыханіе, вломились въ двери страшные люди, мнѣ дотолѣ незнакомые, исторгли бездушное тѣло изъ моихъ пламенныхъ объятій, и бросили на улицу. Я кинулась за нимъ, съ балкона, на груду мертвыхъ. —Безчувственную свезли меня въ чумный лазаретъ. Я не заразилась. По миновaніи опасности меня выпустили. Я скрылась въ монастырѣ, и чрезъ годъ постриглась. Но страшный обѣтъ предъ алтаремъ Божіимъ не исторгъ изъ моего сердца любви къ жениху моему. Тридцать восемь лѣтъ плачу я по немъ въ кельѣ моей, откуда должны возноситься къ Богу молитвы чистыя и безстрастныя!—Наташа! не бери на душу свою этого грѣха! Только тогда, когда угаснетъ въ твоемъ сердцѣ и воображеніи послѣдняя искра любви земной, посвяти себя служенію неба. А это время еще далеко.» — Наталія повиновалась страдалицѣ. Не давая вѣчнаго обѣта, она облеклась въ одежду монашескую; чтобъ забыть имя свое, которое такъ сладостно для ея сердца умѣлъ произносить другъ ея, приняла имя Елены — такъ называлась тетка ея въ свѣтѣ, — и

проводила дни свои въ трудахъ, постѣ и молитвѣ. Душа ея укрѣпилась; тѣло не ветшало; сердце билось тихо, но билось еще для Кемскаго: она не постригалась.

Протекли семнадцать лѣтъ жизни въ этой обители. Елена не знала и не хотѣла знать ничего, что происходитъ въ свѣтѣ. Въ двѣнадцатомъ году едва явственный отголосокъ бури, опустошавшей Россію, коснулся слуха отшельницъ въ пустынной обители, и уже молебствіе благодарственное раздавалось въ стѣнахъ церкви монастырской. Екатерина скончалась. Предъ смертію своею, повторила она Еленѣ свои завѣщанія, и просила ее поѣхать въ Москву, отыскать домъ, въ которомъ умеръ женихъ ея, и тамъ, въ день смерти его, отслужить по немъ панихиду.

Елена, закрывъ ей глаза, исполнила ея желаніе: отправилась въ Москву, долго искала этого дома въ разрушенной и обновленной столицѣ. Наконецъ нашла его, нашла тамъ дальнихъ родственниковъ, наслѣдовавшихъ этотъ домъ по постриженіи ея тетки. Въ ожиданіи наступленія завѣтнаго дня, Елена, отвыкшая отъ городскаго шума, удалилась въ загородный монастырь, гдѣ дочь нашла ее.

Привѣтливость, любезность, милая откровенность Надежды восхитили Елену: она влеклась къ ней непостижимымъ сочувствіемъ, съ непонятною любовію прижимала ее къ сердцу, съ восторгомъ слушала наименованіе матери изъ

устъ ея. — По отъѣздѣ Надежды, она спросила у игуменьи, кто была эта милая, прекрасная дѣвица. — Игуменья, знавшая Надежду изъ бесѣдъ съ ея спутницею, отвѣчала, что эта дѣвица долгое время не знала своихъ родителей, что, лишась матери при самомъ рожденіи, была брошена жестокосердыми и жадными родственниками, что отецъ, давно ее оплакавшій, случайно нашелъ ее. — «А кто она такая?» спросила Елена, не догадываясь объ истинѣ. — «Княжна Надежда Алексѣевна Кемская!» отвѣчала игуменья.

Наташа бросилась въ Москву, остановилась въ домѣ своихъ родственниковъ, подошла къ дверямъ балкона. . . . .

LXI.

С. Петербургъ, Октября 1817.

Срокъ отпуска Ветлина кончился: онъ возвратился въ Петербургъ съ молодою женою.

Надежда, по приказанію отца, поспѣшила къ другу его, Алимари, но уже не застала его въ живыхъ: онъ заснулъ тихо, за пять дней до ея пріѣзда, и былъ погребенъ, по своему желанію, на кладбищѣ за самсоніевскою оградою.

На письменномъ его столикѣ Надежда нашла неконченное письмо его къ Кемскому:

«Богъ еще въ здѣшнемъ мірѣ вознаградилъ васъ, другъ любезный и единственный! Для человѣка добродѣтельнаго сдѣлалось исключеніе

въ обыкновенномъ порядкѣ дѣлъ человѣческихъ. Но истинная, нетлѣнная, достойная награда не здѣсь насъ ожидаетъ. . . . .

«Чувствую приближеніе моего пробужденія. Когда вы будете читать эти строки, знайте, что я увидѣлъ своихъ. Отецъ мой, мать моя, Антигона, дѣти. . . . .

«Тамъ найду я конечное рѣшеніе моихъ здѣшнихъ недоумѣній. Но ихъ не много. И здѣсь увѣрился я, что духовное, божественное начало преобладаетъ въ мірѣ. Растенія привязаны къ землѣ неподвижно, и темными корнями пьютъ жизнь изъ невѣдомыхъ нѣдръ ея. Одушевленныя творенія питаются произведеніями земли, движутся по ней, но подняться, отторгнуться отъ ней не могутъ. Души людей живутъ пищею небесною, невидимыми узами совокуплены съ вѣчнымъ источникомъ жизни; здѣсь кажутся онѣ, въ отдѣльныхъ тѣлахъ, особыми, розными существами, но незримыя нити отъ родныхъ близкихъ душъ сходятся тамъ, въ таинственномъ вертоградѣ, вѣтвями и древами. Ищите здѣсь родныхъ своихъ, ищите и подлѣ себя, ищите и отдаленныхъ горами, морями, океанами; любите ихъ здѣсь любовью неземною — тамъ вы съ ними увидитесь вблизи; тамъ, по пробужденіи, скажете: «Какой мнѣ снился страшный, тягостный сонъ! Слава Богу — это была мечта! Вы здѣсь, вы со мною, милые моего сердца! Теперь мы никогда не разстанемся.»

